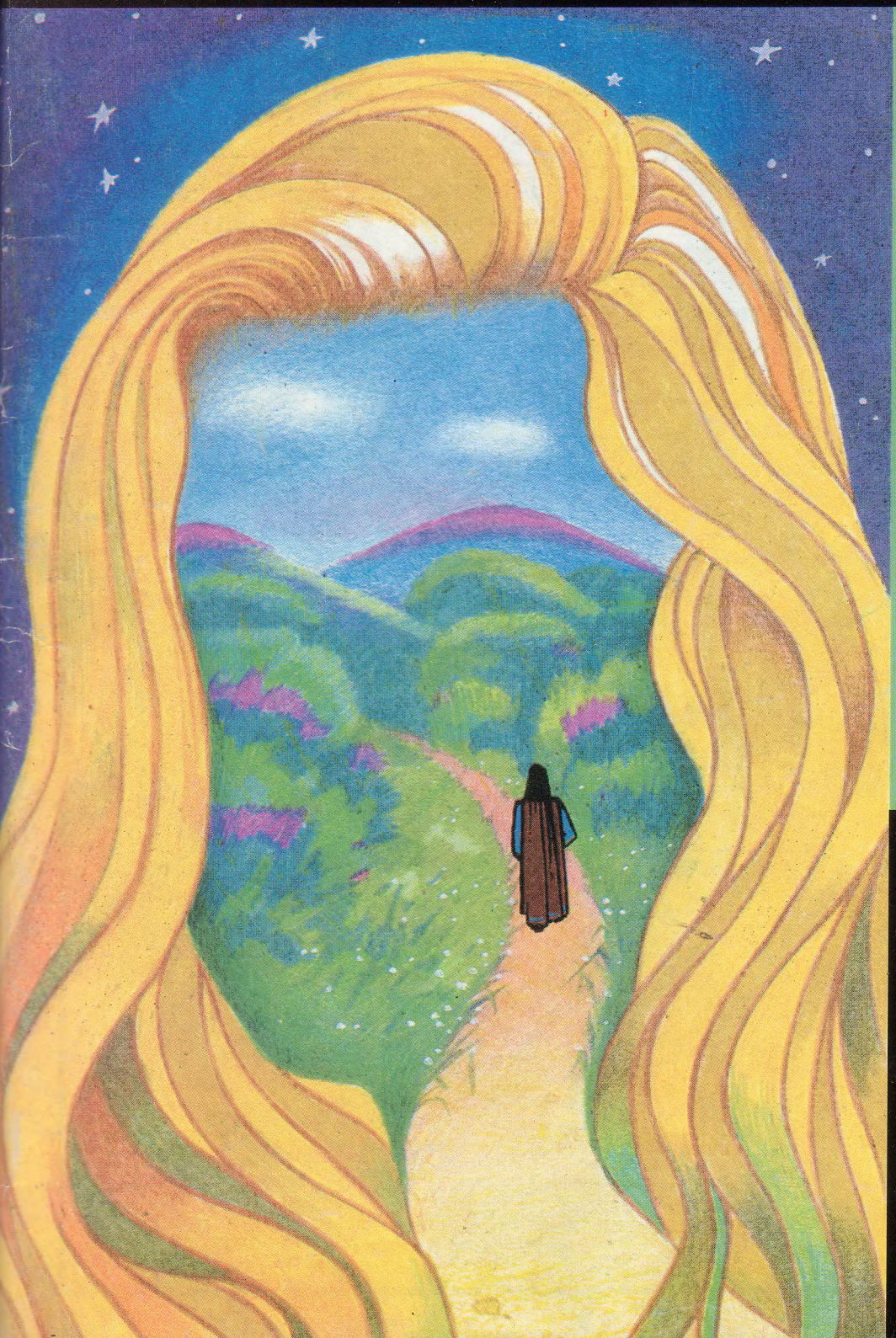
ISSN0136-0140

1994

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ



В НОМЕРЕ

ЭЛЕН КАШНЕР
ТОМАС РИФМАЧ

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН
ТРЕБУЕТСЯ ЛИШЬ НЕМНОГО ВЕРЫ

ЛАРРИ НИВЕН
НЕЗАДОЛГО ДО КОНЦА

КИР БУЛЫЧЕВ
НОВЫЙ СУСАНИН

9

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

9'94 (23)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР: FANTASY

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Харлан Эллисон. *Требуется лишь немного веры.* 4

Карина Мусаэлян. Разбить клетку. 7

Элджернон Блэквуд. *Ивы.* 12

Анатолий Акимов. Вести из параллельного мира. 20

Ларри Нивен. *Незадолго до конца.* 24

Кир Булычев. *Новый Сусанин.* 28

Наталия Сафронова. В поисках будущего времени. 38

Элен Кашнер. *Томас Рифмач.* 42

Елеазар Мелетинский. Золотые оковы мифа. 92

Кирилл Королев. Соседи по планете. 94

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Заместитель редактора:
Елена Босовская.

Редакция:
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Сергей Никифоров,
Наталия Сафронова,
Елена Сеславина,
Татьяна Сычева.

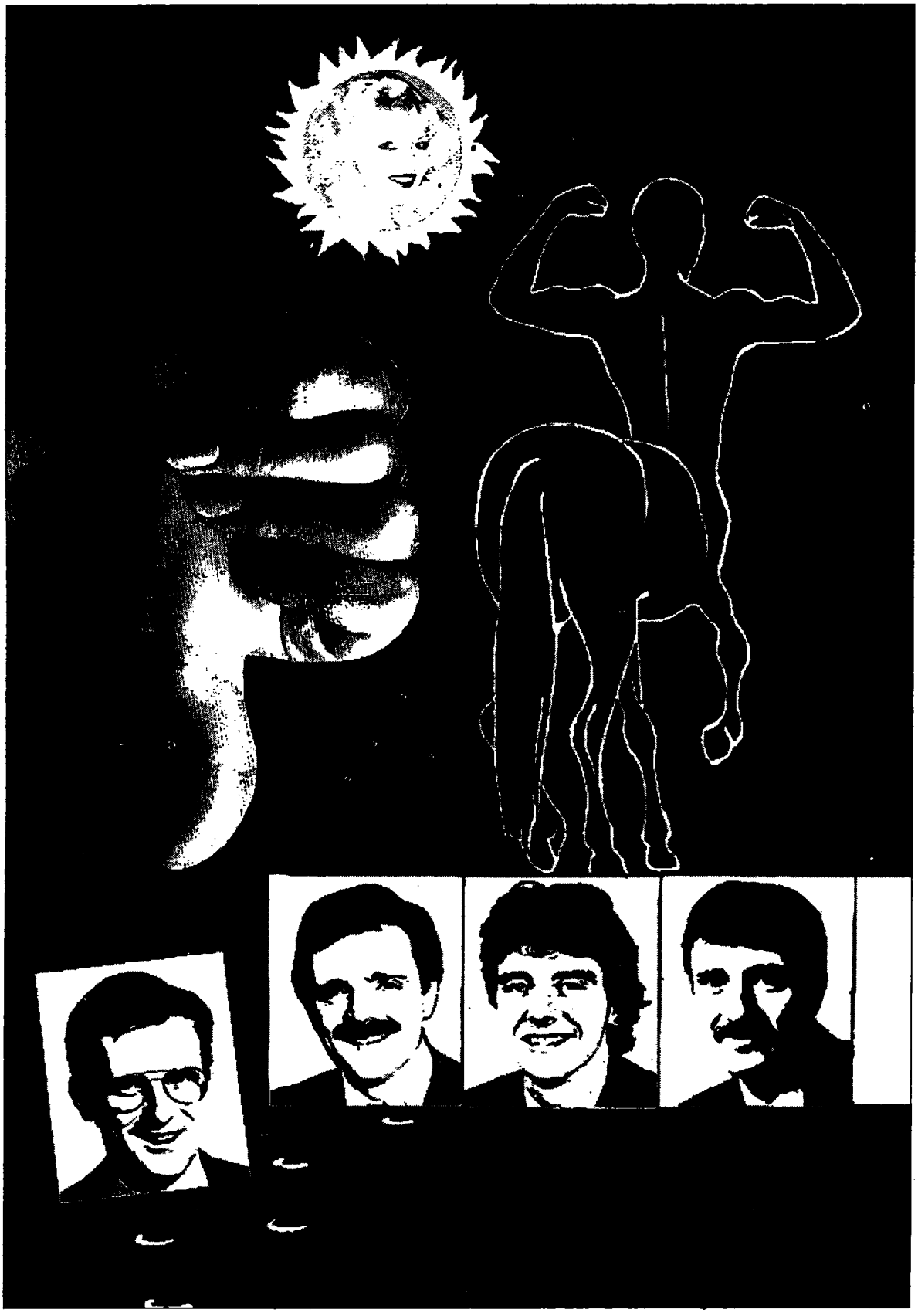
Иллюстрации:
Олег Васильев *(Э. Кашнер),*
Ольга Дунаева *(Э. Блэквуд),*
Александр Жабинский *(К. Булычев),*
Александр Михайлов *(Х.Эллисон),*
Константин Рыбалко *(Л. Нивен).*

Верстка:
ТОО «Апокриф».

Сдано в набор 05.07.94. Сдано в печать 10.08.94.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул.1905 года, д.7.
Усл.печ.л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 52 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ № 3644

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

© «Если»
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.



Харлан Эллисон

Требуется лишь немного веры

Прижавшись спиной к скале, Нивен ощупывал кончиками пальцев растрескавшуюся поверхность камня. Стена, похоже, делала изгиб. Нивен молил, чтобы удалось обогнуть котел, куда он попал, иначе — конец. Покойник — и точка. Кентавр приблизился еще на несколько футов, подняв тучу красной пыли. Его золотые копыта сделались темно-малиновыми. Получеловек-полуконь из прочитанных в детстве мифов, как он очутился здесь?

Маленькие глазки-буравчики кентавра были такого же красного цвета, как и земля, которую он топтал от нетерпения. Неожиданно Нивену почудилось, что лицо кентавра похоже на лицо Джона Бэрримура. Как две капли воды. Только крошечные глазки, красные и злобные, портили сходство. В них светилась незнакомая ярость.

Невероятным образом Нивен, человек без особых талантов и достоинств, был переброшен в некое... место? время? континиум? (но Земля ли это вообще?), где до сих пор бродят кентавры. Один из них сможет наконец выместить веками копившуюся ненависть на представителе расы, в свое время вытеснившей кентавров с привычных мест обитания. Настал день расплаты с Homo sapiens.

Нивен медленно продвигался вперед, не отрывая спины от скалы. Одной рукой он продолжал ощупывать каменный выступ, с которого осыпались сухие крошки глины, а другой — размахивать сучковатой увесистой палкой. Когда Нивен на момент опустил свое оружие — слишком было тяжело, — кентавр прыгнул. Нивен успел развернуться вполоборота и что есть силы снова замахал дубиной. Кентавр резко затормозил, пропахав копытами глубокие борозды в сухом грунте и замер в двух футах от крутящейся, как пропеллер, палки. Нивен, не прекращая вращать ее, повернулся к стене боком и со всего маху ударил дубиной по скале — дерево разлетелось на куски.

Кентавр удовлетворенно фыркнул.

Нивен мгновенно покрылся липким потом. От сильного удара его хорошенько тряхнуло, а левая рука тотчас потеряла чувствительность и онемела. Однако в скале открывался проход, которого он, стоя спиной, прежде не замечал. А вместе с проходом появилась и робкая надежда остаться в живых. Когда кентавр приготовился к последнему прыжку, намереваясь раздавить своим огромным телом ничтожного человечишку, Нивен боком протиснулся в узкую щель и очутился внутри горы. Не раздумывая ни секунды, он повернулся спиной к входу и понесся что было сил во мрак пещеры. Бледно-голубой свет, и так неяркий из-за завесы плавающей в воздухе мелкой пыли, бледнел все больше и наконец угас совсем, как только Нивен свернул вбок. В кромешной тьме абсолютно ничего не было видно, разве что мерцали перед глазами крошечные искорки.

И тут вдруг до Нивена дошло, что свет, от которого он убегал, — те самые обрывки голубизны и трупная желтизна неба — не имели ничего общего с цветом небес всех известных ему на земле мест. Но в этот самый момент Нивен споткнулся о каменный выступ и, кувыркаясь, полетел в бездонную пропасть. Он пытался ухватиться за что-нибудь, но натыкался лишь на невидимую стену из гладкого камня, сырую и холодную. В этих бесплодных попытках он содрал кожу с кончиков пальцев, но словно не ощущал боли. Всплеск воды, в которую, едва не сломав себе спину и шею, врезался Нивен, заглушил его пронзительный крик.

Он погружался в черную бездну. Рот был заполнен вонючей мерзостью, сомкнувшиеся воды утягивали в погребальный холод тело своей жертвы.

Воспоминания, не встречая преград, хлынули в незащищенный никакими барьерами разум.

Он снова очутился... в старой лавке предсказателя.

Неужели это было всего лишь несколько минут назад? Он стоял в лавке предсказателя в Тихуане, обнимал девушку, отпускал едкие и циничные замечания. Разве могла прийти мысль, что он окажется в этом каменном мешке, лицом к лицу с разъяренным кентавром?

Или это было давно? И с тех пор минул действительно огромный срок. Но не все ли теперь равно, раз его поглотили мрачные воды Стикса?

«Huaraches» — значилось на вывеске — и «Serapes».*

Берта смотрела на него сквозь стакан — она предпочитала «Том Коллинз». Нивен поигрывал соломинкой в своем, с порцией «Куба Либре», насвистывая незамысловатый мотивчик. Взгляд его вяло скользнул по Авенидо Революсьон.

В Тихуане доступно все, что ни пожелаешь. Десятилетние подростки обоего пола. Девственники или девственницы. Настоящая французская парфюмерия за вычетом тарифа. Марихуана. Гашиш. Любые наркотики. Бонго, деревянные донкихоты ручной работы, индейские лавчонки, бой быков, скачки, тотализатор, стриптиз-шоу. Браки, разводы, секс в автомобиле. И, конечно, быстрые и без хлопот аборты. А вот, пожалуйста, фотография: вы в широченном сомбреро верхом на осле. Осел на осле...

Приехать сюда — сущее безумие. И все-таки они здесь, ибо у Берты возникла «проблема». Но теперь дело сделано, и она чувствовала себя —

* *Род национальной мексиканской обуви и одежды (Прим. перев.).*

«спасибо тебе, дорогой» — просто классно. Они заскочили в это открытое кафе пропустить по рюмочке: Нивен знал, что ей обязательно захочется выяснить отношения.

Он не имел ни малейшего желания начинать беседу. Ему даже не хотелось смотреть на Берту. Нивен был уверен, что она догадывается о его состоянии, но, подобно всем женщинам, все-таки продолжает испытывать в нем потребность, надеется, что он поможет разделить с ней ее страхи и переживания. Но Нивен не мог предложить Берте того, чего ей хотелось. Он не мог отдать ей самого себя.

Их отношения развивались обычно. Много смеха, много чувственности, потом Берта забеременела. У Нивена появился шанс, возможно, первый и единственный раз в жизни, поделиться собой с кем-то другим, не испытав при этом неприязни и психической травмы, обрести реальную поддержку и спокойствие.

Берта согласилась на аборт, а Нивен оплатил расходы на операцию. И вот теперь они сидят в кафе; Берта испытывает страстное желание объясниться, но Нивен молчит, прекрасно понимая, что от этого теряет ее. Он поймал себя на мысли, что старается смотреть куда-то вверх. Конечно, красавицей Берту не назовешь, но ее лицо ему очень нравилось. Пожалуй, жить, видя постоянно такое лицо, он сумел бы.

Берта улыбнулась.

— Ну и что же дальше, Джерри?

— Нам следует поступать так, как требуется. И, пожалуйста, не надо давить на меня.

Глаза Берты на миг вспыхнули.

— Я и не напираю, Джерри, а просто спрашиваю. Мне тридцать пять, у меня никого нет, и это ужасно ложиться в постель одной, не имея никакого будущего. Похоже, именно в этом и заключается твой рациональный подход?

— Рациональный, но вовсе не обязательный. Кажется, ты провела несколько неплохих недель?

— Джерри, я должна знать: найдется ли в твоем обширном мире хотя бы крохотная комнатушка и для меня?

— В моем мире едва хватает комнат для меня самого, дорогуша. И если б ты знала, на что похож мой мир, вряд ли бы ты пожелала в него войти. Ты видишь перед собой наираспоследнейшего из циников, из женоненавистников, самого последнего из злейших мужчин. Все мои богини и боги не более, чем пьедестал из дерьма, на котором они и возлежат, уткнувшись носами вниз, словно этрусские статуи. Поверь мне, Берта, ты сама не захочешь в мой мир.

Лицо Берты выражало смирение.

— Говоря нормальным языком, ты объяснил мне, что мы-де неплохо провели время, но, однако, допустили небольшую оплошность, которая, к счастью, вовремя была исправлена, а посему все осталось в прошлом.

— Нет, я имел в виду...

Однако Берта уже встала из-за столика и вышла на улицу. Нивен бросил деньги на скатерть и направился за ней. Берта сумела намного опередить его, но он не спешил, давая ей время остыть. Но едва они дошли до уходящей вниз аллеи, Нивен догнал ее и вежливо взял под руку, уводя в прохладный сумрак.

— Нужно лишь верить, Джерри!

— Ну так и верь, — огрызнулся он злобно, утратив обычное очарование. — Верь. Кто против? Но это — самая что ни на есть несусветная чушь. Верь в то, верь в се, не теряй веры, и тогда святые небеса упасут тебя. Ну так вот, я не верю!

— Если же ты сам ни во что не веришь, то как же может поверить в тебя хоть одна женщина?

Нивена охватило чувство куда более сильное, чем просто злоба. Беспомощность, вылившаяся в циничную жестокость, которая заставила его буквально выплюнуть:

— А уж это ее личная проблема.

Берта выдернула руку и, не оборачиваясь, побежала вниз по аллее.

— Берта! — крикнул ей вслед Нивен.

«Huaraches» — гласила надпись — и «Serapes».

Лачуга в загаженной аллее больше годилась для притона уличных шлюх, чем для таинств морщинистых предсказателей, продающих huaraches и serapes. Однако Нивен, не раздумывая, последовал туда за Бертой, пытаясь уладить ссору, спасти от разрушения хотя бы одну хорошую вещь из своего прошлого. Ему очень хотелось объяснить, что он потерял всякую веру, и теперь этот мир не способен внести в его существование хоть какой-нибудь смысл, придать жизненной силы. Но он знал, что эти слова — если он вообще сумеет их подобрать — он произнесет с болезненно сдерживаемым гневом, злобно и язвительно, что они непременно оскорбят ее и вынудят уйти точно так же, как она это сделала только что.

Старый, умудренный жизнью мексиканец с морщинистой кожей, напоминающей древний иссохший пергамент, прихрамывая, вышел из лавки. Чем-то похожий на ящерицу старик с осторожной хитростью, присущей всем провидцам, предложил им предсказать будущее.

— Спасибо, не надо, — отказался Нивен, как раз на этом месте нагнавший Берту.

Но Берта, вскинув голову, с вызывающим видом зашла внутрь, оставив Нивена на аллее. Нивен последовал за нею в надежде, что она из чувства противоречия тут же покинет лавку, а уж тогда он все-таки попытается отыскать нужные слова. Однако Берта уже стояла в глубине мрачной хибары, а старик-предсказатель, разложив какие-то рунические письмена, начал готовить смесь из трав, кусочков потрохов и прочей мерзости, как он уверял, совершенно необходимой для истинности и ясности предсказания. Пучок шерсти бродячей собаки. Лоскуток кожи с лодыжки утонувшего ребенка. Три капли менструальной крови македонской шлюхи. Круглый присосок морского полипа. Поющая океанская раковина. Да и мало ли чего вовсе без названия, неописуемого, ужасного, скверно пахнущего.

А старик вдруг сказал странную вещь: он не может предсказать будущего Берты... только Нивена.

И в вонючей духоте лавки, размеры которой были неясны в полумраке, Нивен услышал, что он — человек без веры, проклят и обречен, ибо от него отказались уже все. Услышал то, в чем Нивен отказывался признаться себе сам. Разгневанный обрушившимся потоком истины, Нивен ударил старика, отшвырнул маленький круглый столик всей мощью своего крупного тела и снова ударил

старика, смахнув все с грязного стола. Пронзительно вскрикнула перепуганная Берта, стремительно выбегая из лавки.

И тотчас произошел бесшумный взрыв. Какая-то неведомая сила вышвырнула Нивена из самого себя. Какое-то мгновение он одновременно присутствовал сразу здесь и не здесь. А потом необъяснимым образом был перенесен неизвестно куда. В тот каменный котел, где оказался лицом к лицу с разъяренным кентавром.

«Huaraches» — гласила надпись — и «Serapes».

Богом без почитателей, вот кем был этот кентавр, живущий в мире, в который давно уже никто не верит, и встретивший Нивена, человека, который ни во что не верит.

Нивен олицетворял собой всех людей, которые отказались от своих богов и, заявив во всеуслышание, что существуют сами по себе, поверили собственным словам. А вот теперь один из потерянных богов страстно желал отомстить представителю человеческой расы за свое изгнание.

Нивен погружался все глубже и глубже. Его мысли свелись к одной, все воспоминания разлетелись на мелкие осколки, никак не связанные друг с другом. Дыхание сперло, живот вздулся от неимоверного количества заглатываемой воды, на виски давило, а перед глазами стояла сплошная чернота. Нивен пытался сопротивляться и слабыми движениями рук делать гребки, скорее неосознанно, чем по воле разума. Движение вниз прекратилось. Нивен рывками проталкивал тело сквозь толщу густой, как желатин, жидкости и вдруг различил едва видимый свет, идущий сверху.

Он боролся, кажется, целую вечность, греб и умирал, но когда уже решил, что больше не выдержит, его голова оказалась над поверхностью воды. Нивен оказался в подземной пещере.

Долго он проежал наполовину в воде, наполовину на суше, пока не подошел некто и не вытянул его на берег. Лежа на животе, Нивен осознавал, что все-таки еще жив, а спасший его стоял рядом в тихом и спокойном ожидании. Нивен попытался встать на ноги, и некто опять помог ему. В полумраке он сумел разглядеть длинную грубую одежду незнакомца, ибо свет здесь все-таки был, и исходил он от сияющего ореола, окружавшего неизвестного. Вместе с поддерживающим его незнакомцем Нивен ушел прочь от гибельного места. Они долго пробирались между каменных стен к миру, что ждал их снаружи.

Нивен стоял усталый, потрясенный открывшейся ему реальностью. Незнакомец неторопливо удалялся, когда Нивен вдруг понял, что эти печальные глаза, борода, одеяние и даже свет, исходивший от его временного спутника, ему знакомы.

Иисус ушел все с той же печальной улыбкой.

Нивен опять остался один.

Как-то глубокой ночью ему послышались словно звуки рога Одина, доносящиеся издалека, но в том он не был уверен. А однажды рядом что-то прошелестело, и, открыв глаза, Нивен заметил женщину с головой кошки, однако та мягко ускользнула в темноту, не обмолвившись с ним ни единым словом. Ближе к утру небо озарилось светом. Это была Огненная Колесница Гелиоса, но, возможно, у него просто появились зрительные галлюцинации, вызванные голодом, тоской и недавним погружением в воду. Нивен вообще ни в чем не был уверен.

Тогда он побрел в наугад выбранном направлении, но в этой, не имевшей названия, местности ход времени совершенно не ощущался. Его звали Нивен, но это имя значило здесь не больше, чем Аполлон, Вишну или Ваал. Просто имя человека, который сам ни в кого и ни во что не верил. И если нельзя вернуть известных и весьма почитаемых богов, то как можно вернуть человека, чьего имени вообще никогда никто не знал?

Для него богом могла стать Берта, но он не дал ей возможности поверить в него, всячески препятствовал этому, а посему не осталось вообще никого, кто верил бы в человека по имени Нивен. Так же, как не было истинно верующих в Serapes или Персея.

На следующую ночь Нивен понял, что навсегда останется жить в этом ужасном и мрачном Ковентри. Боги никогда не смогут заговорить с ним. Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Ибо он никогда не верил ни в одного бога...

И ни один бог тоже не верил в него.

Перевел с английского
Михаил ЧЕРНЯЕВ

Карина Мусаэлян

РАЗБИТЬ КЛЕТКУ

Встреча человека с отвергнутым им некогда божеством была назначена Х.Эллисоном не случайно. Рассказ написан в 1968 году, когда Запад захлестнула волна молодежных бунтов под знаком отрицания традиционных ценностей. И герой, который «ни во что не верит», сам становится выдумкой, мифом. А во что же верует, каким божествам поклоняется наша молодежь, которая оказалась на том же духовном перепутье, что и их сверстники в конце шестидесятых? Свои размышления главный редактор газеты «Свобода и культура» строит на анализе материалов первой в России Молодежной информационно-социологической службы, созданной у нас под эгидой ЮНЕСКО.

В пять утра она, пятнадцатилетняя девочка, чмокнув наскоро сонную мать, помчалась к пункту раздачи газет для продажи. В подземном переходе, грязно аыматерившись, залихватски закурив длинную «Моге», потеснила мальчугана-конкурента и заняла самое бойкое место. К восьми газеты были распроданы, с выручки кинула девчонке-флейтистке тысячу — «Понравилась!» — и в школу. Получила за опоздание запись в дневнике. Отсидела с переменным успехом шесть уроков — «два» по математике, «пять» по литературе» — и по магазинам. Булочная, гастроном. Отстояла очередь у машины с картошкой, солидно отбрасывала гнилье, препираясь по-бабьи с продавцом, — и домой. Мать болеет, не встает третий месяц. Приготовила обед, покормила мать. Кряхтя, с трудом переворачивая больную, сменила постельное белье. До шести уроки, двойку исправлять надо — «Мне-то все равно, на трояк вытянут, но матери нельзя волноваться». Потом кассетник в руки — «Сама купила!» — и на улицу. Побалдела с приятелями, «травку» покурила — угостили. «Кайф!» Поучаствовала в драке. «Учили» Нинку с первого этажа — «Нинка у Ленки парня увела». Снова покурили, раздавили по банке пива. Потом увел ее Алешка.

В одиннадцать — домой: надо лечь пораньше, завтра с утра к оптовикам — обещали за копейки партию свитеров турецких отдать. «Ма, я тебе в ночном ларьке подарок купила — «Баунти», райское наслаждение!» Залезла к матери под бок, прижалась по-детски. Вдохновенно врала, где была и что делала.

А после шептала на кухне стихи...

Ничего мне не осталось,
только горькая усталость,
только пыльная дорога,
не ведущая к порогу.
Оттого, что мы не боги,
не подвластны нам дороги.
Мы не в силах выбирать,
для чего нам умирать.
Твою мать!..
Хуже здесь уже не будет.
Бог подаст, и Бог рассудит.
Кто запомнит, кто забудет.
Будь что будет!
Не суди меня так строго,
ведь у нас одна дорога,
где ни Бога, ни острога,
и нельзя с нее свернуть...
До свиданья! Добрый путь...

Так изо дня в день в одном невзрослом человеке попеременно берут верх Зло и Добро, соседствуют царство Божие, ад и чистилище. Он такой разный — человек! Что же сказать о поколении? Прослеживаются ли какие-то тенденции в его развитии, по которым можно угадать контур будущего портрета?

В 70-х и начале 80-х годов в устройстве своей жизни молодые рассчитывали в основном «на блат, знакомства» (примерно две трети ответов), «на родных» и «на удачу» (больше половины), даже «на государство» и лишь в последнюю очередь «на себя». Нынче приоритеты резко поменялись: «на государство» не рассчитывает никто, «блат» фигурирует лишь в единичных ответах, так же, как и «удача». Главный расчет — «на себя» (70% три года назад и 89% сегодня) и «родных» (44%).

В первую пятерку ответов на вопрос «*Чего ты хочешь больше всего?*» вошли: «здоровья и счастья близким», «здоровья себе», «интересной работы», «большой любви и верных друзей», «иметь возможность регулярно выезжать за рубеж». «Много денег» — на шестом месте. «Слава» и «власть» не котируются — они заняли место в конце второго десятка ответов.

ЗАДАЧА: ИСПРАВИТЬ МИР В ОДИНОЧКУ

«Вы семьдесят лет портили мир коллективно. Мы попробуем исправить его в одиночку. Эгоизм — движущая сила прогресса», — реплика десятиклассника.

Похоже, индивидуализм сегодняшних подростков — не просто возрастное саойство, а некая социальная установка. Подросток в мечтах и реальности строит свой мир, в центре которого он сам, обладающий различными качествами, знаниями, умениями и предметами, полезными для жизни. Он сентиментален и прагматичен. Он понимает: сегодня ему необходимо «несколько образований, включая разного рода курсы» — английского, бухгалтерские, стенографии, компьютерной грамоты, ремесленно-художественные — те, которые помогут устроиться на хорошую работу или иметь приработок (почти половина ответов три года назад и 84% сегодня; десять лет назад большинство на вопрос «*Какое образование ты считаешь для себя обязательным?*» отвечало «высшее» или «среднее специальное»).

Они считают: на удовлетворение их самых скромных потребностей «ежемесячно необходимо десять минимальных зарплат» (две трети ответов). Имеют же они в месяц «реально на карманные расходы одну — пять минимальных зарплат» (75%). Приходится крутиться. И крутятся. Кто как может. Во всяком случае энергичнее родителей. И умнее. И жестче. И беспардоннее. И совесть в области бизнеса, а часто и вообще, считают химерой. Наши дети — кривое зеркало, которое отражает нас. Не дай Бог, если в нем отражается и будущее.

Каждый третий подросток «на карманные расходы зарабатывает сам» (еще год назад это был каждый пятый). Как? Продают газеты, календа-

ри, лотерейные билеты и схемы метро. Стригут собак, работают «кошачьими свахами», курьерами, машинистками, фотомоделями, проститутками и проститутами. В подземных переходах рассказывают анекдоты, играют на скрипках-флейтах-гитарах и просят подаяние, выдавая себя то за сирот, то за беженцев (особенно часто профессиональным нищенством промышляют малыши). Моют машины, окна в квартирах. Пишут контрольные и курсовые для состоятельных знакомых, решают задачки. Ухаживают за стариками и инвалидами. Большинство спекулирует. Так и пишут в графе «способы заработка»: «купил-продал». Или вот еще — веяние времени! — «играю на разнице курсов валют и ценных бумаг».

Каждый восьмой «готов ради денег совершить преступление, если был бы уверен, что не поймают» (еще два года назад так ответил каждый тринадцатый). Свыше половины считает: «в борьбе за существование я вправе использовать любые средства». Каждый четвертый полагает: «добиваясь личного благополучия или успеха, можно игнорировать интересы других людей».

Недавно двум группам московских старшеклассников — «бизнесменам» и неработающим — был задан вопрос: «*Какими качествами должен обладать человек, желающий добиться успеха в предпринимательстве*?» И если не нюхавшие крутого бизнеса школьнички наивно поставили в первую семерку «работоспособность, собранность», «обаяние», «тактичность», «честность, порядочность», «обязательность», «целеустремленность», то у практиков бизнеса на четвертом месте вместо «тактичности» — «напористость», а шестое место разделили «хитрость», «бесчестность, беспринципность», «наглость».

Ни один не хочет, чтобы надували его, но каждый третий «готов к обману со стороны ближнего» и каждый второй «готов при случае надуть ближнего сам». «Я могу обмануть любого, в том числе и партнера, когда мне это выгодно» (47%). И даже — «я готов ходить по трупам» (3%). При этом в партнере почти каждый хотел бы обнаружить «надежность», «верность», «честность». Себе же этих качеств не пожелал никто из юных бизнесменов.

50% юных коммерсантов сообщили, что «ни разу не испытывали неловкости, занимаясь спекуляцией». 42% «чувствовали неловкость лишь первое время». 8% — вроде голубого воришки Альхена: «неловко всегда, но очень уж нужны деньги».

На что же они их тратят? В первую десятку подростковых трат входят «лакомства» (48%), «аудиокассеты» (37%), «подарки друзьям» (36%), «безалкогольные напитки» (32%), «газеты, журналы, книги» и «сигареты» (23%), «безделушки, украшения» (22%), «модная одежда, обувь» (20%), «пиво» (17%), «дискотека» (16%), «кино, видеокассеты», а также «вино и крепкие алкогольные напитки» (10%). На сигареты уходят деньги даже у малышей — курят 4% десяти—двенадцатилетних. К четырнадцати-пятнадцати годам число курящих возрастает до 23%, а к семнадцати — до 32%. Крепкие алкогольные напитки употребляет 6% сосунков и 15% четырнадцати—семнадцатилетних. Каждый сотый достаточно регулярно тратится на наркотики, в основном, «на травку». Каждый десятый — время от времени. Каждый третий хоть раз пробовал наркотик.

ЧТО ОНИ ЛЮБЯТ?

Каждый пятый не любит школу. Отмечают «неудовлетворенность морально-психологическим климатом в школе» (69%). Каждый третий признается: «Я чувствую, что учителя считают меня человеком второго сорта».

Домашних животных любят и жалеют подчас больше, чем людей (57%). И одиннадцатилетний Стасик пишет в сочинении: «Когда я вижу бездомных животных, мне их жалко. У меня дома кот и собака. Им тепло, у них все есть. А когда идет дождь и я вижу из окна на улице кошку или собаку, я представляю себя на их месте: мне холодно, я мокрый, голодный, одинокий».

Со-чувствие, Со-переживание... Никогда не забуду слова пятнадцатилетнего меломана, который весь класс увлек своей страстной любовью к классической музыке: «Я понял, что нужен Моцарту. Да, да, не только он мне, но и я ему: если бы я его не слушал и не понимал, он будто бы и не жил».

Ощущение со-причастности делает мир понятным и близким. А значит — своим. А свое любишь. А любишь, значит, тревожишься, бережешь: родство предполагает ответственность.

Наши дети, как и все мы, хотят любви и понимания. Они ждут их. Но мало кто догадывается сделать первый шаг, открыть полное желания любить сердце тем, кто рядом. Ближним. А потом и дальним. Равнодушие не может родить любви. Недоверчивость и закрытость не могут родить любви. А чтобы полюбить, надо раскрыть свою душу и выслушать другого. Но...

— Ребята, когда вы собираетесь, о чем вы говорите?

— Ни о чем.

— А что вы делаете?

— Врубаем кассетник и балдеем.

— А вы понимаете друг друга?

Неуверенно:

— Да.

— А как?

Молчание.

— А можете вы не встречаться?

— Нет. Просто когда нам становится скучно друг с другом, мы идем домой.

— А что вы делаете дома?

— Врубаем кассетник.

И тогда я поняла, что это одиночество. Они учатся разговаривать с компьютером и мечтают о контактах с пришельцами, а сами остаются инопланетянами друг для друга. И для себя. Может, потому что читают мало?

Бесстрастная социология отмечает: телевизор, «видик», кино, эстрада («попса») и рок устойчиво во всех возрастных группах вот уже третий год идут впереди книг. Помните: «любовь — это когда двое смотрят не друг на друга, а в одну сторону»? Имелась в виду некая даль, общие ценности. Да, они не смотрят друг на друга. Они смотрят в одну сторону — на экран телевизора или «видика».

На досуге российские подростки чаще всаго «гуляют с приятелями» (60%), «смотрят телевизор» (47%), «слушают музыку» (26%), «ходят в кино», «смотрят видеофильмы», «занимаются спортом» и «читают» (20%). Фантастику и детективы 97% читающих поставили на первое место.

В театры ежемесячно ходят лишь 7%. Половина столичных ребят за последние пять лет там не была ни разу! 63% московских детей никогда не ходили в музеи. 88% не знают, что такое концерт классической музыки.

Главным мерилом ценности подростка становится то, как он одет, как обставлена квартира родителей, есть ли у них машина, какими вещами он обладает. С тем, у кого есть Барби с Кеном или «видяшник», дружит больше детей. С тем, у кого есть компьютер или хотя бы «Денди», — еще больше.

«Единственная главная наша задача — вернуть людям их духовные заботы. А жизнь духа начинается только там, где сущность единства осознается выше компонентов, его составляющих». Это сказал Антуан де Сент-Экзюпери. Идея высказана полвека тому назад, да так и осталась не востребованной. Грустные размышления писателя актуальны и сегодня: «Когда мне сказали: «Ты уезжаешь? Как же ты будешь далеко!», я спросил: «Далеко от чего?» Это «что-то», которое мы покидаем, лишь огромное сплетение привычек. В нашу эпоху брачных разводов люди с такой же легкостью «разводятся» с вещами. Холодильники взаимозаменяемы. И дом тоже, если он только комплекс удобств. И приятели... Даже невозможно быть неверным. Неверным чему? Нити любви, связывающие сегодняшнего человека с существами и вещами, так слабы и тонки, что человек уже не переживает разлуку, как в былые времена, когда люди стрелялись или навеки уходили в монастырь из-за погибшей любви, так велика была эта любовь. Мы теперь только производители и потребители...»

ЕСЛИ БЫ К ВАМ ПРИШЕЛ ВОЛШЕБНИК?

Пробудить в человеке его человеческую сущность? Вернуть к самому себе и восстановить утраченные связи с окружающим миром? Как? И что это значит? Что такое человек вооб-

ще и в частности — я, ты, он, она? Чем отличаемся мы и чем схожи? Что для нас всех важнее всего? Что мнимо, преходяще, а что вечно? Где точка отсчета и существует ли она?

Эти вопросы я задавала подросткам, предлагая для начала решить задачу известного английского математика Тьюринга: как отличить кибернетическое устройство от живого человека.

И дети всех возрастов, сами того не зная, повторяли тестовый набор, предложенный когда-то В.Солоухиным для решения этой задачи:

— Надо спросить у собеседника: когда он в последний раз плакал или смеялся? По какому поводу? Кого пожалел и за что? На что он готов ради любви? Ради дружбы? Ради матери? Болит ли у него за что-нибудь душа?

Значит, не Гомо сапиенс, а Гомо эмоционалис? На одном из «круглых столов» в московской школе N962 подростки пытались «проследить» за развитием ребенка. Что присуще ему изначально?

— Многое. Он уже умеет обижаться, тосковать, испытывать страх, радость, боль...

Ребята заглядывают в себя, ищут главное. И вдруг:

— Эврика! — кричит четырнадцатилетняя Наташа. — Единственное чувство, кроме чисто животных, существует у ребенка как потребность: потребность любить и быть любимым!

— Да, — соглашается пятнадцатилетний философ Илья. — Эта потребность любить, еще неосознанная, рождает позицию: этого человека я не знаю, наверное он хороший. То, что, взрослея, мы называем детской доверчивостью, простодушием и меняем эту позицию на противоположную: этого человека я не знаю, наверное он плохой. Выходит, искомая нами точка отсчета, стержень человеческой уникальности, фундамент социальных отношений — потребность любить и быть любимым?

— Да-да, — волнуется Яша, — добро естественно для человеческой природы, а зло — вопреки утверждению об агрессивной сущности человека — искусственно. Посмотрите, во все века добро не нуждалось в доказательствах. В них нуждалось только зло. Для того, чтобы дать кусок хлеба голодному, достаточно желания это сделать. А чтобы не дать или забрать его, надо придумывать объяснения типа «у меня самого нет» или что-нибудь в этом духе...

И пусть это не совсем научно, я получаю удовольствие, слушая их. Мне нравится, что есть среди них хранители древней мысли: Бог есть Любовь. Мне симпатичны те, кто готов сделать любовь осознанной программой жизни. «Люблю» — это значит, «я никогда не причиню тебе зла», «я за тебя тревожусь», «я готов пожертвовать собой ради тебя». Ведь это в то же время и «для меня», потому что «мне это надо», потому что «я иначе не могу». Хорошо, когда человек понимает: доставить радость другому — это принести радость себе.

Тысячу учеников двух московских школ — N1 и N962 — попросили быстро, не задумываясь продолжить фразу «Если бы ко мне пришел волшебник, я бы загадал...» Многие захотели, так сказать, счастья всем — «мира во всем мире», «процветания стране», «чтобы не было нищих и сирот, а также преступников», «чтобы люди стали добрее и милосерднее», и, конечно, «благополучия своей семье», и очень конкретное — «чтобы бабушка выздоровела». Правда, было немало тех, кто попросил бы у волшебника «гектар земли в Огайо», «три «мерседеса» и миллион», «дом в Париже, коттедж во Флориде и счет в швейцарском банке». Фантазия иных не шла дальше «ящика пива».

Любопытна закономерность: как правило, желания нематериального характера «для всех» загадывали дети предпринимателей с высшим образованием, высокооплачиваемых служащих, квалифицированных рабочих, научных работников и творческой интеллигенции. Материальные желания «для себя» были в основном у детей работников сферы обслуживания, предпринимателей без высшего образования, малооплачиваемых работников и неквалифицированных рабочих. Кажется, действительно подтверждается тезис, что только достаток вкупе с культурой и образованием делают людей добрее, великодушнее, склоняют к благотворительности, и, напротив, отсутствие достатка и культуры рождают приземленность, эгоизм, чувства шкурные.

Разные — милые и добрые, жестокие и злые, идеалисты и прагматики, непонятные и непонятые — наши дети пишут сегодня сценарий XXI века. Каким он будет? Хорошо бы вот таким: «Я бы хотела, чтобы наша разваливающаяся страна нашла нужный выход, чтобы люди перестали бегать по магазинам, поняли красоту и радость жизни» (Даша Мамонова, 9 кл., шк. N962). Или таким: «Я хочу стабильности во всем мире, чтоб нигде не было насилия над человеком, чтоб войти в 2000 год без кровавых конфликтов» (Станислав Величко, выпускник СПТУ-49). Или таким: «Я бы хотел, чтобы никто не засорял атмосферу, чтоб все оружие исчезло, чтоб каждый посадил по дереау, кусту и чтобы все зло исчезло с земли» (Антон Попов, 5 кл., шк. N962). Или хотя бы таким: «Чтоб люди научились слышать друг друга. И понимать. И быть терпимее...»

Видно, стали мы плоше
на своем рубеже:
на Сенатскую площадь
мы не выйдем уже.
Что-то в нас надломилось;
но гадать что — не нам.
Мы сдаемся на милость
побежденным врагам.
Нас в Сибирь не отправят
— пробирает озноб...

И в подвал не поставят
— чтобы пулею в лоб.
Только пить нам цикуту,
жечь стихи в темноте,
клясть судьбу и минуту,
и себя: мол, не те!
И не вскочим на лошадь,
и не прыгнем в окно...
На Сенатскую площадь
выйти нам не дано...

Ира Бузулуцкая, 15 лет,
по мотивам Наума Коржавина

Картинки и компьютер

Преподаватель одного из лондонских колледжей Томас Кларк создал программу под назвнием «Магнус». Цель ее — научить компьютер распознавать сканируемые изображения в их связи с соответствующими словами. Программа включвет в себя подобие «нервной системы»; она имитирует работу человеческого мозга и обладает способностью отличать один образ от другого. Вот, к примеру, «Магнусу» «предъявляют» множество картинок, изображающих самых различных кошек, и он их свободно идентифицирует. Теперь уже любая кошачья фотография будет немедленно отнесена машиной также к «кошачьей категории». На экране появляется слово «кэт». Сейчас для «Магнуса» уже доступны описания действий. Например, он четко связывает слова «игрок с битой, отражающий удар» с серией картинок, изображающих человека, биту и мяч. Изобретатель убежден, что в один прекрасный день компьютер окажется вполне способным понимать человека.

Мужчины курят меньше...

Национальный онкологический институт США опубликовал отчет, согласно которому впервые количество мужчин, бросивших курить превысило число тех, кто еще не расстался в этой привычкой. Этот факт стал очевиден после того, как институтом был проведен опрос почти 100 тысяч американцев. 27,4% респондентов в возрасте старше 20 лет сообщили, что они все еще курят, а 28% — что бросили. Однако количество курящих женщин все еще преаышает число тех, кто решительно покончил с табаком. Но и это соотношение постепенно улучшается. Директор института Сэмюэл Бродер видит в этом следствие эффективности широкой «антиникотиновой» кампании, развернувшейся в США в последние годы.

Батарея или маховик?

В ноябре 1993 г. на улицах Оксфорда впервые появились четыре автобуса, не оставляющих за собой никакого дымного шлейфа. Это машины с электродвигателями, специально заказанные городским советом знаменитого университетского центра, обеспокоенного все возрастающим загрязнением здешнего воздушного пространства.
Местная фирме «Southern Electric» построила необычные автобусы по проекту, разработанному инженерами компании «International Autovotive Design» в Уортинге (графство Сассекс). Каждая такая машина обошлась «отцам города» в 125 тысяч фунтов стерлингов. Автобус рассчитан на 18 пассажирских мест, он может развивать скорость до 64 км/ч. Сменные свинцово-кислотные батареи емкостью 64 кВт/ч придется, правда, переставлять каждый час, причем эта процедура занимает около 15 мин. Однако глава транспортного отдела городского совета Роджер Уильямс, большой энтузиаст электромобилей, уверен: улучшение экологической обстановки в черте зеленого студенческого города окупает любые затраты. Не все, однако, приветствуют нововведение.
Так, специалист-энергетик с Инженерного факультета здешнего университета Николас Керти считает избранный метод в корне ошибочным.
— Другое дело, двигетель с маховиком, — говорит Николас Керти. — Он значительно лучше, чем батареи, сохраняет энергию. Примером может служить минитрамвай, построенный фирмой «J.P.Parry» в Кредли-Хите. Диаметр установленного не трамвае маховика составляет 1 м, так что это 250-килограммовое устройство легко размещается под полом вагона. Всего за 90 секунд прямоточный источник энергии мощностью 72 Вт на любой остановке может раскрутить его до скорости 3600 оборотов в минуту. Такой подзарядки вполне достаточно, чтобы перевезти 25 пассажиров на расстояние 4 км. Маховик можно приспособить и к автобусу. Правда, массу маховика придется утроить, так как автобус с его резиновыми шинами теряет энергии больше трамвая, стоящего на стальных колесах. Впрочем, «маховой евтобус» для Оксфорда — это пока только разговоры. А электромобиль уже приобрел популярность у студентов, преподавателей и всех жителей древнего университетского городка.

Экология планеты под наблюдением компьютера

Базирующаяся в Кембридже (Великобритания) неправительственная организация Всемирный совет по мониторингу охраны природной среды создал компьютерную базу данных, охватывающую сведения о представителях животного и растительного мира, находящихся под угрозой уничтожения, местонахождении и состоянии заповедных районов, о миграции животных и других экологических пареметрах всего земного шара. С начала 1993 г. эта информация доступна любому пользователю известной глобальной электронной сети «Internet», а также коммерческих сетей «Cix» и «Compusero». Подробность системы очень велика, она включает в себя даже небольшие островки в океанах. Общее количество хранящейся в памяти ЭВМ информации составляет около 1 гигабайта, что в четыре раза превышает объем «Британской энциклопедии». Система будет наблюдать за сохранением популяции животных, внесенных в «Красную книгу», за вырубкой лесов, наступлением пустынь. Все эти сведения теперь могут поступать от местных экспертов в Кембридж немедленно, что позволит принимать оперативные меры для сохранения природы.

Автопилот команду принял Поехали...

В национальном институте стандартов и техники США, расположенном в Гейтерсбурге, что в штате Мэриленд, сконструирована машина, которая вполне может обходиться без водителя. Человек сообщает компьютеру пункт назначения и в дальнейшем оставляет систему в покое; с подробностями она справляется сама, причем прокладывает маршрут к цели куда эффективнее, чем любой из нас. ЭВМ анализирует изображения пути, получая их от видеокамер, и распознает полотно шоссе, четко отделяя его от центральной двойной желтой линии, которой в Америке разделены встречные полосы, и от белой линии, за которой начинается обочина. Пятнадцать раз в секунду система сверяет данные и при необходимости вносит в курс следования поправки. Сейчас машина уже прошла значительную часть испытаний на полигоне. Скорость ее доходит до 88 км/ч, причем компьютеру совершенно не важно, происходит движение при солнечном свете, в ночной тьме, в густом тумане или под дождем. Пока, правда, автомобилем управляет большой компьютер, установленный в центре испытательного полигона; ЭВМ передает свои команды системе управления по радио. Но как только речь зайдет о серийном производстве, на борту машины смонтируют специальную миниатюрную ЭВМ. Основное преимущество «новичка» заключается в том, что его можно использовать на уже существующих автомагистралях. Но есть у новой мешины и недостаток: она не справляется со своими обязанностями, когда дорожная разметка становится неразличимой для видеокамеры. Однако инженер-конструктор Генри Шнайдерман считает это препятствие преодолимым.

Элджернон Блэквуд

Ивы

После Вены, задолго до Будапешта, Дунай достигает пустынных, неприютных мест, где воды его разливаются по обе стороны русла, образуя болота, целую топь, поросшую ивовыми кустами. На больших картах эти безлюдные места окрашены бледно-голубым цветом, который как бы блекнет, удаляясь от берега, и перечеркнуты жирной надписью «Sümpfe», что и значит «болота».

В половодье весь этот песок, галька, поросшие ивой островки почти затоплены, но в обычное время кусты шелестят и гнутся на ветру, подставляя солнцу серебристые листья, и непрестанно колеблющаяся равнина поразительно красива. Ивы так и не становятся деревьями, у них нет ровного ствола, они невысоки, это — скромный куст мягких, округленных очертаний, чей слабый позвоночник отвечает на легчайшее касание ветра, словно трава, и все они вместе непрерывно колышутся, отчего может показаться, что поросшая ивой равнина движется сама по себе, будто живая. Ветер гонит по ней волны — листвы, не воды, — и она похожа на бурное зеленое море, когда же листья подставят солнцу обратную сторону — серебристое.

Собственно говоря, такая чарующая пора начинается у реки вскоре после Пресбурга. Вместе с поднимающейся водой мы доплыли туда примерно в середине июля на канадской байдарке, с палаткой и сковородой на борту. В то самое утро, когда небо еще только алело перед рассветом, мы быстро проскользнули сквозь спящую Вену, и часа через два она стала клубом дыма на фоне голубых холмов, где раскинулся Венский лес. Позавтракали мы в Фишераменде, под березами, и поток понес нас мимо Орта, Хайнбурга, Петронела (у Марка Аврелия это — Карнунтум), под хмурые отроги Малых Карпат, где речка Морава спокойно впадает в Дунай с левой стороны, а путник пересекает венгерскую границу.

Скорость наша была километров двенадцать в час, мы быстро углубились в Венгрию, где мутные воды, верный знак половодья, кидали нас на гальку и пробкой крутили в водоворотах, пока башни Пресбурга (по-здешнему — Пожони) не показались в небе. Байдарка, словно добрый конь, пронеслась под серой стеною, не задела в воде цепей парома, который называют Летучим Мостом, резко свернула влево и, вся в желтой пене, просто врезалась в дикий край островов, песка, болот — в страну ив.

Изменилось все сразу, внезапно, словно картинки в биоскопе показывали улицы и вдруг, без предупреждения, явили озеро и лес. Мы влетели, как на крыльях, в пустынные места и меньше чем за полчаса оказались там, где не было ни лодок, ни рыбачьих хижин, ни красных крыш — словом, даже признака цивилизации.

Полдень миновал недавно, однако мы уже устали от беспрерывного, сильного ветра и принялись подыскивать место для ночевки. Но пристать к этим странным островкам было нелегко — река то кидала нас к берегу, то относила обратно; ивы царапали руки, когда мы пытались, схватившись за них, остановить байдарку, и немало песка столкнули мы в воду, прежде чем ветер, ударив сбоку, загнал нас в маленькую заводь и мы, в облаке брызг, втянули на берег нос нашего суденышка. Потом мы полежали, смеясь и отдуваясь, на жарком желтом песке, под раскаленным солнцем, безоблачным небом. Огромное воинство ивовых кустов укрывало нас от ветра; ивы плясали вокруг нас, сверкая каплями воды и шурша так громко, словно аплодировали нашему успеху.

— Ну и река! — сказал я другу, припомнив весь наш путь от самого Шварцвальда.

Думал я о долгом былом пути и о том, как далеко еще до Черного моря, и наконец о том, как повезло мне со спутником, другом моим, шведом.

Мы не в первый раз путешествовали вместе, но эта река сразу поразила нас тем, какая она живая. Потом, уже ночью, лежа в палатке, мы слышали, как она поет песню луне, по-особому присвистывая, — говорят, это от того, что по дну катятся камешки, гонимые очень быстрым течением.

Солнце еще не село, до темноты оставалось часа два. Друг мой сразу уснул на прогретом песке, я пошел осматривать местность. Остров оказался примерно в акр длиной; собственно, это была песчаная полоска, возвышающаяся фута на два-три над уровнем реки.

Я постоял на берегу несколько минут, глядя, как пурпурные воды, громко ревя, налетают на берег, словно хотят его унести, и разбиваются на две пенистые струи. Песок ходил ходуном, вздрагивала земля, ивовые кусты метались на ветру, и казалось, что остров движется. Словно стоя на холме, лицом к вершине, я видел мили на две, как несется ко мне река, белая от пены, то и дело взлетающей к солнцу.

Остальная часть острова так заросла кустами, что гулять было нелегко, но я обошел его из конца в конец. На другой, восточной стрелке из-за перемены света река казалась темной и лютой. Мелькали самые гребни волн, гонимые ветром. Я подумал, что эти кусты, будто огромная губка, всасывают реку.

Что ни говори, зрелище было поразительное, и, стоя в этом одиноком, пустынном месте, долго и жадно любуясь дикой красотой, я с удивлением ощутил, что в самых глубинах души рождается незваное, необъяснимое и беспокойное чувство.

Наверное, река в половодье всегда внушает тревогу. Я понимал, что к утру многих островков не будет; неудержимый, грохочущий поток будил благоговейный ужас; однако беспокойство мое лежало глубже, чем удивление и страх. Я чувствовал, что оно связано с нашим полным ничтожеством перед разгулявшимися стихиями. Связано это было и со вздувшейся рекой — словом, подступало неприятное ощущение, что мы ненароком раздразнили могучие и грубые силы. Именно здесь они вели друг с другом великанью игру, и зрелище это будило фантазию.

Конечно, откровения природы всегда впечатляют, я это знал по опыту. Горы внушают трепет, океаны — ужас, тайна огромных лесов околдовывает нас.

А вот эти сплошные ивы вызывали другое чувство. Что-то исходило от них, томило сердце, будило благоговение, но как бы и смутный ужас. Кущи вокруг меня становились все темнее, они сердито и вкрадчиво двигались на ветру, и во мне рождалось странное неприятное ощущение, что мы вторглись в чужой мир, мы тут чужие, незваные, нежеланные, и нам, быть может, грозит большая опасность.

В середине острова я нашел небольшую впадину, там мы и поставили палатку. Кольцо ивовых кустов немного преграждало путь ветру.

— Ну что это за лагерь! — проворчал швед, когда палатка наконец встала как следует. — Нет камней, мало хвороста... Снимемся-ка пораньше, а? На этом песке ничего толком не устроишь.

Потом мы отправились собирать хворост, чтобы хватило до ночи. Берега мы прочесали со всей тщательностью; они повсюду крошились, река с плеском и рокотом уносила большие куски.

— Остров стал куда меньше, — сказал наблюдательный швед. — Долго он не продержится. Подтащим-ка байдарку к самой палатке и приготовимся уйти по первому знаку. Я буду спать не раздеваясь.

Шел он немного позади, ивы скрывали его.

— Что ж это? — услышал я его встревоженный голос.

Я подбежал к нему по кромке песка. Он глядел на реку и куда-то указывал.

— Да это мертвое тело! — вскрикнул он. — Ты посмотри!

Что-то кувыркалось на пенистых волнах, несущихся мимо, то исчезало, то выныривало, футах в двадцати от берега; когда же поравнялось с нами, перевернулось и посмотрело прямо на нас. В странных желтоватых глазах отразилось солнце, они сверкнули — и загадочное существо, нырнув под воду, исчезло с быстротой молнии.

— Выдра! — закричали мы разом, громко смеясь.

Много ниже по течению она вынырнула снова, мелькнула и сверкнула на солнце черной влажной спинкой.

Мы собрались нести к палатке наши дрова, но случилось еще одно происшествие. На сей раз это вправду был человек, больше того — человек в лодке. Такое нечасто увидишь на Дунае, да еще в половодье.

То ли косые лучи, то ли отблески дивно освещенных вод, то ли еще что мешало мне толком увидеть летящее чудо. Кажется, это была плоскодонка, в ней стоял человек с одним веслом, он греб, и лодка с безумной скоростью неслась мимо берега. Смотрел человек на нас, но расстояние и свет не давали нам разобрать, чего он хочет. Мне показалось, что он делает какие-то знаки, долетел и голос: кричал человек сердито, но из-за ветра мы не услышали слов.

— Да он перекрестился! — воскликнул я.

— Вроде ты прав, — сказал мой друг, глядя из-под руки на исчезающее видение. Пропало оно как-то сразу, растворилось в ивах там, где солнце обратило их в алую стену несказанной красоты. К тому же поднимался туман.

— Что же он тут делает в половодье, да еще вечером? — тихо спросил я. — Куда плывет в такой час, почему кричит, почему перекрестился? Как ты думаешь, он хотел нас о чем-то предупредить?

— Увидел дым от трубок и решил, что мы духи, — засмеялся мой спутник. — Они тут верят во всякую ерунду. Помнишь, лавочница в Пресбурге говорила, чтобы мы не сходили на берег, потому что эти места принадлежат каким-то неземным существам? Наверное, здешние жители верят в фей, а то и в бесов. Наш крестьянин никогда не видел людей на этих островах, — прибавил он погодя, — вот и перепугался.

Тон его меня не убедил, да и сам мой приятель как-то изменился.

Дальше беседа не пошла, мы вернулись к костру, друг мой вообще не любил романтических разговоров. Помню, я даже обрадовался, что у него нет воображения; мне стало уютней и спокойней рядом с таким надежным, земным человеком. «Какой прекрасный нрав», — подумал я; и впрямь, он вел байдарку не хуже индейца, вниз по стремнине, проносясь под мостами и над водоворотами. Да я никогда не видел, чтобы белый человек так правил лодкой. Он был прекрасным спутником в опасных путешествиях, истинной опорой. Я взглянул на его сильное лицо, на светлые кудрявые волосы, на охапку дров вдвое больше моей и почувствовал облегчение.

— А река-то поднимается, — сказал он, словно следуя какой-то мысли, и, переведя дыхание, бросил охапку на песок. — Если так пойдет, остров будет под водой дня через два.

— Хорошо бы ветер улегся, — сказал я. — А река, Бог с ней!..

Реки мы не боялись, сняться могли минут за десять, половодье нам даже нравилось — течение быстрей, и нет коварных отмелей, нередко грозивших оторвать дно байдарки.

Против наших ожиданий ветер с закатом не утих. Он вроде бы стал сильнее во мраке, тряс ивы, как солому, ревел над головой. Иногда раздавался странный звук, словно стреляли из винтовки, и особенно сильный порыв ударял по острову. Мне казалось, что такие звуки издает Земля, двигаясь сквозь космос.

Небо, однако, было чистым, вскоре после ужина на западе взошла луна и осветила шумящие ивы ясным, дневным светом.

Мы лежали у огня, на песке, курили, слушали ночные звуки и мирно, радостно говорили о пройденном пути и о наших планах. Костра хватало, чтобы видеть друг друга; искры, словно фейерверк, летали над головой. В нескольких ярдах от нас раздавался шум воды, а громкий всплеск возвещал, что унесло еще один кусок берега.

Говорили мы, я заметил, о давних стоянках и событиях, происходивших еще в Шварцвальде или о чем-нибудь другом, тоже далеком, только не о нынешнем, словно молча условились не обсуждать того, что происходит. Мы не помянули ни единым словом ни выдру, ни гребца, хотя, казалось бы, могли толковать об этих происшествиях весь вечер.

Одиночество этих мест пропитало нас до костей, тишина казалась естественной, голоса наши — слишком громкими, не совсем реальными; я ощущал, что надо бы перейти на шепот, что человеческий голос, всегда нелепый в реве стихий, уже не очень уместен, словно мы в храме, где следует говорить потише. И, кроме того, это опасно.

Одинокий остров, весь в ивах, под ударами ветра, среди несущихся вод, внушал нам обоим какой-то суеверный ужас: нетронутый людьми, почти не известный людям, лежал он в лунном свете, и чудилось, что здесь проходит граница иного, чуждого мира, где обитают только ивы да души ив. А мы дерзнули сюда ворваться, что там — использовать остров для себя! Наконец, в последний раз я поднялся, чтобы идти за дровами.

— Когда это все прогорит, — твердо сказал я, — лягу спать.

Над головой резко закричала ночная птица; я чуть не упал — река отломила кусок берега, он с всплеском рухнул в воду, а я успел отскочить. Припомнив, как друг мой говорил, что утром надо уйти, я согласился с ним — и, удивленно обернувшись, увидел его самого. За шумом ветра и воды я не заметил, что он подошел вплотную.

— Тебя очень долго не было, — крикнул он сквозь ветер. — Я думал, что-то случилось.

Голос его и взгляд сказали мне больше, чем слова; я мигом понял, почему он тут. Чары этих мест проникли и в его душу.

— Река все поднимается, — продолжал он, указывая на волны, сверкавшие в лунном свете. — А ветер просто ужасный.

Он все говорил одно и то же, но на самом деле то был крик одиночества, мольба о помощи, потому меня и тронули эти обыденные фразы.

— Хорошо, — закричал я в ответ, — хорошо хоть палатка прикрыта, она продержится.

— Хорошо, если уйдем без беды! — отозвался друг.

Мы вернулись к костру и разожгли его напоследок, пошевелив угли ногой. Потом еще раз огляделись. Если бы не ветер, жара была бы тяжкой. Я об этом сказал, а друг мой, помню, удивил меня своим ответом: лучше какая угодно жара, все же июль, чем этот «чертов ураган».

Все было готово к ночи. Байдарка лежала у палатки днищем вверх, оба желтых весла — под ней, мешок с едой висел на иве, чистые тарелки мы убрали подальше от кострища, засыпали его для верности песком и легли. Брезентовую полу мы не опустили; я видел ветки, звезды и лунный свет. Ивы метались, ветер гулко ударял в наши утлые стены, и тут пришел сон, окутав нас легкой пеленой забвения.

2

Внезапно я понял, что не сплю и гляжу на небо со своего песчаного матраса. Я посмотрел на часы и увидел в лунном свете, что полночь миновала, начались новые сутки. Значит, проспал я часа два. Спутник мой лежал рядом; ветер выл, как прежде; что-то кольнуло меня в сердце.

Быстро присев, я выглянул наружу. Ивы метались на ветру, но наш утлый приют, наш зеленый домик был в безопасности: не встречая препятствий, ветер проносился над ним. Беспокойство мое, однако, не проходило. Я тихо вылез из палатки посмотреть, не случилось ли чего с нашими вещами. Двигался я очень осторожно, чтобы не разбудить друга, но странное возбуждение овладело мной.

На полпути я заметил, что у шевелящихся крон какие-то другие очертания. Я присел и вгляделся. Вопреки всякой вероятности передо мной и немного повыше виднелись зыбкие фигуры, и ветви, колыхаясь на ветру, словно бы очерчивали их.

Мало-помалу я разглядел, что фигуры эти — в самых кронах ив. Большие, бронзового цвета, они двигались сами по себе, независимо от деревьев. Тут же я понял, что они ненамного больше человека, но что-то мне подсказало, что передо мной не люди. Я был уверен, что дело не в движении веток и света. Они шевелились сами, они поднимались и струились от земли к небу и мгновенно исчезали, достигнув тьмы. Мало того, они переплетались друг с другом, образуя какой-то столп; тела, ноги, руки сливались и разъединялись, и получался извилистый поток, закручивающийся спиралью, содрогающийся и трепещущий, как ивы под ветром. Текучие, обнаженные, они проходили сквозь кусты, меж листьев и живой колонной устремлялись ввысь.

Страха я не чувствовал, мною овладело небывалое, благоговейное удивление. Казалось, я вижу олицетворенные силы стихий, обитающие в этом древнем месте. Вторжение наше растревожило их. Это мы нарушили покой. В памяти роились легенды о духах и богах места, которых признавали и почитали во все века. Но прежде чем я подыскал мало-мальски годное объяснение, что-то побудило меня двинуться дальше. Я выполз на песок и встал. Босые ступни ощутили неостывший жар; рев реки ударил в уши. Песок и река были реальны, я убедился, что чувства мне не изменили. Однако фигуры по-прежнему струились к небу, тихо и величаво, мягкой и могучей спиралью, от самого вида которой рождалось глубокое, истинное благоговение. Я чувствовал, что надо упасть и молиться им, просто молиться.

Быть может, я бы так и сделал, но порыв ветра налетел на меня с такой силой, что я покачнулся и с трудом устоял на ногах. Сон, если это был сон, из меня выбило. Во всяком случае, теперь я видел иначе. Фигуры не исчезли, они поднимались к небу из самого сердца тьмы, но разум, наконец, вступил в свои права. Это — субъективное ощущение, думал я. Лунный свет и ветки вместе проецируют такие фигуры на экран воображения, а я почему-то проецирую их обратно, вот они и кажутся объективными. Да, конечно, все так; я пал жертвой очень интересной галлюцинации. Набравшись храбрости, я двинулся дальше по песку.

Темный поток долго струился к небу и был реален в той мере, какою поверяют реальность едва ли не все люди. Потом внезапно исчез.

С ним исчезло и удивление, а страх холодной лавиной обрушился вновь. Внезапно я понял сокровенную силу этих одиноких мест. Меня затрясло. Испуганным, почти обезумевшим взглядом я тщетно искал, как уйти, не нашел, увидел, что не могу ничего, тихо вполз в палатку, опустил лоскут ткани, служивший дверцей, чтобы не видеть ив в лунном свете, и укрылся с головой, чтобы не слышать ветра.

3

Снаружи что-то стучало, вернее — постукивало, непрерывно и мелко. Перестук этот, без сомнения, начался давно, и я услышал его сквозь сон. Сейчас я совсем не спал, словно сна и не бывало. Я беспокойно присел; мне казалось, что я дышу с трудом и что-то давит на меня. Ночь была жаркая, но я дрожал от холода. Да, что-то навалилось на палатку, что-то сжимало ее и с боков. Ветер? А может, дождь, или упавшие листья, или брызги с реки, собравшиеся в тяжкие капли? Я быстро перебрал в уме добрый десяток предположений.

И вдруг я понял: ветка дерева, ее свалил ветер. Я поднял тот край, который служил нам дверью, и выбежал, крича моему другу, чтобы он последовал за мной.

Но, выпрямившись, я увидел, что никакой ветки нет. Не было и дождя; не было и капель с реки; мало того — никто к нам не приближался.

Спутник мой не шевельнулся, когда я его окликнул, да и незачем было его будить. Я осторожно и тщательно огляделся, подмечая все: перевернутую лодку; желтые весла (их было два, тут я уверен); мешок с провизией, запасной фонарь (они висели на дереве); и наконец — повсюду, везде, сплошь — трепетные ивы. Птица вскричала поутру, дикие

утки длинной цепью шумно летели вдаль в предутренних сумерках. Сухой и колкий песок вился на ветру у моих босых ступней.

Я обошел палатку, заглянул в кусты, поглядел на другой берег, и глубокая, смутная печаль снова накатила на меня.

Я огляделся кругом и едва не вскрикнул. Прежние страхи показались мне просто глупыми.

Все было не таким, как прежде. Кусты! Они оказались намного ближе к палатке. То есть совсем близко, вплотную.

Беззвучно подползая по песку, неслышно, неспешно и мягко, ивы достигли за ночь нашего жилища. Ветер ли гнал их, сами ли они ползли? Я вспомнил мелкий перестук, тяжесть на палатке, тяжесть на сердце, из-за которой проснулся, и едва устоял на ветру, на зыбком песке, словно дерево в бурю.

Спутник мой, судя по всему, крепко спал, и это меня обрадовало. Когда займется день, я смогу убедить себя, что все это — наваждение, ночные выдумки, плоды возбужденной фантазии.

Ничто не побеспокоило меня, и я заснул почти сразу, бесконечно измотанный, но не утративший страха, что почувствую на сердце мерзкую тяжесть.

4

Солнце стояло высоко, когда мой спутник пробудил меня от тяжкого сна и сообщил, что каша готова, пора купаться. В палатку сочился приятный запах поджаренного бекона.

— Река все поднимается, — сказал мой друг, — многие островки исчезли. Да и наш куда меньше.

— Дрова еще есть? — сонно спросил я.

— И дрова, и остров кончатся завтра, одновременно, — засмеялся он. — До тех пор хватит.

Я нырнул в воду с самой стрелки острова, который и впрямь уменьшился за ночь. Купание взбодрило меня, былые страхи вымылись, испарились. Солнце сверкало, я не видел ни единого облачка, но ветер не утихал.

Вдруг я понял слова моего друга. Он решил остаться, он не спешит! «До тех пор хватит...», до утра, значит. Другими словами, мы пробудем на острове еще одну ночь. Я удивился. Вчера он говорил иначе. Почему же он передумал, что случилось?

Пока мы завтракали, от берега отрывало целые куски. Со вчерашнего вечера мой спутник как-то странно изменился: то ли он волновался, то ли смущался, то ли что-то подозревал. Сейчас я просто не знаю, как это описать, но тогда, тревожась, я знал одно: он испуган!

Съел он очень мало, почти не курил. Разложив рядом карту, изучил отметки на ней.

— Лучше бы нам поскорее уйти, — сказал я и с неприятным удивлением услышал:

— Лучше-то лучше, если пустят.

— Кто? — как можно бесстрастней спросил я. — Стихии?

— Силы этого жуткого места, — ответил он, глядя на карту. — Если есть на свете боги, это они.

— Только стихии бессмертны, — откликнулся я с самым естественным смехом, но спутник мой, швед, серьезно взглянул на меня сквозь дым костра и проговорил:

— Нам очень повезет, если мы уйдем невредимыми.

Именно этого я и боялся, но никак не мог задать прямой вопрос. Так собираешься вырвать зуб — ничего не поделаешь, надо, но откладываешь, медлишь...

— А что такое случилось? — наконец спросил я.

— Ну, — спокойно ответил он, — во-первых, нет одного весла.

— Нет весла! — повторил я в испуге, потому что мы правили им как рулем, а плыть без руля по Дунаю в половодье — неминуемая смерть. — Как же так...

— И в лодке нашей течь, — прибавил он, и голос его дрогнул.

Спутник мой встал и повел меня к байдарке. Она лежала ребрами вверх, между костром и палаткой, так же, как недавно, ночью.

— Только одно, — сказал друг, наклоняясь, чтобы его поднять. — А вот и дыра в днище.

Я чуть не признался, что несколько часов назад ясно видел два весла, но передумал и подошел поближе.

В самом дне байдарки зияла ровная щель, словно кто-то аккуратно вынул полоску дерева, или острый камень пропорол нашу лодку во всю длину.

— Хотели приготовить жертву к закланию... нет, две жертвы, — сказал швед, наклонившись и ощупав трещину.

Когда я совсем не знаю, что делать, я свищу, засвистал и тут, как бы не замечая его слов.

— Ночью ее не было, — сказал он, выпрямился и посмотрел куда-то, не на меня.

— Это мы и пропороли, когда втаскивали на берег, — сказал я, перестав на минуту свистеть. — Камни такие острые...

И умолк, ибо он, повернувшись, взглянул мне прямо в глаза. Я и сам прекрасно знал, что говорю чушь. Начнем с того, что камней здесь вообще нет.

— Понятно!.. — констатировал он и скрылся в кустах.

Оглядевшись кругом, я впервые заметил в песке глубокие вмятины, побольше и поменьше, одни — как чайная чашка, другие — как чаша. Конечно, маленькие кратеры выдул ветер, тот же самый, что поднял и бросил в воду весло. Одного не мог он сделать — трещины в байдарке, хотя лодку и впрямь могло пропороть камнем. Я осмотрел берег, что не пошло на пользу этой гипотезе, но за нее ухватилась та убывающая часть сознания, которая именуется «разумом». Я хотел непременно все объяснить, как хочет объяснить мироздание — пусть глупо, пусть нелепо — тот, кто стремится жить по правде и по долгу. Тогда мне казалось, что сравнение это очень точное.

Не теряя ни минуты, я поставил на огонь смолу, хотя в самом лучшем случае байдарка была бы готова только завтра. Мой друг помогал мне, и я со всей небрежностью обратил его внимание на следы.

— Да, — сказал он, — знаю. Они по всему острову. Ну, их-то ты объяснишь?

— Ветер, — сразу откликнулся я.

Швед не ответил, мы поработали молча. Я тихонько следил за ним, и, видимо, он — за мной. Он долго молчал, потом заговорил так быстро, словно ему хотелось поскорее от чего-то избавиться:

— Странная штука... ну, со вчерашней выдрой.

Я ждал совсем другого и удивленно взглянул на него.

— Как ты считаешь, это и вправду выдра?

— Господи, а что же еще?

— Понимаешь, я первый ее увидел, и она... она сперва была куда больше...

— Солнце садилось сзади, — предположил я. — Ты смотрел туда, вверх по течению.

Он секунду-другую глядел на меня, не видя, словно думал о чем-то ином.

— И глаза странные, желтые... — продолжал он как бы про себя.

— Тоже от солнца, — засмеялся я оживленней, чем надо. — Ты еще станешь гадать, кто тот человек в лодке...

Вдруг я решил не кончать фразы. Он снова вслушивался, подставив ухо ветру, и лицо у него было такое, что я замолчал. Так разговор и оборвался; друг вроде бы не заметил этого, но минут через пять, стоя над лодкой с дымящейся смолой в руке, серьезно взглянул на меня.

— Вот именно, — медленно произнес он. — Если хочешь знать, я гадал, кто это там, в лодке. Тогда я подумал, что это не человек. Как-то все быстро появилось, словно вынырнуло из воды...

— О, Господи! — закричал я. — Тут и так странностей хватает! Чего еще выдумывать? Лодка как лодка, человек как человек, плыли они вниз по течению, очень быстро. И выдра как выдра, не дури!

Он все так же серьезно глядел на меня, не обижаясь, не отвечая, и я набрался храбрости.

— Да и вообще, — продолжал я, — не выдумывай ты, ради Бога. Ничего нет, только река и этот чертов ветер.

— Дурак, — отвечал он приглушенно и тихо. — Нет, какой дурак! Именно так и рассуждают все жертвы. Как будто ты сам не понимаешь!.. — презрительно, но и покорно проговорил он. — Лучше сиди потише, сохраняй разум. Не обманывай себя, не старайся, хуже будет, когда придется увидеть все, как есть.

Ничего у меня не вышло, я не знал, что сказать, он был прав, а я был дурак — не он, я. Тогда он легко обгонял меня, а я, вероятно, обижался, что отстаю, что не так чувствителен к необычному и не вижу, что творится под самым моим носом. По-видимому, он *знал* с самого начала. Но тогда я просто не понял, что он такое говорит о жертве и почему именно мы с ним на что-то обречены. С этих минут я перестал притворяться, однако с этих же минут страх мой умножился.

— А вот в одном ты прав, — все-таки прибавил он, — лучше нам об этом не говорить, мало того, не думать, ведь мысль выражается в словах, слова — в событиях.

Засветло мы прикрыли лодку непромокаемым чехлом, а наше единственное весло спутник мой крепко привязал к кусту, чтобы и его не украл ветер. С пяти часов я стряпал обед — сегодня была моя очередь — и в котелке, где остался толстый слой жира, тушил картошку с луком, положив туда для вкуса немножко бекона и черного хлеба. Получилось очень вкусно. Еще я сварил с сахаром сливы и сделал настоящий чай, у нас было к нему сухое молоко. Рядом, под рукой, лежала куча хвороста, ветер утих, работа меня не утомляла. Товарищ мой лениво глядел на все это, чистил трубку, давал ненужные советы — что же делать человеку, когда он не дежурит. Утром и днем он был тих, спокоен, чинил нашу лодку, укреплял палатку. Мы больше не говорили о неприятном.

Рагу начинало кипеть, когда я услышал, что он зовет меня с берега. Я и не заметил, как он ушел; а сейчас побежал к нему.

— Иди-ка сюда, — говорил он, держа ладонь у самого уха. — Послушай и посуди, что тут такое.

И, глядя на меня с любопытством, прибавил:

— Теперь слышишь?

Мы стояли и слушали. Сперва я различал только гулкий голос воды и шипение пены. Ивы застыли и затихли. Потом до меня стал доноситься слабый звук, странный звук, вроде далекого гонга. Казалось, он плывет к нам во тьме от дальних ив, через топи. Прерывистый — но не колокол и не гудок парохода. Я ни с чем не сравню его, кроме огромного гонга, звенящего где-то в небе, непрестанно повторяя приглушенную и гулкую ноту, мелодичную и сладостную. Сердце у меня забилось.

— Я весь день это слышу, — сказал мой спутник. — Когда ты спал, звенело повсюду, по всему острову. Я искал и гадал, но никак не мог найти, откуда эти звуки. То они были наверху, то внизу, под водой. А раза два звенело внутри, во мне самом, понимаешь... не снаружи, а словно бы в другом измерении.

Я слишком растерялся. Мне все не удавалось отождествить эти звуки с чем бы то ни было знакомым. Они ускользали, приближались, терялись вдалеке. Я не назвал бы их мрачными, скорее они мне нравились, но должен признать, что они чем-то удручали, и я был бы рад, если бы их не слышал.

— Ветер воет в песчаных воронках, — сказал я, чтобы как-то все объяснить, — а может, кусты шумят после бури.

— Они идут с болота, — отвечал мой друг, пренебрегая моими словами. — Они идут отовсюду. Вроде бы из кустов...

— Ветер утих, — возразил я. — Ивы не могут шуметь, правда?

Ответ меня испугал — и потому, что я именно его боялся, и потому, что я знал чутьем: так и есть.

— Мы потому и слышим их, что ветер утих, — сказал он. — По-моему, это плачет...

Я отпрянул к костру: судя по запаху, стряпня моя была в опасности.

— Иди сюда, нарежь еще хлеба, — позвал я друга, бодро помешивая варево. Трапезы сохраняли нам душевное здоровье.

Он медленно подошел к дереву, снял мешок, заглянул в его потаенные глубины и вывалил все, что там было, на полотнище брезента.

— Тут ничего нет! — заорал он, держась за бока.

— Да хлеба! — повторил я.

— Нет. Нет здесь хлеба. Забрали!

Уронив поварешку, я кинулся к брезенту. На нем лежало все, что было в мешке, но хлеба я не увидел.

Страх всею тяжестью упал на меня, я покачнулся — и расхохотался. Что же еще оставалось делать? Услышав свой смех, я понял, почему смеется мой спутник — от отчаяния. Замолчали мы тоже внезапно, оба одновременно.

— Какой же я дурак! — крикнул я, все еще не сдаваясь. — Нет, это непростительно! Я совершенно забыл купить в Пресбурге хлеба. Эта женщина все болтала, и я, наверное, оставил на прилавке...

Ужин у нас был мрачный, ели мы молча, не глядя друг на друга и не подкладывая веток в огонь. Потом мы помыли посуду, приготовили все к ночи, закурили. Странный звук, который я сравнил бы с гонгом, почти не умолкал, тишина непрестанно звенела, и тихий звон не распадался на отдельные ноты. Чаще всего звенело над головой, словно крылья рассекали воздух, а вообще-то звук этот был повсюду, он просто обложил нас со всех сторон. Описать его невозможно, я не найду подобия приглушенному звону, обволакивающему пустынный край болот и низеньких ив.

Когда этот «гонг» зазвенел громче обычного, прямо над головой, друг проговорил:

— Такого звука никто не слышал. Его нельзя описать... разве что так: он — нечеловеческий, не ведомый людям.

Страх вновь овладел мною. Он словно рождался из древнего ужаса, что глубже самых жутких воспоминаний или фантазий. Мы сбились с пути, сбились

и забрели туда, где очень опасно, но понять ничего нельзя; туда, где рядом границы какого-то неведомого мира. Завеса между мирами истончилась именно здесь; через это место, как через скважину, глядят на землю неземные невидимые существа. Если мы задержимся здесь, нас перетащут за эту завесу, лишат того, что мы зовем «нашей жизнью», только не физически, а через разум, через душу. В этом смысле мы и станем, как сказал мой спутник, жертвами.

Мелочи свидетельствовали о том же, и сейчас, в тишине, у костра, их нетрудно было заметить. Самый воздух усилил все и странно исказил — выдра в реке, перекрестившийся гребец, ползущие ивы утратили свою естественную суть и обрели суть иную, нездешнюю. Изменение это было новым не только для меня, но и для них, для всех. Люди еще не знали такого. Поистине мы видим другой порядок бытия, неземной в прямом смысле слова.

Загорелое, обветренное лицо друга стало совершенно белым. И все-таки из нас двоих он был сильнее.

— Бежать бесполезно, — он высекал слова тоном врача, устанавливающего диагноз. — Лучше сидеть и ждать. Это не физические силы. Те, кто здесь, рядом, махом убьют стадо слонов. Спасение у нас одно — сидеть тихо. Может быть, нас спасет то, что мы ничтожны, незаметны.

В моей голове пронесся рой вопросов, но слов я не нашел.

— Понимаешь, они знают, что мы здесь, — продолжал он, — но не нашли нас, не засекли, как теперь говорят. Вот и пробуют, ищут, как, например, ищем мы, где утечка из газовых труб. Весло, байдарка, еда именно это и доказывают. Наверное, они чувствуют нас, но не могут разглядеть. А чувствуют они наше сознание. Значит, оно должно быть как можно тише. Надо следить за мыслями, иначе нам конец.

— Ты хочешь сказать «смерть»? — еле выговорил я, холодея от ужаса.

— Нет, куда хуже, — ответил он. — Смерть — это уничтожение, или, если ты веришь, освобождение из плена чувств. Сам ты не меняешься, если тела уже нет. А тут — изменишься, станешь другим, потеряешь себя. Это гораздо страшнее смерти, тебя даже не уничтожат. Мы по случайности разместились в том самом месте, где их мир соседствует с нашим, завеса тут очень тонка, она протерлась... вот они и знают, что мы где-то здесь.

— Кто это знает? — спросил я.

Я забыл о том, что ивы трепещут без ветра, и о том, что наверху, над головой, что-то звенит, — я обо всем забыл, кроме ответа, которого ждал и боялся свыше всякой меры.

Ответил он тихо, слегка склонившись над огнем, а лицо его так странно изменилось, что я стал глядеть в землю.

— Всю жизнь, — сказал он, — я остро чувствовал, что есть другой мир. Не далекий, просто другой. Там все время творится что-то важное, куда-то проносятся страшные существа, и по сравнению с их делами расцвет и упадок наших стран, судьба империй, армий, континентов — прах и пыль. Понимаешь, дела эти связаны с душой напрямую, а не косвенно, не с тем, в чем она себя выражает...

— Наверное, сейчас... — начал я, ибо мне показалось, что он сошел с ума. Однако поток его речи нельзя было остановить. Он говорил:

— Ты думаешь, это духи стихий, а я думал — это боги. Но сейчас скажу — оба мы не правы. И богов, и духов можно понять, они общаются с людьми, связаны с ними в жертве и молитве. А эти существа совершенно чужды людям, и мир их граничит здесь с нашим по чистой случайности.

Все это почему-то было убедительно, но мысль об этом — в тишине, в темноте, на заброшенном острове — так пугала меня, что я вздрогнул.

— Что же ты предлагаешь? — снова начал я.

— Заклание, — продолжал он, — жертва может спасти нас, отвлечь их, пока мы не уйдем, Так бросают волкам собаку. Только... нет, не вижу, каким образом здесь можно принести жертву.

Я глупо глядел на него. Глаза его жутко светились. Он немного помолчал, потом произнес:

— Конечно, это все ивы. Ивы скрывают их, но они нас вынюхивают. Если заметят, что мы боимся, нам конец, мы пропали. — И он так спокойно, твердо, просто взглянул на меня, что я уже не мог усомниться в его нормальности. Он был совершенно здоров.

— Продержимся эту ночь, — прибавил он, — Тогда сможем уйти незаметно... нет, незамеченно.

— Ты действительно думаешь, что жертва... — еще раз начал я.

Странный звук опустился совсем низко, к нашим головам, но замолчал я не от этого.

— Тише! — прошипел мой друг, подняв руку, и лицо его было поистине страшным. — Не называй их. Назовешь — и расколдуешь, имя — это ключ. Единственная надежда — не замечать их, тогда и они нас не заметят.

Я помешал в костре, чтобы тьма не завладела всем. Никогда не тосковал я по солнцу так отчаянно, как тогда, в жуткой летней ночи.

— Ты не спал прошлую ночь? — внезапно спросил он.

— Плохо, и то уже на рассвете, — осторожно ответил я, пытаясь выполнить его наказ, судя по всему, правильный. — Конечно, при таком ветре...

— Да, да, — прервал он. — А другие звуки?

— Значит, ты их слышал? — удивился я.

— Шажки и перестук, — сказал он и, поколебавшись, прибавил: — И тот звук, другой...

— Над палаткой? — уточнил я. — Когда на нас что-то навалилось?

Он многозначительно кивнул.

— Как будто мы стали задыхаться... — уточнил я снова.

— Да, в каком-то смысле, — согласился он. — Мне показалось, что воздух потяжелел... страшно потяжелел, вот-вот раздавит.

— А это? — не унимался я, твердо решив вымести все из головы и показывая пальцем вверх, туда, где гудел невидимый гонг, утихая иногда, словно ветер.

— Это их звук, — прошептал мой спутник. — Звук их мира. Перегородка очень тонкая, он как-то просачивается. Вслушайся получше, он не сверху, он всюду. Он в этих ивах. Ивы и гудят, здесь они знаменуют враждебные нам силы.

Толком не уяснив, что он хочет сказать, я все-таки с ним соглашался. Мы думали одно и то же, я чувствовал так же, хотя не умел во всем разобраться. Еще мгновение — и я бы проговорился о тех фигурах и ползучих ивах, но он внезапно приблизил лицо ко мне прямо над костром, и я услышал его шепот. Как спокоен был мой спутник, как тверд, как владел собой и событиями! А я-то много лет считал его эмоционально глухим...

— Слушай, — шептал он, — мы должны вести себя как ни в чем не бывало: жить как жили, спать, есть... Притворимся, что мы ничего не чувствуем и не замечаем. Это связано только с сознанием. Чем меньше мы думаем, тем легче уйти. Главное, не думай, мысли сбываются!

— Хорошо, — выговорил я, задохнувшись от его

слов и от всех этих странностей, — хорошо, постараюсь, только скажи... Скажи мне, что это за дырки в песке, воронки?

— Нет! — крикнул он, забывшись от волнения. — Я не смею, просто не смею выразить это словами. Если ты сам не угадал, и прекрасно, не старайся. Они объяснили мне, а ты делай всё, что можешь, чтобы тебе не объяснили.

Он снова шептал; я не настаивал. Ужаса хватало и так, больше бы я не вынес. Разговор закончился, мы молча, сосредоточенно курили.

И тут что-то случилось, вроде бы мелочь, но когда нервы очень натянуты, большего и не надо. Я стал иначе видеть. Взглянув случайно иа свою парусиновую туфлю — они лучше всего для байдарки — я заметил дырочку на носке и вспомнил лондонскую лавку, продавца, который никак не мог найти нужный размер, другие подробности будничной, но полезной покупки — и тут же вернулся здравый, современный, скучноватый мир, к которому я привык там, дома. Мне представились ростбиф и эль, автомобили, полисмены, дюжина других вещей, воплощавших обыденность, быт. Сказалось это сразу, я даже удивился. Что бы ни послужило причиной, напряжение стало ослабевать.

— Чертов язычник! — заорал я, громко смеясь. — Фантазер! Идиот! Суеверный идоло...

Я остановился — страх накатил снова — и попытался погасить самый звук своего голоса, только бы загладить кощунство. Спутник мой, конечно, тоже услышал странный вопль над нами, во тьме, и ощутил перепад воздуха, словно что-то к нам приблизилось.

Его загорелое лицо снова побелело. Он встал, выпрямился, как палка, и посмотрел на меня.

— Теперь, — беспомощно проговорил он, — нам надо уходить, мы не можем оставаться. Сложим все и поплывем вниз по реке.

Говорил он сбивчиво, дико, охваченный ужасом — тем ужасом, которому долго противился и который его настиг.

— В темноте? — вскричал я, трясясь от страха после моей истерической выходки, но все еще соображая лучше, чем он. — Ты с ума сошел! Река разлилась, у нас одно весло. Да и вообще, мы только уйдем глубже в их мир! Впереди, на пятьдесят миль, одни ивы, ивы, ивы!

Он даже не сел, а рухнул на землю. Природа похожа на калейдоскоп, и теперь наши роли поменялись: распоряжался я. Разум его, кажется, достиг точки, с которой начинается безумие.

— Зачем ты это сделал? — прошептал он в самом искреннем ужасе.

Я обошел костер, опустился на колени, взял его руки в свои и посмотрел в испуганные глаза.

— Разожжем костер, — твердо сказал я, — и ляжем спать. Когда взойдет солнце, как можно быстрее поплывем к Коморну. А сейчас вспомни свой совет, не думай о страхе!

Мой друг молчал, и я понял, что возражать он не станет. Немного легче было и от того, что оба мы пошли за хворостом. В темноте мы держались вместе, почти касались друг друга, пробираясь вдоль берега, сквозь кусты. Над головой постоянно гудело, но мне показалось, что звуки становились тем громче, чем дальше уходили мы от костра.

В самой гуще ив, где еще оставался хворост, принесенный раньше рекой, кто-то схватил меня, да так крепко, что я упал на песок. Это был мой спутник. Он просто рухнул на меня и цеплялся, ища поддержки, коротко и тяжело дыша.

— Смотри! — прошептал он. — Господи, да посмотри же! — и я впервые в жизни понял, что такое слезы ужаса. Голос его дрожал от рыданий, а сам он показывал на костер, который был футах в пятидесяти. Я посмотрел, и, честное слово, сердце у меня, хоть на миг, но остановилось.

В смутном полусвете что-то двигалось.

Видел я плоховато, словно сквозь марлевый занавес, но различил, что это — не человек и не зверь. Мне показалось, что *оно* — такой величины, как несколько животных, скажем, две или три лошади, и движется очень медленно. Швед различил то же самое, но назвал иначе — позже говорил, что видел кущу низеньких деревьев, которая колыхалась и клубилась, как дым.

— Я видел это сквозь кусты, — рыдал он. — Оно спускалось. Да смотри ты! Движется сюда! Господи, Господи... — И вскрикнул, словно взвизгнул: — Нашли!

Я увидел, что странная штука приближается к нам. Рухнул в кусты. Не выдержав тяжести, они громко хрустнули — на мне лежал еще и мой спутник — и мы шевелящейся кучей повалились на песок. Плохо понимая, что же с нами творится, я чувствовал, что невыносимый ужас просто обдирает нервы, крутит их так и сяк. Глаза я зажмурил, в горле стоял комок, сознание как-то расширялось, а потом, почти сразу, я ощутил, что оно уходит, и я сейчас умру.

Острая боль пронзила меня. Я успел подумать, что это мой спутник вцепился, падая, но позже он говорил, что боль меня и спасла. Из-за нее я забыл о них в то самое мгновение, когда они почти нашли нас. Я подумал о другом, и они меня не поймали. Он же сам потерял сознание, и это спасло его.

Так говорил мой друг, а я знаю только, что через какое-то время — определить его невозможно — я выбирался из сети ивовых веток, а он стоял впереди, протягивал мне руку. Растерянно глядя на него, я не знал, что и сказать. Он говорил:

— Я потерял сознание, вот и спасся. Перестал о них думать.

— Ты чуть не сломал мне руку, — откликнулся я. Более связных мыслей у меня не было.

— Это спасло тебя! — сказал он. —Мы их куда-то отогнали. Больше не гудит. Их нет хотя бы сейчас!

Истерический хохот снова накатил на меня, а там и на него, мы тряслись от целительного смеха. Стало гораздо легче, мы вернулись к костру, подложили хворосту — огонь разгорелся. Тогда мы увидели, что палатка упала и лежит кучей на земле.

Мы стали ее поднимать, то и дело спотыкаясь.

— Это все воронки, — сказал швед, когда палатка уже стояла, а костер освещал несколько ярдов. — Ты смотри, какие они большие!

Вокруг палатки и у костра не было никого, зато были воронки, следы вроде тех, что мы видели, но гораздо глубже и шире — красивые, круглые и такие глубокие, что в них уместилась бы вся моя нога, до колена.

Мы молчали. Мы знали оба, что самое безопасное — уснуть, и легли, забросав огонь песком. Мешок с едой и весло мы взяли в палатку, байдарку положили так, чтобы касаться ее ногами. Любое движение, самое малое, разбудило бы нас.

5

Я твердо решил не засыпать, но так устал и душой, и телом, что сон почти сразу окутал меня блаженной пеленой забвения. Помогло этому и то,

что спутник мой уснул, хотя поначалу беспокоился и часто просыпался, чтобы спросить, «слышал ли я...» Ворочаясь на пробковом матрасе, он говорил, что палатка движется, река затопила остров, и я выходил, смотрел, успокаивал, так что он расслабился, задышал ровнее, потом захрапел, а я впервые в жизни обрадовался храпу.

Проснулся я потому, что стало трудно дышать. Лицо мое покрывала простыня, на ней было еще что-то, и мне показалось, что спутник мой перекатился ко мне со своего матраса. Окликнув его, я сел и тут же понял, что палатку окружили. Мелкий перестук слышался снова; ночь пропиталась ужасом.

Я опять окликнул друга, погромче, он не ответил, но храпа не было, брезентовая дверца болталась. «Так нельзя», — подумал я и подполз к ней в темноте, чтобы ее покрепче зашпилить, и только тут понял, что я один, спутник мой куда-то делся.

Вылетев из палатки как сумасшедший, я очутился в потоке гулкого звона, который просто хлестал с неба, словно и он обезумел. Гудело так, будто вокруг слетелись тучи невидимых пчел. Воздух стал гуще, мне было трудно дышать.

Заря еще не занялась, но слабый свет поднимался от тонкой белой полоски у горизонта. Ветра не было. Я мог разглядеть кусты и реку за ними и бледные пятна песка. Бегая по острову, я выкликал имя друга, орал как нельзя громче какие-то бессвязные слова. Голос тонул в ивах, его заглушало гудение, он умирал в нескольких футах. Я кинулся в самую заросль, стал пробиваться, спотыкаясь о корни, царапал лицо о враждебные ветки.

Внезапно я вышел на чистое место и увидел между водой и небом темную фигуру. Друг мой стоял одной ногой в воде! Еще секунда — и поток его унесет.

Я бросился на него, обхватил руками, вытащил на песок. Конечно, он боролся изо всех сил, издавая при этом странный звук, похожий на это проклятое гудение, и выкрикивая странные фразы о том, что пойдет туда, к ним, «дорогой воды и ветра». Позже мне не удалось припомнить все, что он кричал, но тогда меня просто мутило от ужаса и удивления. Наконец я дотащил его до палатки, где все-таки безопасней, бросил на матрас и, как он ни бился, ни ругался, держал, пока припадок не кончился.

Произошло это очень быстро, он сразу затих, да и звуки резко замолкли — и гул, и перестук. Наверное, это было самым странным из всего, что с нами случилось; друг мой открыл глаза, повернул ко мне измученное лицо так, что заря осветила его слабым светом, и сказал как испуганный ребенок:

— Ну, ты меня спас!.. Все прошло, они нашли вместо нас другую жертву.

Потом откинулся на матрас и заснул буквально тут же, сразу, просто выключился, а храп его был таким здоровым, словно ничего не случилось и он не предлагал в жертву свою жизнь. Когда солнце разбудило его часа через три (я все это время ждал), было ясно, что он забыл, как чуть не утопился, и я решил не беспокоить его, не спрашивать.

Проснулся он легко; как я уже говорил, его разбудило солнце, стоявшее в безветренном небе, он сразу вскочил и принялся разводить костер. Мы пошли умыться, я насторожился, но он не ступил в воду, только ополоснулся и заметил, что вода очень холодная.

— Река спадает, — сказал он. — Это хорошо.

— И гудеть перестало, — откликнулся я.

Он посмотрел на меня спокойно, своим обычным взглядом. Конечно, он помнил все, кроме своей попытки.

— Все прошло, — сказал он, — потому что...

И запнулся. Я помнил, что он произнес перед обмороком, и решил узнать все.

— Потому что они нашли другую жертву? — подсказал я.

— Вот именно, — ответил он. — Я в этом так же уверен, как в том... Ну, опасности нет.

Он с любопытством огляделся. Солнечный свет пятнами лежал на песке. Ветра не было. Ивы стояли тихо. Он медленно встал.

— Пойдем, — сказал он.

Мы побежали, он — впереди, я — сзади. Он держался у воды, тыкал палкой в песчаные пещерки и бухточки, в крохотные заводи.

— Вот! — закричал он наконец. — Вот.

Голос его вернул страхи этих суток, я подбежал к нему. Он показывал на что-то большое, черное, наполовину лежащее в воде, наполовину — на песке. Видимо, оно зацепилось за изогнутые корни, и вода не могла его унести. Несколько часов назад это место было залито.

— Смотри, — спокойно сказал он. — Вот она, жертва. Благодаря ей мы спаслись.

Взглянув через его плечо, я увидел тело. Спутник мой перевернул его палкой: это был крестьянин. Несомненно, он утонул совсем недавно, а приплыл сюда, когда рассветало — когда кончился кошмар.

— Надо его похоронить, — сказал мой друг.

— Да, конечно, — ответил я. Все-таки меня знобило; этот несчастный утопленник внушал какой-то нездешний ужас.

Друг пристально и непонятно посмотрел на меня, потом стал спускаться ниже. Течение порвало одежду, унесло лоскутья, грудь у крестьянина была голая.

На полпути мой друг остановился и поднял руку, предупреждая об опасности. То ли я поскользнулся, то ли слишком разогнался, но врезался в него. Он отпрыгнул. Мы свалились на твердый песок, ногами в воду, и коснулись трупа.

Спутник мой пронзительно вскрикнул. Я отскочил, словно в меня стреляли.

В то самое мгновение, когда мы коснулись тела, от него, прямо от него, поднялся вверх громкий, гулкий звук. Воздух задрожал, словно мимо нас пролетели какие-то существа и скрылись, постепенно исчезая в небе. Да, все было точно так, будто они работали, а мы их спугнули.

Спутник мой вцепился в меня, я, кажется, — в него, но прежде, чем мы опомнились, мы увидели, что движение это повернуло труп и освободило его из неволи. Через секунду-другую утопленник лежал лицом вверх, как бы глядя в небо. Еще через секунду его бы унесло.

Мой друг кинулся его спасать, что-то крича насчет «приличных похорон», — и вдруг упал на колени, закрыв руками глаза. Я подбежал к нему.

И увидел то, что видел он.

Когда утопленник перевернулся, оказалось, что лицо и грудь испещрены лунками, точно такими, как песчаные водовороты, которые мы видели по всему острову.

— Их знак... — услышал я. — Их страшный знак!

Когда я снова поглядел на реку, она исполнила свою работу, унесла тело, и мы уже не могли ни спасти его, ни разглядеть: оно кувыркалось на волнах, словно выдра.

Перевела с английского
Н. ТРАУБЕРГ

Анатолий Акимов

ВЕСТИ ИЗ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА

Рассказ, с которым вы только что познакомились, помимо прочего, интересен тем, что фиксирует одну из первых попыток в мировой литературе объяснить существование неких потусторонних сил наличием загадочного параллельного пространства, откуда они проникают в наш мир. К нынешнему времени эта гипотеза прочно утвердилась в умах многих писателей-фантастов, да и среди читателей у нее немало поклонников. Но как к этой версии относится современная наука? За ответом мы обратились к директору Международного института теоретической и прикладной физики.

На сегодняшний день известны три области, где обсуждаются проблемы параллельных пространств. Первая — это чистая, «традиционная» наука, где, помимо изысканий зарубежных авторов первой величины, которых нельзя заподозрить в пристрастии к мистике, созданы работы, принадлежащие отечественным физикам. В частности, академик Марков одним из первых доказал чисто математически возможность существования параллельных миров, или множественности миров. Проблеме пространств за пределами нашего бытия и нашего восприятия посвящено немало вполне научных гипотез, имеющих прямое отношение к современной физике.

Вторая — научная фантастика, где тоже ставится проблема многомерных пространств, различных вселенных или иных миров. Конечно, в своих фантазиях авторы порою заходят чересчур далеко. Однако теоретическая физика столь стремительно догоняет НФ, что многие версии классиков жанра сейчас уже выглядят не сказкой, а гипотезой. Да и в отношении других, казалось бы, невероятных «допусков» писателей необходима осторожность, поскольку, когда физика определенно заявляет о полной абсурдности той или иной идеи литературного повествования, все-таки следует помнить, что она невозможна только с точки зрения сегодняшних научных знаний. Ведь, к примеру, в прошлом ошибались в своей категоричности даже всемирно известные нобелевские лауреаты: Генрих Герц отрицал возможность использования электромагнитных волн для передачи информации; один из американских физиков — однофамилец Ньютона — строго научно доказал, что нельзя создать действующий летательный аппарат тяжелее воздуха; Нильс Бор не верил в вероятность получения атомной энергии, хотя он же явился участником создания первой атомной бомбы и первых атомных реакторов. Таких примеров можно привести великое множество.

Наконец, третья область — это сенсорика и парапсихология, где существуют так называемые контактеры, которые утверждают, что, используя другие измерения, они мысленно общаются с иными цивилизациями. Как у ряда фантастов, так и у экстрасенсов есть уверенность в том, что контактеры работают в области излучений или, как в этой среде принято называть, неких невоспринимаемых обычным человеком «тонких энергий». То есть для установления контакта с иной цивилизацией они, по их утверждениям, выходят в другие измерения.

Контактеры эти процессы видят, обычные люди — нет. Однако, позвольте, то, что мы не видим гравитацию, вовсе не означает, что гравитация — продукт другого измерения. Это наше измерение, просто человеческий организм не приспособлен для того, чтобы, в отличие от света, который мы видим, наблюдать воочию электромагнитные излучения. То же самое происходит в парапсихологии: тот факт, что кто-то видит, а кто-то не видит, не может служить доказательством того, что здесь мы имеем дело с другой метрикой пространства. Просто это такой тип специфического поля, который подавляющее большинство людей не воспринимает.

Еще в начале нынешнего века французский математик Э.Картан высказал гипотезу о существовании полей, порождаемых угловым моментом вращения. С позиции современной физики, это абсолютно нормально, поскольку наука исходит из того, что первичными источниками всех полей являются элементарные частицы. Каждому независимому параметру частицы соответствует свое поле, в нем по этому параметру частицы и взаимодействуют, а если их очень много, то взаимодействие происходит на уровне тел. К примеру, наличие массы приводит к возникновению гравитационного поля, ответственного за взаимодействие между телами, обладающими массой. Или возьмем заряд, который никак с массой не связан, он порождает электромагнитное поле, обеспечивающее взаимодействия между заряженными телами. Есть и третий параметр — спин, или вращение, — порождающий свое поле, именуемое физиками с начала нынешнего века торсионным (от англ. torsion — кручение); оно обеспечивает взаимодействие между вращающимися телами.

Оказалось, что торсионные поля имеют уникальные свойства. Практически все атомы обладают спином, сложные конфигурации атомов в виде молекул вызывают довольно сложные по структуре торсионные излучения, присущие всем объектам и живой, и неживой природы.

С этой точки зрения, что же такое человеческий мозг? Да все та же спиновая система! А раз так, он способен, перестраивая эти спиновые структуры, излучать торсионные поля. С другой стороны, внешнее торсионное поле также способно порождать спиновые структуры. Их появление может восприниматься нами на субъективном уровне: либо как некие образы, либо в виде реакций на восприятие запахов, звуков,

а не только зрительных образов, или же как какие-то физиологические команды. Последней особенностью экстрасенсы-целители и пользуются. Эта гипотеза была подтверждена строгими экспериментами, проведенными в рамках наших совместных работ с Академией медицинских наук и учреждениями Минздрава.

Совершенно очевидно, что экстрасенсы не работают в параллельных пространствах, это некая иллюзия. Они так же, как и все остальное человечество, находятся в рамках нашего трехмерного мира. Существуют же люди, обладающие обостренным слухом, позволяющим им слышать полосу звуковых частот свыше 16 — 17 килогерц, или имеющие аномально хорошее зрение... Точно так же и здесь: есть категория людей, у которых присутствуют пока не понятые современной наукой некие специфические «устройства» в организации мозга; они-то под воздействием торсионного поля и вызывают появление какой-то пространственной реальности: процессов, образов. Почему-то эти «устройства» оказываются взаимосвязаны именно с теми областями мозга, что ответственны за зрительное восприятие. Люди видят «картинку» вне зависимости от того, закрыты или открыты их глаза. Подобный феномен проверялся лабораторно: при проведении тестовых экспериментов испытуемые абсолютно точно рисовали изображения неких объектов и их излучения, которые никто из окружающих не видит и видеть не может. Оказалось, подобное видение — либо врожденный дар, либо оно может быть развито.

Современная физика оперирует тремя видами полей и излучений: электромагнитным, гравитационным и торсионным. Первые два нашли практическое применение достаточно давно, третий только входит в производственную сферу. Но уже, к примеру, опробованы заводские технологии получения металлов при помощи торсионных излучений. Они обладают поистине невероятными свойствами, которые позволяют взглянуть на проблему «видения» или «контактерства» как на нечто вполне допустимое, а не противоречащее современным физическим представлениям.

Уже есть результаты экспериментов, опубликованные в докладах Академии наук, из которых следует, что нижняя граница скорости сигналов, воспринимаемых контактерами, по меньшей мере в миллиард раз больше скорости света. Оказывается, эти сигналы не ослабевают в зависимости от расстояния и не поглощаются природными средами. Тогда, если у нас уже как будто нет оснований подозревать людей, участвовавших в экспериментах, в неспособности «видеть» образы пространственной реальности, почему бы не допустить в качестве рабочей гипотезы, что они способны контактировать с другими цивилизациями?

Повторюсь: значительная доля того, что называют иными мирами или другими измерениями, в действительности таковыми не являются. Это наше пространство, просто оно связано с проявлением другого вида физических излучений, физического поля. В теоретической физике до второй половины 70-х годов считалось, что торсионные поля очень слабы и ненаблюдаемы. Только в последнее время благодаря в основном работам российских ученых был сделан вывод: ненаблюдаемость торсионных полей характерна только для их статического состояния, а когда возникают волновые торсионные излучения, подобные ограничения отсутствуют. Тогда эти поля могут иметь сильные проявления, и они экспериментально зафиксированы. Кстати сказать, значительная часть этих исследований идет сегодня по совершенно официальным программам как признанное направление работ в отечественной науке.

Итак, пока все вопросы касались исключительно нашего трехмерного пространства. Но существуют ли все-таки другие измерения и находящиеся там иные пространства и миры? Могу ответить, что на сегодняшний день на экспериментальном уровне они не наблюдаемы. Однако в порядке гипотезы рассматриваются три аспекта этой проблемы. В первом случае имеется в виду множественность миров (по терминологии американского физика Эверетта). То есть предполагается существование какого-то числа вселенных в ближайшем соседстве друг с другом. В образном выражении это можно представить как некую кладку из яиц, где каждое являет собой отдельную вселенную.

Второй вариант предусматривает наличие миров, как бы вложенных один в другой, но никак не взаимодействующих между собой. Поэтому и появилась необходимость разделения понятий: соседние и вложенные (или параллельные) миры.

И, наконец, третья концепция допускает, что мир может быть описан как некое многомерное образование. То есть возможно существование разных измерений, которые, подобно вложенным мирам, не пересекаются между собой. Поэтому одна из научных концепций в физике заключается в том, что вложенные миры могут существовать только в разных измерениях, отсюда они и не накладывают никаких ограничений друг на друга. К примеру, среди людей, занимающихся изотерикой, популярно мнение, согласно которому на Земле существует несколько параллельных цивилизаций.

Мы без труда представим себе концертный зал, полный зрителей, естественно, находящийся в нашем измерении. Это для человеческого сознания — обыденная реальность. Но давайте пофантазируем и допустим возможность существования хотя бы одного параллельного мира. Тогда в тот же самый момент времени, в том же самом месте, но в ином измерении могут быть, допустим, морские глубины, населенные диковинными рыбами. То есть одновременно концертный зал и водная стихия. Люди, конечно, никаких рыб не «замечают» и никакого дискомфорта не ощущают. Рыбы тоже заняты своими делами и не обращают внимания на рояль на сцене, да и на всех собравшихся...

Теперь предположим, что мы живем не в трехмерном, а, скажем, в четырехмерном мире. Современная физика начинает склоняться к тому, что не очень корректно привязывать константу времени к метрике пространства и оперировать с ней как с равноценной координатой. В рамках одной из рассматриваемых физикой проблем видно, что это отнюдь не родственные величины. Если иметь в виду чистые показатели пространства (за вычетом времени), то в этом случае при переходе к четырехмерному миру оказалось бы, что устойчивой никакая планетная система быть не может. То есть для макроскопического уровня трехмерность — это существенный фактор. Физика на строгом уровне доказала: только трехмерный мир обеспечивает для систем, где действует гравитация, их устойчивое существование, а иначе все рассыпается. Но если перейти от макроскопического уровня к микроскопическому, выясняется, что там пространство предположительно может быть многомерным. Ряд измерений этой многомерной метрики, оказывается, описывает только квантовый уровень. По мере увеличения масштабов степень их искривления все возрастает и в конце концов они скручиваются почти в ноль и исчезают. Таким образом, если хоть в каком-то смысле реально работать с другими измерениями, то только на субквантовом уровне. На сегодняшний день даже фантастика не говорит однозначно, возможно это или нет.

С точки зрения современной науки, наблюдать иные измерения на уровне вещества вроде бы никак нельзя. Здесь можно только сфантазировать некую ситуацию и попытаться разобраться в ней, опираясь на строгие научные знания. Предположим, что любой объект как бы оставляет свой «отпечаток», «полевой дубликат», в материальной, изначально невозмущенной, ненаблюдаемой среде, которая пронизывает всю Вселенную. Называется она

физический вакуум. Оказывается, он может изменять свою структуру в зависимости от того, что на него воздействует. Скажем, появляется какая-либо масса, она оказывает влияние на окружающий ее физический вакуум, и он перестраивается, принимает черты, свойственные этой массе. В измененном или поляризованном состоянии эта среда воспринимается нами как гравитационное поле.

Если появляется некий заряд, то происходит уже иная перестройка, иная поляризация. В таком виде этот физический вакуум приобретает особенности электромагнитного поля. Однако если массу или заряд убрать, то физический вакуум сразу же возвращается в исходное нейтральное состояние. Наконец, если в эту среду поместить объект, обладающий спином, то он совершенно по-другому подействует на физический вакуум, который претерпит спиновую поляризацию, а она устойчива и сохраняется даже после того, как объект из него удален. Поляризация оказывается тем сильнее, чем дольше объект находится в физическом вакууме. Следовательно, и «полевой дубликат» будет более устойчивым, а для него уже характерны все квантовые свойства, то есть мы выходим на микроскопический уровень, где, как уже предполагалось, не исключена возможность обнаружить параллельные пространства.

Чтобы вы могли более зримо представить себе суть этих процессов, я приведу пример. Предположим, человек сидит в кресле, затем через некоторое время встает и уходит. Однако из всего сказанного выше следует, что он не исчезает бесследно. На его месте, то есть в кресле, где, как и во всей Вселенной, существует физический вакуум, остается «отпечаток» — «полевой дубликат» сложнейшей спиновой системы, которую наш герой, как и все мы, из себя представляет. Таким образом осуществляется переход от макроскопического уровня на микроскопический, где сегодняшняя наука не исключает возможность выхода в другие измерения. Вот и получается, что «полевой дубликат» становится как бы нашим посланцем в иные миры.

Еще раз замечу, предмет нашего сегодняшнего разговора занимает умы и серьезных ученых, и писателей-фантастов. В своем познании и прогнозировании окружающего мира они либо поражают человечество научными открытиями, либо удивляют точностью предвидения, казалось бы, абсолютно невозможного, невероятного. Так пусть это заочное соперничество никогда не закончится. Тогда, надеюсь, даже самые загадочные тайны Вселенной рано или поздно перекочуют на страницы школьных учебников.

От автора.

Существует несколько областей, стимулирующих появление фантастических сюжетов. Первая — это реальная наука, где некоторые писатели черпают фабулы своих сочинений.

Второй путь получения необходимой информации — это контакты с кем-то или чем-то необычным, например, колдунами, экстрасенсами... Я знаком с некоторыми контактерами, которые, как они рассказывали, в течение длительного времени довольно тесно общались с братьями Стругацкими, и результаты этих встреч находили свое место в произведениях известных авторов. Правда, справедливости ради следует отметить, что сами Стругацкие — сильные ученые. Они получили ту фактуру, которой наши земные физика и математика еще не владеют.

И, наконец, третий вариант, самый редкий, — это чистый полет фантазии...

ФАВОРИТ
еженедельная газета

«Фаворит» — это интенсивный досуг
«Фаворит» — это захватывающее чтение
«Фаворит» — это специльные призы газеты

Потому что

«Фаворит» — это конкурсы, игры, тесты, шарады, кроссворды

а также:

Полезная информация, невероятные истории, слухи, сенсации

Купите «Фаворит»

и вы получите прекрасную возможность

- *блеснуть эрудицией*
- *испытать удачу*
- *весело провести время*

Потому что «Фаворит» — это большая игра и приличные выигрыши

Телефон для справок: (095) 229-84-59 Факс: (095) 229-97-68

Ларри Нивен

Незадолго до конца

Однажды воин сразился с колдуном. В ту пору такие поединки происходили часто. Между воинами и колдунами существовала глубокая природная неприязнь, как между собаками и кошками. Как правило, воин оказывался побежденным, и человечество в целом становилось еще вот на столечко разумнее. Иногда воин побеждал, и человечество снова выигрывало: ведь колдун, не способный справиться с каким-то там воякой, всего лишь пародия на колдуна.

Однако эта схватка отличалась от остальных. Во-первых, воин сражался волшебным клинком. Во-вторых, колдуну открылась великая и ужасная истина.

Мы будем звать его Чародеем, ибо настоящее имя колдуна, давно, впрочем, позабытое, произнести невозможно. Родители Чародея предупреждали: тот, кому известно твое имя, обладает властью над тобой.

Ужасная истина открылась Чародею, когда он достиг зрелых лет.

Он много путешествовал. Он знал заклятия, побуждавшие людей восхищаться колдунами, и даже опробовал их на деле, но ему не понравились побочные эффекты. Поэтому Чародей обычно помогал тем, кто его окружал, чтобы добиться дружбы без принуждения.

Как выяснилось со временем, через десять—пятнадцать лет, проведенных на одном месте, лет, когда ма-гическая сила исполняла любые причуды, она начина-ла ослабевать. Стоило переселиться в другую мест-ность, как сила тут же возвращалась. Чародей переселялся дважды, дважды приноравливался к новому краю, узнавал новые обычаи, заводил новых друзей. Сейчас приближалось третье переселение. Он приготовился тронуться в путь, однако вдруг задумался.

Почему у человека иссякают силы? Откуда такая несправедливость?

То же самое случается и с народами. Те земли, где процветала цивилизация, неизменно оказывались покоренными варварами, вооруженными дубинами и мечами. Это была печальная истина. Настолько, что подолгу размышлять о ней не следовало, чтобы не бередить душу. Но Чародея снедало любопытство.

Итак, он задержался, чтобы проделать кое-какие опыты.

В ходе последнего он произнес простое кинетическое заклинание, что придало вращение зависшему в воздухе металлическому диску, — и познал истину, великую и ужасную. Истина эта предвещала конец цивилизации, однако воспользоваться ею никто не мог.

Меч назывался Глирендри. Его выковали несколько столетий назад, и за минувшие века он успел изрядно прославиться.

Имя воина было известно всем и каждому: Беллхап Саттлстон Вирлдесс аг-Мираклот ру-Кононсон. Друзья, которые вскоре после знакомства отворачивались от бойца, называли его Хапом. Разумеется, он был варвар. Цивилизованный человек повел бы себя разумнее и благороднее: не стал бы прикасаться к Глирендри и убивать спящую женщину. Хап же поступил именно так — и стал обладателем меча. Или наоборот: меч стал хозяином Хапа.

Чародей узнал о приближении гостей задолго до того, как увидел их. Он трудился в своей пещере в склоне холма и вдруг ощутил неясную тревогу.

— Гости, — проговорил он. По спине побежали мурашки.

— Я ничего не слышу, — отозвалась Шарла, деревенская девушка, которая жила вместе с Чародеем и в тот день убедила его научить ее нескольким простым заклинаниям. Однако в ее голосе сквозило беспокойство.

— Разве ты не чувствуешь, как поднимаются волосы на затылке? Это сработало предохраняющее заклятие. Подожди, я проверю. — Чародей посмотрел на некую вещицу, похожую на поставленный на ребро серебряный обруч. — Надвигается беда, Шарла. Тебе нужно уходить отсюда.

— Но... — Шарла взмахом руки указала на стол.

— Ничего страшного. Закончим в другой раз. Такое заклинание не представляет опасности, — ответил Чародей. Речь шла о заклинании против любовных чар, не то чтобы очень простом, но вполне безобидном и действенном. Он ткнул пальцем в луч света, сверкавший внутри обруча. — Опасность близка. По западному склону движется мощный источник *маны*. Значит, ты пойдешь по восточному.

— А я не могу помочь? Ты же кое-чему меня научил.

— Помочь? — колдун хрипло рассмеялся. — Ты не понимаешь, о чем говоришь. Это Глирендри. Взгляни на луч. Видишь, какой цвет, какая форма? Нет, уходи, и как можно скорее. На восточном склоне тебе ничто не угрожает.

— Пойдем со мной.

— Не могу. Глирендри на свободе, он подчинил себе какого-то олуха, которого я должен остановить.

Вдвоем они вышли из пещеры. Шарла переступила порог хижины, которую делила с колдуном, накинула платье и нехотя побрела вниз по склону. Чародей торопливо собрал все, что могло понадобиться, и следом за девушкой покинул дом.

Тем временем незваный гость преодолел приблизительно половину пути до вершины. То явно был человек: высокий, широкоплечий мужчина, который сжимал в руке нечто длинное, поблескивавшее на солнце. От того места, где стоял Чародей, его отделяло минут пятнадцать ходьбы. Колдун вновь поставил на ребро серебряный обруч.

Сквозь обруч клинок виделся ослепительно яркой иглой, искрящейся *маной*. Все правильно, это Глирендри.

Надо было сказать Шарле, чтобы она предупредила Братство. У нее бы получилось. Впрочем, уже поздно.

Белый свет, исходивший изнутри обруча, резал глаза.

Да, луч был белым, в нем не проглядывало ни вот столько зеленого, из чего следовало, что воин не пытался защитить себя предохраняющими заклятиями. Выходит, он не волшебник и, вдобавок, изрядно глуп. Интересно, знает ли он хоть что-нибудь о Глирендри?

Впрочем, какая разница? Тот, кто владеет клинком, неуязвим: его не возьмут никакие чары, кроме чар самого Глирендри. По крайней мере, так утверждала молва.

— Посмотрим, — проговорил Чародей, порылся в своем добре и извлек из кучи деревянный предмет в форме окарины, сдул с него пыль, стиснул предмет в кулаке и направил на склон холма.

Он немного помедлил. Заклинание верности было простым и безопасным, однако имело побочный эффект: ослабляло умственные способности жертвы.

— Самооборона, — успокоил себя Чародей и дунул в окарину.

Воин продолжал идти все тем же размеренным шагом. Еще немного — и он достигнет вершины.

— Что ж, — промолвил Чародей, — ладно. — Он взял в руки металлический диск, а затем, покопавшись в куче диковинных предметов, достал обоюдоострый, отточенный нож, лезвие которого украшала затейливая надпись на неизвестном языке.

На вершине холма бил ключ, дававший начало ручью, бежавшему по склону мимо хижины Чародея. Воин остановился на дальнем его берегу, оперся на меч и уставился на колдуна. Дышал он с натугой — подъем оказался не из легких.

Чародей видел перед собой изборожденную шрамами гору мышц. Ему показалось несколько странным, что у такого молодого человека столько шрамов. Впрочем, они, похоже, нисколько не беспокоили воина. По-видимому, тот был здоров, как бык. Темно-синие блестящие глаза варвара были посажены чересчур близко.

— Я Хап, — заявил воин. — Где она?

— Ты имеешь в виду Шарлу? Какое тебе до нее дело?

— Я пришел освободить ее, старик. Слишком долго ты...

— Эй, погоди! Шарла моя жена.

— Ты опорочил девушку, лишив ее чести, заставил...

— Шарла оставалась со мной по собственной воле!

— Думаешь, я поверю? Чтобы такая красивая девушка могла полюбить дряхлого старика?!

— Я что, выгляжу дряхлым?

Чародей вовсе не походил на старика. Он казался зрелым мужчиной, лет на двадцать постарше Хапа, которому не уступал ни ростом, ни телосложением. Выходя из хижины, он не позаботился об одежде. Спину его украшали не шрамы — красно-зелено-золотистая татуировка — изысканный пятиугольный узор, который словно зачаровывал своими переплетающимися линиями.

— Вся деревня знает твой возраст, — сказал Хап. — Тебе две сотни лет, если не больше.

— Хап, — проговорил Чародей. — Беллхап кактебя-там ру-Кононсон. Я вспомнил: Шарла рассказывала мне, что ты привязался к ней, когда она последний раз спускалась в деревню. Надо было мне сразу что-нибудь предпринять.

— Старик, ты лжешь. Ты зачаровал Шарлу. Всем известно, какой силой обладает заклинание верности.

— Я не пользуюсь им. Не хочу побочных эффектов. Кому понравится, что его окружают дружелюбные олухи? — Чародей указал на Глирендри. — Ты знаешь, что у тебя в руке?

Хап мрачно кивнул.

— Тогда тебе не мешает поостеречься. Может быть, еще не слишком поздно. Попробуй переложить меч из правой руки в левую.

— Я уже пробовал. Ничего не получается. — Хап взмахнул шестидесятифунтовым клинком, который со свистом рассек воздух. — Я не могу избавиться от него, даже когда ложусь спать.

— Значит, слишком поздно.

Сверкнула ослепительная вспышка.

Достигнув холма, метеорит уменьшился в размерах до бейсбольного мяча. Он должен был угодить Хапу прямиком в темечко, однако взорвался на долю секунды раньше. Когда сияние померкло, обнаружилось, что варвар стоит в кольце маленьких кратеров.

У воина отвисла челюсть. Потом он закрыл рот и двинулся вперед. Меч тихонько загудел.

Чародей повернулся спиной.

Хап скривил губы — мол, ну и трус ты, братец, — а затем вдруг отскочил. От спины колдуна отделилась тень.

Тень была настолько черной и плотной, как будто отражалась на стене лунной пещеры, внутрь которой проник луч солнца. Она опустилась на землю, оторвалась от Чародея — подобие «глазка» на двери в кромешную тьму, какая наступит с гибелью мироздания, — выпрямилась и прыгнула.

Глирендри действовал словно по собственной воле. Он рассек демона сначала вдоль, потом поперек; тот как бы врезался в невидимый щит, но, умирая, все еще пытался дотянуться до Хапа.

— Умно, — выдохнул варвар. — На спине пентаграмма, в пентаграмме демон. Умно.

— Но бесполезно, — ответил Чародей, — поскольку не сработало. Другое дело Глирендри, но владеть им — сущее безумие. Я снова тебя спрашиваю: ведаешь ли ты, что держишь в руке?

— Могущественнейший из всех клинков. — Хап воздел меч над головой. Правая рука воина была длиннее и мускулистее левой — над ней явно потрудился Глирендри. — С таким мечом я могу не опасаться ни волшебников, ни ведьм и не просить о помощи демонов. Мне пришлось убить женщину, которая любила меня, но я с легкостью заплатил ее жизнью за этот клинок. Когда я воздам тебе по заслугам, Шарла станет моей, и...

— Она плюнет тебе в глаза. Послушай меня. Глирендри — настоящий демон. Если ты наделен хотя бы крупицей здравого смысла, то самое время отрубить себе руку.

— Ты хочешь сказать, что в мече сидит демон? — уточнил Хап, который, похоже, слегка забеспокоился.

— Пораскинь своим умишком, остолоп! Этот меч — не из металла. Он — демон, плененный демон, который порабощает тех, кто им владеет. Если ты не избавишься от него, то за какой-нибудь год состаришься и умрешь. Его пленил колдун из северных земель, который потом отдал клинок одному из своих приспешников, Джерри откуда-то-там. Джерри покорил половину континента, после чего впал в старческое безумие и умер.

С этими словами Чародей подкинул в воздух медный диск. Тот начал вращаться. Чародей встал таким образом, чтобы диск находился между ним и варваром. Воин шагнул в сторону, избегая прикасаться к металлическому предмету, вращавшемуся с умопомрачительной скоростью. Чародей тут же сменил позицию. В его руке сверкнул нож.

— Ты меня не запугаешь, — проговорил Хап. — Пока я держу Глирендри, колдовство мне не страшно.

— Верно, — отозвался Чародей. — Диск через минуту все равно утратит свою силу. Кстати, я знаю один секрет, который хотел бы поведать тебе, секрет, какого не открыл бы и другу.

Хап стиснул меч обеими руками, занес над головой и с размаху опустил на диск. Лезвие клинка замерло у самого края диска.

— Глирендри оберегает тебя, — сказал Чародей. — Если бы они соприкоснулись, ты бы сейчас катился вверх тормашками в деревню. Слышишь?

Варвар прислушался и различил приглушенный гул, который, казалось, становился все громче.

— Существуют края, куда чародею путь заказан, где он не смеет появляться, — продолжал Чародей. — Магия там не действует. В сельской местности, в тех землях, где возделывают поля и пасут овец, можно набрести на древние города, на замки, которые когда-то летали, а ныне упали наземь, на огромные кости драконов, гигантских ящеров минувшей эпохи. И тогда я задумался.

От диска исходил такой жар, что Хап невольно попятился. Диск раскалился добела, он смахивал на

спустившееся на землю солнце. За его сиянием варвар потерял колдуна из виду.

— Я создал диск, точь-в-точь как этот, и придал ему вращение. Обыкновенное кинетическое заклинание... Знаешь, что такое мана?

— Что стряслось с твоим голосом?

— Маной мы называем силу, которая могущественнее магии. — Голос Чародея сделался слабым, едва слышным.

Хап заподозрил, что его одурачили. Колдун наверняка улизнул, оставив позади свой голос! Заслоняя глаза рукой, варвар обошел диск и увидел перед собой сидящего на земле старика. Тот постукивал кончиками скрюченных, узловатых пальцев по лезвию испещренного рунами ножа.

— Я установил... А, вот ты где. Ну и ладно, все равно уже поздно.

Хап взмахнул клинком. Внезапно меч изменил свой облик.

Оружие превратилось в громадного красного демона, ноги которого оканчивались копытами, на голове росли рога. Взметнувшись, он впился зубами в правую руку воина. Затем медленно вытянул лапу. Ошеломленный Хап не пошевелился. Мощные когти легли ему на горло.

Вдруг хватка демона ослабла. Зловещий оскал сменился смятением.

Диск взорвался. На том месте, где он только что был, вспухло облако крохотных металлических обломков, которые тут же унесло ветром. Хапу под ноги словно вонзилась молния, раздался оглушительный грохот, запахло расплавленной медью.

Демон сгинул — пропал, как пропадает, сливаясь с землей или деревом, хамелеон.

Позади варвара зияла глубокая яма.

Ключ иссяк. Каменистое дно ручья постепенно высыхало на солнце.

Пещера Чародея рухнула, хижина будто растворилась в воздухе, а грубая утварь с треском обрушилась в яму.

— Что случилось? — проговорил Хап, хватаясь левой рукой за обрубок правой.

— Мана, — пробормотал колдун и выплюнул изо рта почерневшие зубы. — Мана. Это та сила, что могущественнее магии. Но она истощается подобно тому, как теряет плодородие почва.

— Но...

— Теперь ты понимаешь, почему я хранил все в секрете? Настанет день, когда мировая мана иссякнет. Ни маны, ни магии — ничего. Известно ли тебе, что почва Атлантиды нестабильна? Короли-колдуны, наследуя друг другу, поколение за поколением возобновляют заклинания, которые не дают континенту сползти в море. Что произойдет, когда волшебство перестанет действовать? Гибель народов!

— Но... Твой диск...

Чародей скривил в усмешке беззубый рот, пригладил руками седые волосы. Те разом слезли с черепа, оставив его совершенно голым.

— Быть старым все равно что напиться до бесчувствия. Диск? Я же говорил тебе. Кинетическая энергия, которая постоянно и бесконечно возрастает. Диск продолжает ускоряться до тех пор, пока в округе не останется ни толики маны.

Хап шагнул вперед. Пережитое потрясение лишило варвара половины сил. Он двигался так, словно все его мышцы вдруг одрябли.

— Ты хотел убить меня.

Чародей утвердительно кивнул.

— Я прикинул, что если диск не взорвется, когда ты будешь его обходить, тебя прикончит Глирендри. Тебе не на что жаловаться! Ты лишился руки, зато избавился от меча.

— Колдун! — хрипло проговорил Хап, приближаясь к чародею. — Ты глубокий старик. Тебе двести с лишним лет. Я способен свернуть твою гнусную шею и одной рукой, и я сделаю это!

Чародей выставил перед собой нож.

— Он тебе не поможет. Хватит с меня магии! — Хап оттолкнул руку Чародея и схватил того за горло.

Колдун без труда высвободился и взмахнул ножом. Хап прижал руки к животу, широко раскрыл глаза, разинул рот, попятился, а затем тяжело опустился на землю.

— Нож никогда не подводит, — заметил Чародей.

— Ох! — выдавил Хап.

— Я изготовил его собственноручно, выковал обычным молотом, поэтому он и не рассыпался в пыль. Руны на нем вовсе не волшебные. Они гласят...

— Ох! — повторил Хап. — Ох! — Он повалился на бок.

Чародей лег на спину, поднес к глазам нож и прочел надпись на языке, который помнили одни лишь члены Братства.

«Ничто не вечно под луной». Даже в те времена эта поговорка была уже достаточно древней.

Чародей уронил руку на грудь и уставился в небо.

Неожиданно голубизну его заслонила чья-то тень.

— Я же велел тебе уходить, — прошептал колдун.

— Знал ведь, что я никуда не уйду. Что с тобой?

— С меня спали чары. Когда заклинание будущего не подействовало, я понял, что выхода нет. — Дыхание Чародея сделалось прерывистым. — Но главное мне удалось. Я расправился с Глирендри.

— Я могу тебе чем-то помочь?

— Снеси меня вниз, пока мое сердце еще бьется. Я никогда не открывал тебе своих лет...

— Подумаешь! Вся деревня знает. — Шарла усадила колдуна, взяла его за руку... Та будто принадлежала мертвецу. Девушка вздрогнула, однако справилась с собой, обхватила Чародея за талию и приготовилась поднять. — Какой ты худой! Давай, милый, нам нужно встать. — С помощью Шарлы Чародей кое-как поднялся.

— Не спеши. Мое сердце, похоже, так и норовит остановиться.

— Сколько нам надо пройти?

— Думаю, до подножия холма. Там волшебство начнет действовать снова, и мы сможем отдохнуть. — Он споткнулся. — Кажется, я слепну.

— Да, ты сильно изменился. Стал таким... уродливым.

— Наверное, ты больше не захочешь знать меня, — проговорил Чародей, на шее которого запульсировала жилка — словно затрепетали крылышки колибри.

— Ты же можешь стать прежним, верно?

— Разумеется. Я могу превратиться в кого угодно. Какой цвет глаз ты предпочитаешь?

— Когда-нибудь я тоже состарюсь, — произнесла Шарла. Чувствовалось, что ей не по себе. Ее голос становился все тише — колдун терял слух.

— Я научу тебя, после, творить заклинания вечной молодости. Но знай, они опасны, чудовищно опасны.

— А какого цвета были его глаза? — помолчав, спросила Шарла. — Я про Беллхапа Саттлстона как-там-дальше.

— Неважно, — отозвался Чародей с досадой в голосе.

Внезапно к нему вернулось зрение.

Не навсегда, подумал он, бредя по залитой солнечным светом тропинке. Когда мана иссякнет, я исчезну, как огонек погашенной свечи, а следом исчезнет цивилизация. Никакой магии, никаких магических ремесел. Мир погрузится во тьму варварства, разве что люди откроют новый способ обуздывать природу. Выходит, воины, проклятые тупоголовые вояки все же одержали верх.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

Кир Булычев

Новый Сусанин

Кир Булычев

В лесах, под городом Великий Гусляр, таится озеро Копенгаген, окутанное тайнами и легендами, Мекка гуслярских рыболовов.

Многие десятилетия оставалось загадкой даже название озера, непривычное для здешних мест. Рассказывают, что в тридцать седьмом году покойный отец Ложкина поехал в Вологду торговать метровую щуку, выловленную им в том озере. На вологодском рынке к нему подошел один человек, одетый в штатское, и спросил, где Ложкин выудил такую рыбину. Ложкин честно признался, что в Копенгагене, и после многих допросов и неправедного суда отправился в лагерь как датский шпион, а Николай Ложкин дождался папу только через восемнадцать лет.

Лишь лет двадцать назад директорша музея Елена Сергеевна выудила в городском архиве информацию, согласно которой озеро получило наименование случайно. Оказывается, в начале прошлого века в тех краях построил свой охотничий замок англоман Архип Гулькин, велевший именовать его просто Гулем. Как-то приехавший к Гулю на рыбалку либерально настроенный гуслярский мировой посредник пошутил, что Копенгаген — английский вице-адмирал. Гуль был потрясен звучностью адмиральского имени и велел переименовать озеро Темное в озеро Копенгаген. Название окрестным мужикам понравилось, хотя и казалось ругательным. Гуль пытался разводить в озере крокодилов, крокодилы прижились, но мужики их выловили и пустили крокодилью кожу на подошвы валенок.

Уже в почтенном возрасте Гуль влюбился по переписке в проживавшую на Украине госпожу Ганскую, представительницу старого шляхетского рода. Но, несмотря на переписку, теплые слова и даже обещания, госпожа Ганская вышла замуж за француза Бальзака. Помещик Гуль не выдержал такого поворота судьбы и утопился в Копенгагене. Его охотничий замок, разграбленный поселянами, пришел в полный упадок.

Несмотря на то, что Великий Гусляр лежит в стороне от основных трасс, а население в нем обитает консервативное, новые веяния долетают и до его площадей и закоулков. В Гусляре есть свои «выборoссы», коммунисты, сторонники парламента, поклонники президента и даже представители капитализма. И, как положено российской глубинке, в недрах ее таятся такие социальные движения и водовороты, что порой и Москва позавидовала бы прыти нашего городка.

Поджарый Салисов и грузный Ахмет Собачко пришли в газету «Гуслярское знамя» к ее корреспонденту Мише Стендалю и изложили свою позицию. Тот, желая им помочь, повел на бывшую Пушкинскую (ныне в результате кампании за возвращение исторических названий переименованную в Старокривоколенную), в дом №16, где проживает его давний друг, а также заядлый рыболов Корнелий Иванович Удалов.

В то субботнее утро Корнелий страдал радикулитом, отчего не смог пойти на рыбалку и даже спуститься вниз сыграть в домино. Правда, и в домино он играть не очень стремился — пришло новое поколение, которое привнесло в домино денежный азарт. Раньше люди собирались вокруг стола, чтобы как следует стукнуть по столешнице, сделать рыбу, а то просто поговорить с соседом. Молодежь, занявшая стол, играла теперь на деньги, причем, порой с улицы Софьи Перовской приходили рэкетиры и играли на «зеленые», или «баксы», сам вид которых Корнелию Ивановичу, как человеку старой закваски, был неприятен. Ведь во времена его молодости такими «зелеными» агенты США расплачивались с отщепенцами за измену Родине.

Корнелий Иванович стоял у окна, глядел во двор и рассуждал, соберется ли дождик или обойдет стороной.

Он увидел, как осторожно, словно катафалк, влекущий тело члена Правительства, в ворота вполз «мерседес», замер, и из него вылез помятый и встрепанный корреспондент газеты «Гуслярское знамя» Миша Стендаль, а за ним два закованных в кожу молодых человека. Мода, осчастливившая революцию кожаными куртками, сделала странный исторический виток и вновь призвала кожаные куртки в период контрреволюции.

Один молодой человек был бородатеньким, тощим и тщедушным, второй — внушительным и полным, но куртки скрадывали различия в комплекции.

Миша поднял голову, угадал за стеклом Корнелия и сделал жест, означавший просьбу отворить дверь. Корнелий обернулся и крикнул:

— Ксюша, открой, пришли!

Никто не откликнулся, и Корнелий вспомнил, что Ксения ушла на рынок.

Пришлось Удалову, припадая на левую ногу и держась за позвоночник, брести к двери.

Гости вежливо поздоровались и сразу проникли в комнату, причем сделали это так ловко, что Удалов со Стендалем далеко отстали от них и оказались в комнате, когда молодые люди уже заканчивали поверхностный обыск.

— Все в порядке, заходите, — пригласил Удалова худой и, как оказалось, злобноватый человек, заросший густым черным волосом. — Располагайтесь.

После этого гости уселись в кресла, а Стендалю и Удалову достались стулья. Впрочем, когда у тебя приступ радикулита, лучше сидеть на стуле.

— Наши гости, — сдавленным голосом сообщил Миша Стендаль, — приехали из Москвы. У них есть сенсационная информация, связанная с Великим Гусляром, и они просят нашего содействия.

— Не так громко, — предупредил тощий.

— Давайте, я вас представлю, — сказал Стендаль. — Товарищ Салисов — аквалангист и экстрасенс.

— С мировым именем, — подчеркнул бородатый

и чуть наклонил голову. — И предупреждаю: все ваши мысли мне известны.

Помолчали. Видно, экстрасенс читал мысли Удалова, а Удалов удивлялся, почему же это у него с утра ни одной мысли в голове не было. Сейчас, правда, появились, но все были связаны с ненормальным, взвинченным состоянием корреспондента.

— А вот, познакомьтесь, — продолжал Стендаль, — господин Ахмет Собачко.

— Не господин, а товарищ, — поправил Стендаля второй — грузный, лысый, украшенный лишь длинными висячими усами. — Не люблю, понял?

Выждав деликатную паузу, Миша сообщил:

— Наши гости сделали важное открытие.

— Не продаст? — спросил Салисов.

Миша совсем смутился.

— Ну как можно! — сказал он.

— А это вопрос суммы, — сообщил Собачко. У него был высокий девичий голос и очень красные губы.

— Удалов молчалив, как могила, — сказал Стендаль, смущенный ролью, которую ему пришлось играть.

Могилой Корнелий себя не считал, но спорить не стал. Он ждал продолжения.

— Знаете ли вы о русском герое Иване Сусанине? — резко спросил Салисов. Его черные глаза горели отчаянным нутряным огнем.

— Слышал, — ответил Удалов. — А в Костроме даже памятник видел — рукой за речку показывает, куда идти не следует.

Удалов хихикнул, приглашая остальных присоединиться. Никто не присоединился. Гости, видно, шутить не собирались.

— Подскажите мне, — произнес Салисов, — чем прославился Иван Сусанин в памяти русского народа?

— Он завел поляков в лес, — послушно ответил Удалов, — где было не видно ни зги. Сусанину с сердцем вскричали враги, куда ты завел нас — не видно ни зги!

— Хватит! — оборвал Удалова Салисов. — Не пытайтесь показаться глупее, чем вы есть.

Удалов кивнул. Ему не хотелось показаться умнее, чем он был на самом деле. Он надеялся, что Стендаль не раскрыл гостям истинное лицо знаменитого гражданина Великого Гусляра, известного во всей Галактике.

В комнате воцарилось молчание. С каждой секундой оно все тяжелее ложилось на плечи присутствовавших. Наконец Удалов не выдержал и спросил:

— Ну?

— Стендаль сказал, что вам можно доверять, — произнес Собачко с некоторым удивлением, словно хотел показать всему миру, что на самом деле Удалову лучше не доверять.

— Можно? — переспросил Удалов. Он тоже не был уверен.

— Историческая правда, — сказал Собачко, — заключается в том, что поляки, которых завел Сусанин, несли с собой большой и важный груз — награбленные в Вологде ценности.

— Золото, драгоценности, мебель, бусы, янтарь, жемчуг, — подытожил Салисов.

Он вытащил из кармана черный лаковый бумажник, раскрыл его, вынул листок, исписанный мелко и густо, и проверил по нему, правильно ли перечислил награбленное поляками.

— По нашим сведениям, — продолжал Салисов, — оставленные в глуши поляки в отчаянии перед гибелью прорубили полынью в озере Темном в окрестностях города Великий Гусляр.

— Исторический факт! — воскликнул Собачко.

— Все это обнаружено нами в архивах КГБ, — сказал Салисов. — Большевики скрывали эти сведения от народа, надеясь самим отыскать сокровища. Но не вышло, потому что документы были утеряны в годы великих чисток. Вы понимаете?

— Но мы теперь знаем, — продолжил Собачко. — Озеро Темное! Мы должны отыскать это озеро и нырнуть в его глубины. Сокровища, которым нет цены, лежат на его дне. В тине. И вы нам поможете.

— Почему? — спросил Удалов.

— Потому что это ваш гражданский и нравственный долг, — сказал Собачко.

Стендаль в отчаянии глядел на Удалова.

— Сокровища, говорите, — протянул Удалов, поглаживая лысину, обрамленную пегими кудрями. — Для народа? Тогда вам, товарищи, следует обратиться в наш музей. Он и заботится о сокровищах.

— Ах, оставьте, — отмахнулся Салисов. — В музее сидят некомпетентные, ограниченные люди.

— Они все продались Федеральной контрразведке и сионистам! — поддержал товарища Собачко.

Удалов укоризненно покачал головой. Стендаль взволнованно вмешался в разговор:

— Корнелий Иванович, эти господа просят им помочь.

— В чем?

— Проведите нас к Темному озеру, — жестко произнес Собачко. — Покажите нам его. Мы вам заплатим.

— Я бы рад, — сказал Удалов, которому эти люди страшно не нравились. — Но, к сожалению, такого озера в наших краях не водится.

— Ложь! — отрезал Собачко. — Такое озеро у вас расположено, хотя, может быть, под другим названием. Так что вы, Корнелий Иванович, уходите от ответственности.

— Корнелий Иванович! — голос Стендаля дрожал от волнения и страха. — Корнелий, помоги им!

Говоря эти отчаянные слова, Стендаль постарался незаметно для приезжих подмигнуть Удалову.

Удалов и без подмигивания знал, что положение критическое. К озеру Копенгаген, которое ранее звалось Темным, тайных троп нет. Лесом, по шоссейке районного значения доезжаешь автобусом до шестнадцатого километра, потом тропинкой, довольно исхоженной, идешь еще километр с небольшим. Вот ты и на месте. Эту дорогу знает каждый житель Великого Гусляра. Секрет лишь в том, что мало кому известно прежнее название озера Копенгаген. Впрочем, если подозрительные молодые люди выйдут на улицу, покажут десяти прохожим зеленую купюру, то наверняка отыщут хотя бы одного проводника в гуслярские леса.

— И как же вы намереваетесь искать этот клад? — спросил Удалов, глядя на Собачко проникновенно и целеустремленно. Тот принял этот взгляд за чистую монету и ответил:

— Оборудование на подходе. Летит вертолетами. Батискаф, катер, надувной плот, скафандры...

Собачко загибал пальцы. Салисов добавил:

— Акваланги, сухой паек, гранатомет...

— Базилио! — оборвал спутника Собачко.

— Имеется в виду гарпунемет, — поправился Салисов и тонко усмехнулся под бородой.

— А потом? — спросил Удалов.

— У нас есть фонд. Международный фонд — пострадавшим от землетрясения детям Ашхабада.

— В каком же году было там землетрясение? — удивился Стендаль.

— Неважно, в каком, главное, что оно было, — отрезал Собачко.

— Выходим сейчас, — заявил Салисов.
— Стендаля берем? — спросил Удалов.
— Обойдется! — ответил Собачко.

Говорил Собачко тонким пронзительным голосом с какой-то странной бабьей кухонной интонацией, будто бранился.

— А чего я без Миши пойду? — уперся Удалов. — Что вы меня, купили, что ли?

— Иди, Корнелий, — прошептал Стендаль. — Понятно же!

Корнелий понимал, что сопротивляться бесполезно, но упрямство было его второй натурой.

Салисов был обижен.

— Корнелий Иванович, уважаемый человек, а не понимаете простых вещей. У вас дачный участок с летней постройкой есть?

— Ну?

— А то ну, что сгорит ваше строение сегодня ночью вместе с запасенной на зиму семенной картошкой.

— А на вашего сына Максимку нападут злые подростки, сломают ему гитару и нижнюю челюсть, — добавил Собачко. — Так что, ты идешь или как?

— Иди, иди! — умолял Стендаль.

— Видите, и товарищ из газеты подсказывает, — обрадовался Салисов.

Собачко ступил в прихожую, сорвал с вешалки брезентовую куртку Удалова, которую тот использовал для рыбачьих походов, поднял и кинул под ноги Корнелию резиновые сапоги.

И Удалов перестал сопротивляться. Радикулит почти исчез.

Они сели в «мерседес»: Собачко за руль, Салисов — сзади, рядом с Удаловым. Салисов тут же развязал рюкзак, лежавший на сиденье. Там была одежда для туристов-рыболовов.

Своим спутникам Удалов не верил. Против них был его жизненный опыт и школьные знания. Ведь Ивану Сусанину от родных костромских мест добираться сюда лесами недели две. Неужели ему достались такие живучие поляки? Быть не может. Сейчас бы какой-нибудь учебник или знающего человека, чтобы подсказал, а доходили ли поляки до Вологды? Если не доходили, то и грабить не могли.

Если раньше, перед отъездом, у Удалова еще оставались какие-то сомнения, то теперь ему стало отчетливо ясно: эти люди — жулики и бандиты, нужно им на озере Копенгаген что-то иное, нежели клад. И Удалов, разумеется, подозревал, что и зачем им нужно.

Корнелий принял решение.

— Останавливай машину, — приказал он.

— Зачем?

— Дальше идем пешком. По чаще. Лишнего с собой не брать, проверить обувь!

Собачко проехал чуть дальше, где был удобный съезд с дороги на лужайку и загнал «мерседес» под одиноко стоящий могучий дуб.

Они вылезли из машины.

В лесу было мирно. Не боясь пришельцев, пели птицы, грибы зазывно выглядывали из-за пней, кузнечики сигали из травы, стараясь долететь до солнца. Чудесное время, чтобы гулять в лесу.

Удалов пошел первым — «поляки» за ним.

Видно было, что занятие это для них непривычное: шли «кладоискатели» неэкономно, суетливо, тратя много сил. Удалов знал, что впереди ждет обширное болото и заранее злорадствовал.

Удалов на ходу рассуждал сам с собой, и его рассуждения были безрадостными. Сусанину пришлось куда проще, потому что тогда стояла зима и был жгучий мороз. Так что заблудившиеся поляки вскоре замерзли. Собачко и Салисову смерть от охлаждения не грозила, значит, их следовало остановить другим способом, ну, скажем, завести в глухие дебри. В таких глухих дебрях Удалову бывать не приходилось, и — ясное дело — самому оттуда тоже не выбраться.

Постепенно проникаясь тревожным чувством, которое навевали тесно стоящие вековые ели, «поляки» нервно задавали вопросы.

— А вы-то сами на том озере бывали? — спросил Собачко.

— Приходилось, — ответил Удалов, раздвигая удочкой еловые лапы. Зря он согласился взять с собой удочки — явная помеха в глухом лесу.

— Это опасно? — спросил Салисов.

Тут он запутался своей удочкой в ветвях и принялся тупо дергать ее, вместо того чтобы распутать леску.

— У нас везде опасно, — сказал Удалов.

— А каких-нибудь редких животных на озере не замечали? — спросил Салисов, кидая свои удочки в кусты. Хорошие, импортные, бамбуковые удочки. Надо бы запомнить место...

— Я повторяю свой вопрос! — строго сказал Салисов. — Редких животных на Темном озере не встречалось?

Вот он, роковой вопрос! Его Удалов ждал и боялся. А как его боялся Стендаль — подумать страшно!

Удалов взял левее, к болоту.

— Был случай, — отозвался он. — Сам я не присутствовал. Но Ложкин рассказывал. Только вы не поверите.

— Погодите! — позвал сзади Салисов. Он вырвался из еловых объятий и мчался через корни и ветви.

— Вы говорите, — потребовал Собачко, — а там уж наше дело, верить или нет.

— Была она, — сказал Удалов, останавливаясь и поджидая Салисова, — такая громадная, что Ложкин даже перепугался. Метра два, по крайней мере.

— Таких не бывает, — сказал Собачко.

— Наши мерили.

— И какая она? — крикнул Салисов. Он догнал спутников и тяжело дышал.

— Зеленая, тиной воняет, — сообщил Удалов.

— Говорящая?

— Сказок начитались? — рассмеялся Удалов. — Разве щуки бывают говорящие? Они даже в цирке у Куклачева молчат, ей-богу!

Удалов счастливо смеялся, а Салисов, высоко прыгая через корни, догнал его и как следует врезал ребром ладони по шее.

Сейчас бы самое время сбежать от этих мерзавцев, но, вернее всего, они догонят и побьют. Сусанина ведь тоже убили.

Эта мысль Корнелия огорчила. Раньше он как-то об этом не подумал. Знал о древнем подвиге, но начисто забыл, что Сусанин сначала принял мученическую кончину, а уж потом его назвали героем. Кто-то этому был свидетелем. Кто-то бежал за ним по лесной чаще, скрываясь за темными стволами. А потом доложил о подвиге в партизанском штабе. А то бы никто ничего не узнал о Сусанине. Думали бы, что тот честно отрабатывал свой предательский хлеб, да заблудился.

В надежде на объективного свидетеля своего подвига, Удалов, потирая ноющую шею, внимательно обозрел окрестные кусты. Ему показалось, что он видит неясное шевеление за одним из них, но это могло быть обыкновенное дикое животное. На

всякий случай Удалов подмигнул дикому животному и побрел дальше в чащу.

— Ты над нами не издевайся, не издевайся, — бормотал злобный Салисов. — Щука!

Он так произнес это слово, будто Удалов и был вонючей скользкой щукой.

Удалов пожал плечами. Чего спорить с жуликами. Все Удалову было ясно: откуда-то Собачко и Салисову, а вернее всего, тому типу, которому они служат, попала ценная информация о фауне озера Копенгаген. Информация неполная, ведь даже современное название озера, к счастью, им неизвестно. Выход один: завести их в болото, а самому все-таки попытаться улизнуть.

Болото, известное всем грибникам, окружало истоки ручья Комсомольского, который, зародившись в тростниках и питаемый ключами, протекал с километр по густой чащобе, давая жизнь самому озеру Копенгаген. Надо сказать, что Удалов, как и Миша Стендаль, не надеялся, что пришельцы из Москвы навсегда сгинут в топких глубинах болота — не было там таких глубин. Главное — оттянуть время, дать возможность Стендалю предупредить своих на озере, эвакуировать население.

Так что Удалов с каждым шагом забирал все левее, и, по его расчетам, болото было уже близко.

Под ногами начало всхлипывать, почва теряла свою изначальную твердость, и это смутило чуткого Салисова, внезапно задавшего вопрос:

— Мы правильно идем, а?

— Видишь, мокрее стало, — откликнулся Удалов. — Значит, приближаемся к водному резервуару.

— Не завязнуть бы в этом резервуаре! — передразнил Удалова Собачко.

— Не завязнете, — серьезно ответил Удалов. — Вы же мягкий.

Нельзя сказать, что Собачко воспринял слова Удалова как комплимент, но выругался он сдержанно, без истерики — приходилось смотреть под ноги, чтобы не провалиться между кочек.

Теперь надо было уже подумывать об отступлении — ведь «кладоискатели» добровольно не сдадутся. Но для этого следовало завести их поглубже в болото.

— Я дальше не пойду, — заявил Салисов.

— И не надо, — откликнулся Удалов. — Пошли обратно.

— Помолчи! — рявкнул Собачко. Он вышел вперед и начал продвигаться сквозь тростники, с каждым шагом поднимая фонтаны грязи.

Тощий Салисов последовал за ним и быстро промок до пояса. Удалов замыкал шествие, стараясь ступать на незаметные для дилетантского глаза кочки. Но все равно промок.

«Пора» — решил Корнелий.

Он незаметно отстал от кладоискателей и тропкой вдоль Комсомольского ручья, порой проваливаясь в грязь, двинулся в сторону озера Копенгаген.

Вскоре Удалова догнали возмущенные крики неприятелей, но он взял себя в руки: не откликался, не поворачивал назад, не позволял жалости овладеть собою.

Пробежав с полкилометра, Удалов услышал встречное хлюпанье и увидел, что сквозь кусты и камыши пробивается к нему Миша Стендаль в сопровождении молодой девушки в скромном синем сарафане и платочке.

— Ну что? — крикнул запыхавшийся Миша.

— Поляки заплутали в глубоких снегах, — с облегчением ответил Удалов, уставший от своего приключения. — Можете брать их голыми руками, товарищ Минин-Пожарский.

— А если без шуток? — спросила молодая девушка. Она была на редкость привлекательна, хоть и бледна впрозелень, с глазами болотного цвета и полными светло-розовыми губами. — Где они?

В ответ издалека донесся крик о помощи.

— Ясно, — отсекла девушка возможные пояснения. — Пока они выбираются из Куриной лужи, ими займется дедушка Водограй, я уже попросила.

— Вот и ладушки, — согласился Удалов. — А он их не утопит?

— К темноте они снова будут на шоссе, — сказала девушка.

— Какая ты у меня умница! — восторженно произнес Стендаль, глядя на девушку нежным взором.

— А как на озере? — спросил Удалов. — Меры приняты?

— Тетя все сделает, — ответила девушка. — Главное — не пропустить их на Копенгаген с этой стороны.

Они поспешили к озеру, полагая, что удалось отвлечь «кладоискателей» от цели. Они весело разговаривали и даже смеялись, представляя, как их противники возятся в жидкой грязи, марая импортные кожаные куртки.

Они радовались, не зная, что в их рядах зреет измена.

Читатели историй о Великом Гусляре привыкли к тому, что пришельцы, как правило, оказываются доброжелательными или, по крайней мере, миролюбивыми созданиями, изобретения идут на благо человечества, негодяи раскаиваются и перевоспитываются или послушно уходят со сцены.

К сожалению, в нашей новой действительности такое случается все реже и реже.

В том числе и в Великом Гусляре.

История, которую я рассказываю, начавшись на тревожной ноте, закончится, предупреждаю, на ноте грустной. Так что те, кто не желает встретиться в очередной раз с горькой правдой жизни, может пропустить эти страницы. Для других же продолжим.

Девушка, которую Стендаль называл Машенькой, а Удалов Марией, вывела друзей не к самому озеру, но, миновав его, к непроходимой чаще леса, где в зеленых ветвях открылся туннель, приведший их к заросшим листвой и опутанным корнями развалинам погибшего еще в революцию имения помещика Гуля.

Раздвинув ветви малины, Мария толкнула деревянную дверцу, и та послушно, хоть и со скрипом, отворилась. В низком, кое-как освещенном помещении (некогда портвейном погребе Гуля) стоял большой бак, наполовину заполненный водой.

Пришедшие первым делом кинулись к этому баку и заглянули внутрь.

Миша Стендаль шевелил губами и загибал пальцы, Удалов улыбался. Послышались шаги. В погребе появилась женщина средних лет, похожая на Марию. Она несла ведро.

— Вроде все, — сказала она Марии, а потом поздоровалась с Удаловым и вылила ведро в бак.

— Поосторожнее, тетя Поля, — сказала Мария.

Она подошла поближе к баку и склонилась над ним, помешивая в нем пальцем.

Удалов последовал ее примеру.

— Агу! — произнес он, — агусеньки!

В баке плавали друг за дружкой взволнованные необычной обстановкой шустрые головастики крупного размера.

— Осторожнее, — предупредила Мария, — для них это большая душевная травма.

— Это так, — согласился вошедший в погреб известный в Европе ветеринар-ихтиолог, член Ганноверской академии болезней рыб и лягушек, Иван Шлотфельдт. — Я тут привез импортные витамины для малышей.

Пока женщины вместе с ихтиологом занимались подготовкой к кормлению, Миша Стендаль метался по погребу, заламывая руки и взывая к небу.

— Что делать?! — кричал он. — Куда эвакуироваться?!

Женщина, которую называли тетей Полей, заметила:

— Не иначе как у них есть осведомитель в нашей среде.

— Наверняка, и не одна! — воскликнул Удалов. Он разулся и сушил сапоги над железной печкой-буржуйкой, стоявшей рядом с баком. — Я никогда не доверял женским коллективам. В них всегда найдутся сладострастные или корыстные особы.

— Ну ты, Корнелий, поосторожнее, — оборвала его тетя Поля. — И среди мужиков тоже есть немало дряни.

Корнелий не ответил. Он глядел, как ветеринар Иван Андреевич осторожно вытащил из воды головастика. Тот был размером с пол-литровую бутылку, снабжен зеленым хвостиком, и в облике его были некоторые необычные черты: совершенно человеческие ручки и девичья, хоть еще и не до конца оформившаяся головка с короткими черными волосами. То есть, судя по всему, ветеринар держал в руке маленькую русалочку, которая еще жила под водой и не сбросила хвоста.

— Боже мой, осторожнее, Иван Андреевич! — воскликнул Миша Стендаль.

— Ох уж мне эти молодые папаши, — в сердцах ответил ихтиолог. — Сидите спокойно.

Удалов заглянул в бак. Там кружилось десятка три русалочек: посторонний взгляд наверняка спутал бы их с крупными головастиками, что, кстати, и помогает русалкам выжить в наших отдаленных речках и озерах — иначе браконьеры давно бы их истребили.

Иван Андреевич давал русалочкам витамины, а Удалов дивился тому, как они похожи. Впрочем, что в том удивительного — ведь они все вылупились из икринок чудесной девушки Маши.

За десять месяцев до описываемых событий редактор газеты «Гуслярское знамя» Малюжкин вызвал с утра Мишу Стендаля в свой кабинет, обшитый фанерными панелями под дуб.

— Тираж падает, — сказал Малюжкин. — Рекламы все меньше. Бумага дорожает с каждым днем. Мы на грани краха.

Малюжкин являл собой внушительное зрелище: большую, благородных линий голову украшала буйная седая шевелюра, взгляд был орлиный, пронзительный. Однако редактор не любил вставать из-за стола, он стеснялся своего малого роста и коротких ног.

Стендаль покорно стоял, как царевич Алексей перед своим грозным отцом Петром Великим на картине художника Ге, и не понимал, куда клонит шеф.

— Вот, наши коллеги в «Потемских вестях» — продолжал редактор, подвигая по столу газетный лист в сторону Стендаля, — идут на постыдные меры для привлечения подписчиков. Они утверждают, что газета заряжена взглядом великого колдуна Эпикурея и излечивает от геморроя.

— Вы же знаете, — вздохнул Стендаль, понимая, что разговор перешел в привычное и даже надоевшее русло, — что этого Эпикурея два месяца назад выпустили из нашей тюрьмы за злостное уклонение от алиментов и воровство в детском саду.

— К сожалению, читателей этим не убедишь. Они что нам ответят? Они ответят, что Эпикурея оболгали завистники. А ты сам пробовал эту газету?

— У меня нет геморроя, — сухо ответил Стендаль, поправляя указательным пальцем очки на переносице.

— Я и говорю — шарлатаны! Куда деваться? Белый маг Тюпкин по имени Азерналий Третий предлагает нам деньги за публикацию о нем рекламной статьи...

Малюжкин принялся задумчиво катать по столу карандаш, а Стендаль наблюдал за ним и ждал, когда беседа закончится.

— Надо что-то делать, — сказал, наконец, Малюжкин. — Если мы не привлечем читателей чем-то необыкновенным, можно закрывать газету. Ты согласен?

— И вы будете печатать Тюпкина?

— А почему нет? — вскинулся Малюжкин. — Разве мы живем не в свободной стране? Одни рекламируют сигареты и вино — бич человечества, а мы — народную медицину.

— Мне можно идти? — спросил Стендаль.

— Ну уж какие вы гордые и принципиальные! Погоди. Мы тоже принципиальные. И я обещаю тебе, что ни Тюпкина, ни Эпикурея в «Гуслярское знамя» не допущу, если ты сделаешь мне материал такой, чтобы газету из рук рвали! Чтобы с мистикой и загадкой!

— Где я его возьму?

— Мне тут как-то Савич рассказывал, что в озере Копенгаген русалки водятся. Или заплывают туда... Ну бред, в общем, а все-таки тайна и народная мудрость.

— Я слышал, — сказал Стендаль, — там налимы крупные, вот их и принимают за русалок.

— И все-таки я бы на твоем месте не отмахивался. Поезжай туда, поищи русалок. Найдешь — прекрасно, не найдешь — сделаешь материал о том, что отыщешь их завтра. Лады?

И Малюжкин просветленно помахал Мише рукой.

Днем в столовой №2 Стендаль встретил Корнелия Удалова. И так, между делом, со смехом рассказал ему о задании редактора.

Но Удалов смеяться не стал. Ведь Стендаль все же человек приезжий, по распределению из Ленинградского университета. Правда, живет в Гусляре больше десяти лет, но всего не знает. А дедушка Удалова на озеро Копенгаген ходил, когда оно еще Темным называлось. У дедушки были до революции отношения с одной русалкой, а чем они кончились — семейная тайна. Ничего хорошего, говорят, не вышло. А еще раньше Панкрат Сивов, купец второй гильдии, вообще сгинул в озере. Говорили, но шепотом, что и сам Гуль имел с русалками соглашение, но какое — никто не запомнил.

Так что в отличие от Стендаля Удалов в русалок на озере верил. Но и посоветовать Стендалю отправиться на озеро с целью выследить водяных жительниц тоже не имел морального права. Это было рискованное дело и могло плохо кончиться для Стендаля.

Но чем больше Удалов отговаривал Мишу от похода, тем сильнее тот стремился на озеро. И вот, сказав маме, что уезжает в командировку в Потьму, в теплый июльский вечер он выбрался на Копенгаген,

взяв с собой лишь записную книжку и бутерброд.

Полагая, что русалки вряд ли выходят на истоптанный, близкий к шоссе берег озера, он за час обогнул водоем и оказался в местах нехоженых, топких, комариных и явно русалочьих.

Отбиваясь от комаров, он затаился за кустом. Совсем стемнело, вышла луна. Прошло полчаса, и Стендаль уже готов был бежать из леса, пока всю его кровь не выпили комары, как услышал мелодичный девичий голос:

— Простите, что вы здесь делаете?

Обернувшись, Стендаль увидел невысокую худенькую стройную девушку с длинными прямыми волосами. Одежды, надо сказать, на девушке не было. Даже при слабом свете луны было видно, что ее ноги от бедер и до щиколоток покрыты мелкой чешуей.

В первый момент Стендаль смутился наготы девушки, но ее доверчивые черные глаза, ее робкая и чистая улыбка развеяли его смущение. И уже через десять минут они беседовали, не обращая внимания на комаров.

Русалку, которая влюбилась в Стендаля с первого взгляда, звали Машей. В отличие от большинства своих сверстниц, она умела читать и писать, знала географию и была притом не по-русалочьи умна. Всему этому она была обязана своей тете Поле, дочери волжского водолаза.

И нет ничего удивительного в том, что уже к полуночи Маша и Миша тесно обнялись и принялись целоваться. Ведь издавна известно, что, несмотря на примесь рыбьей крови, русалки — существа страстные, и их соблазнам поддавались даже известные люди. Романы с русалками были у Александра Македонского, Вольтера и командарма Фрунзе.

Когда другие русалки узнали о том, что Маша стала возлюбленной корреспондента, они принялись завлекать Мишу в хоровод в надежде заманить его в озеро и утопить, как и положено поступать с мужчинами, уже выполнившими свой генетический долг. Но за Стендаля вступилась тетя Поля, представительница новых тенденций в этом обществе. Да и Маша так полюбила Мишу, что готова была сама утонуть, только не погубить возлюбленного.

Маша старалась быть достойной своего избранника: она читала книжки, которые приносил ей Стендаль, слушала радиоприемник, а когда вылезала из воды, то обязательно надевала сарафанчик, подаренный Мишей. В будущем она намеревалась поступить в речной техникум.

А потом старые русалки, по известным лишь им признакам, догадались, что Маша уже с икрой.

Значит, скоро вылупятся на свет девчушки, мальки, русалочки. К сожалению, а может, к счастью, русалки устроены так, что мальчики из икринок не вылупляются — только девочки. Так распорядилась природа. Распорядись она иначе, весь фольклор полетел бы к чертовой бабушке — что бы вы стали делать с мускулистыми русалами, которые бы утаскивали в камыши проходящих доярок или туристок?

Издавна известно, что, полюбив мужчину, русалка мечет икру — крупные, с лесной орех, икринки, которые попадают в стоячую воду. Из икринок, избежавших зубов щуки или жвал жука-плавунца, выводятся десять, двадцать, тридцать русалочек, идеально одинаковых, как две капли воды похожих на маму и чуть-чуть на папу.

Когда множество одинаковых русалочек вывелись в озере, сладостная весть об этом событии разнеслась по всем лесам, речкам и озерам, где еще сохранились русалки.

Русалочек берегли всем миром — не только водяные жители, но и друзья Миши Стендаля. Некоторые старые русалки готовы были держать детей в аквариуме, но выписанный специально из Ганновера Иван Андреевич Шлотфельдт приказал аквариум разбить, потому что детям нужно движение воды и ее естественное перемешивание.

Несмотря на принятые меры и круглосуточное дежурство, всех детей вывести не удалось. Десяток икринок погибло, еще двадцать пропали без вести, но из двадцати шести вылупились русалочки, подросли и шустро плавали по озеру.

Нельзя сказать, что Стендалю легко жилось. Он разрывался. Разрывался между любовью к Маше и невозможностью построить с ней настоящую дружную семью, разрывался между любовью к дочкам и невозможностью играть с ними на лужайке или кормить кефиром из соски.

Тяжело было Стендалю и на службе — не мог же он стать источником нездоровой сенсации. Представляете заголовок статьи: «Молодой журналист ждет, когда его двадцать шестая дочь вылупится из икринки», «Нам с милой уютно под водой!», «Где твой хвост, невеста?». Эти заголовки снились Стендалю, и он вскакивал в поту с криком: «Мама, что они со мной сделали!». Его мама, Раиса Федоровна, которая не знала точно, что происходит с сыном, но понимала, что происходит неладное, утешала Мишу как могла, приносила холодный чай с мятой и поила на сон грядущий отваром из столетника.

Лишь близкие друзья — Удалов, Минц, Грубин знали о тайне Стендаля и надеялись, что все образуется. И хотя формально Стендаль оставался холостяком, а русалка Маша, как и все русалки, не могла выйти замуж, для друзей они составляли молодую семью, о которой следовало заботиться.

Кто, кроме профессора Минца, смог бы вызвать из Ганновера ихтиологическую знаменитость, выходца из рода Шереметевых, ветеринара Шлотфельдта? Кто, кроме Саши Грубина, смог бы изобрести автоматическую кормушку для девочек, которая выдавала им строго отмеренные порции пищи и витаминов? А кто испятнал весь южный, низменный, болотистый берег озера надписями «Купание и ловля рыбы запрещены!», «Внимание! Повышенное содержание технеция и калифорния!», «Вход и распитие воспрещены по причине энцефалитного клеща!»? Разумеется, это сделал трудолюбивый Удалов.

Теперь, когда читатель полностью в курсе необычных событий, имевших место на берегу и в глубинах озера Копенгаген, он поймет, почему Миша Стендаль так испугался «мерседеса», нагло затормозившего возле редакции газеты «Гуслярское знамя», и почему он срочно повел «кладоискателей» к Удалову, своему старшему и находчивому другу.

Ни Стендаль, ни Удалов ни на секунду не поверили в историю с подводным кладом. Нечего здесь было делать Ивану Сусанину и полякам: в эти места в семнадцатом веке даже бурые медведи не осмеливались совать носы.

Было очевидно, что Собачко и Салисов откуда-то пронюхали о местных русалках.

О погребе в руинах замка помещика Гуля знали единицы, даже среди русалок, но, как сказал по-немецки Иван Андреевич, молодую поросль следовало бы эвакуировать в более надежное место. А такого в лесу не было.

— Отвезем их ко мне домой, — молил Стендаль, — моя мама так хотела, чтобы у меня были дети.

— Только не двадцать шесть, — отрезал Удалов.

Стендаль только махнул рукой, он и сам понимал,

что его предложение относится к разряду недостижимых.

Снаружи доносился некий неясный шум, встревоживший Удалова. Он решил, что его долг немедленно выбраться наружу и посмотреть, что там творится. Стендаль вызвался сопровождать его.

Как и следовало ожидать, шум производили выбравшиеся из болота Собачко и Салисов, грязные, мокрые, злые, но в то же время торжествующие.

— Черт побери, какая трагическая ошибка! — вырвалось у Стендаля.

Проследив за его взглядом, Удалов понял, что произошло.

Оказывается, «кладоискателей» сопровождал, медленно вплывая в озеро из ручья, сам пан Водограй, личность отвратительная, вредная, но почти никому лично не известная.

Еще со времен помещика Гуля он каким-то образом перебрался в эти края из Волги, где его не терпели, и обосновался в болоте, страшно завидуя русалкам, плескавшимся в чистых озерных водах. Почему-то эта хитрая злобная бестия полагала себя шляхтичем и требовала, чтобы его именовали паном, на что не имела никаких прав. Но, кстати, водяной не имел прав и на то, чтобы носить пришитые к голому голубому телу генеральские зполеты Французского иностранного легиона и генеральские же лампасы.

Водограй, которого на Копенгагене все звали просто Водяным, неоднократно пытался сблизиться с кем-нибудь из русалок для продолжения рода, но даже самые некрасивые и одинокие из них этого себе не позволяли.

Так он и вековал в болоте, нападал на лягушек, порой ловил и пожирал нутрию или кролика. Хоть его не любили, но свыклись с ним, звали то дядей, то дедушкой; пользуясь его глупостью, устраивали розыгрыши, а то со скуки водили вокруг него хороводы.

Внешность пана Водограя оставляла желать лучшего не только с человеческой, но и с рыбьей точки зрения.

Иногда Водограй выбирался на берег, ворошил добро, брошенное туристами и, если находил газету, прочитывал ее от корки до корки. Так что он знал о переменах в СССР, а затем и в России и странах «ближнего зарубежья». Зная грамоту, он держал на болоте под пнем бумагу и карандаши из трофеев, собранных за столетия.

Никто не знал в лесу, что Водограй — графоман-кляузник. За свою жизнь он написал тысячи анонимных писем на всевозможные злобные темы. Но обратного адреса никогда не указывал, поэтому никто не мог принять мер против птиц, которые слишком громко поют, против комаров, которые слишком тонко жужжат, против людей, которые топчут траву, против лесника, который срубил ель, против русалки Поли, которая грубо разговаривала с Водограем.

Так и прошла бы жизнь, но, ощутив «свежий ветер перемен», водяной понял, что пора выходить в люди.

Поэтому он написал письмо в Москву, в акционерное общество «Секстрансинвест», которое рекламировало казино с эротическими услугами. В письме коряво, но убедительно водяной сообщил, что на озере Темном под городом Великий Гусляр скрывается целый выводок русалок, которые могут оказывать зротические услуги кому угодно, а он, пан Водограй, за зту информацию требует себе пост директора. И приписал обратный адрес. Только вместо названия Копенгаген, по старческому убеждению, обозвал озеро Темным, как было в дни его молодости.

Долго не было ответа из Москвы. И вдруг сегодня к нему прибежала эта девка Машка, велела идти на болото и придержать двух бандитов, которые хотят пробраться на озеро.

Тут-то Водограй и понял, что пробил его звездный час.

Это они! Это ответ на письмо!

И вместо того чтобы «придержать» незваных гостей, водяной торжественно привел их на озеро.

Еще не увидав Удалова, который пригнулся за кустом, Водограй визгливым голосом закричал, распугав уток и встревожив далеких, кажущихся муравьями, рыболовов, которые коротали время на противоположном берегу озера.

— Уголовное дело! — вопил он. — Попытка убийства отечественных бизнесменов! Страшное преступление! Где милиция?

Из озера, неподалеку от берега, таясь в густых камышах, выглядывали русалки. Не все знали, что происходит, ведь некоторые русалки глупы, как рыбы, но любопытны, как кошки.

— Сиди, — прошептал Удалову Стендаль и не спеша вышел на открытое место.

— С прибытием, — сказал он. — Что случилось?

— Это он, — прошипел злобный, тощий, бородатый и промокший Салисов. — Это он нас к Удалову привел, зто он организовал наше потопление.

— Кстати, — спросил Стендаль, снимая и протирая очки. — А где же Корнелий Иванович? Вы что, бросили его в лесу?

Стендаль нервничал и переигрывал. Врать он не умел, врал обычно только маме и главному редактору Малюжкину. Но друзья Водограя не ожидали такой наглости и несколько опешили.

— А разве он не здесь? — спросил дискантом толстый Собачко.

— А как вы планируете искать сокровище Вологодского кремля? — игнорируя вопрос, в свою очередь спросил Стендаль.

— Чего? — удивился Водограй, существо подозрительное и жадное.

— Наши друзья приехали сюда за кладом, который спрятали поляки в начале семнадцатого века.

Водограй всем телом медленно развернулся к жуликам.

— Какой клад? — спросил он визгливо, но тем не менее грозно.

— Ах, зто тактический прием, — отмахнулся Собачко. — Не обращайте внимания.

— Какой клад, я спрашиваю!

Старый бездельник всю жизнь мечтал отыскать клад. Любая русалка, любой карась в окрестных лесах знали, что Водограй перерыл всю тину в окрестных болотах, надеясь сказочно разбогатеть. Отыскал старую шину, остов зонта, танк времен гражданской войны, случайно потерянный англичанами, неоткрытую банку сгущенки и, говорят, скелет утопившегося помещика Гуля. С зонтиком Водограй почти не расставался, говоря, что ждет дождя. А если дождь начинался, то водяной нырял в воду, а зонтик оставлял снаружи.

— Да погоди ты! — возмутился Собачко. — Не буду же я зтому Стендалю рассказывать, что мы озеро в аренду взяли? Что мы тут клуб интересных встреч устраиваем? Так бы он нас сюда повел!

— Спросили бы кого-нибудь другого!

— Спрашивали. Никто не знает, что зто за озеро — Темное.

— Какой еще клуб интересных встреч? — вмешался Стендаль. — Кто с кем будет встречаться?

Не удостоив его ответом, Собачко достал из кармана переносную рацию, вытер ее о рубаху и начал бормотать. Салисов же, малость обсохнув и обнаглев, презрительно глянул на Стендаля:

— Живете в полном отрыве от цивилизации. А в некоторых странах, между прочим, давно укрепилась свободная любовь.

При последних словах в камышах произошло оживление, так как многие русалки уже слышали о свободной любви, но не умели отличать ее от несвободной.

Под влиянием слухов некоторые русалки решили жить по-новому. Были совершены даже две попытки эмиграции — нет, не на соседнее озеро и даже не в реку, а в город Гусляр. А совсем уж глупую русалку Прасковью Филипповну Удалов с тетей Полей выловили у самой станции — она подалась в Америку. Будто там своих русалок нет! А как такой дуре объяснишь, что без регулярного купания в настоящей лесной воде русалки умирают, как птицы в стратосфере?

Слова Салисова падали на благодатную почву. До появления здесь Салисова с Собачко русалки действовали по собственной неумной инициативе. Теперь же появились вожди. И возможности для бунта.

— Ты говори, говори, милок! — закричала из камышей перезревшая в девках русалка Римма.

— Мы пришли дать вам свободу! — закричал Салисов басом. — Теперь каждая русалка получит столько мужчин, сколько пожелает! Уже создано акционерное общество по эксплуатации вашего озера. Теперь, когда мы с вашей помощью обнаружили его и нанесли на карту, сообщили его координаты в область, проходит приватизация озера его трудовым коллективом.

— Каким еще трудовым коллективом? — удивился Стендаль.

— Вы задаете слишком много вопросов, молодой человек, — оборвал его Салисов. — Трудовой коллектив — это наши отечественные русалки, гордость советских лесов и рек.

Из камышей выглядывали глупые хорошенькие русалочьи физиономии.

Блистающий мир приключений и чувственных наслаждений сверкал ожиданием в их зеленых глазах.

— Да вылезайте, вылезайте, — торопил их Салисов. — Покажитесь вашим сопредседателям!

— Девочки! — закричала тетя Поля. — Остановитесь! Честь русалке дается единожды. Лишь раз в жизни можно метать икру. И надо выметать ее так, чтобы не было мучительно больно за пустые хлопоты!

Но ее мало кто слушал.

Из камышей, из прибрежного тростника, а то и прямо из глубины поднимались все новые стройные девичьи фигуры. И вот уже первая из них — известная нам Римма — вышла из воды и замерла по щиколотку в озере, совершенно обнаженная, если не считать занавески длинных волос, прикрывавших правую грудь. Но ее живот и бедра, плавно и изящно покрытые мелкой зеленой чешуей были открыты и предоставлены для всеобщего лицезрения.

Удалов со Стендалем эту чешую не раз видали, к ней привыкли, находя в том свою прелесть. Но Салисов с Собачко были поражены. Пожалуй, им легче было увидеть не обычные девичьи ноги зеленого цвета, а настоящие рыбьи хвосты, как изображалось на средневековых картинках.

— Вот это да! — восторженно закричал Собачко.

— Закройсь! — потребовал Салисов. Однако русалкам закрываться было нечем. Единственная одежда диких русалок — речные водоросли да ночной туман.

Шорох камышей, куда отступили испуганные окриком русалки, был не слышен из-за шума вертолета, который снизился над озером, пустив по нему концентрические волны. Вертолет сместился к берегу и замер у самой земли. Из него выскочил кавалерийского вида человек в милицейской фуражке и розовом аргентинском плаще. Он держал в руках стопку бумаг.

— Это документы! — кричал он, стараясь перекрыть шум вертолета. — До-ку-мен-ты!

Приказывая жестами вертолету убираться, Салисов раскрыл бумаги и принялся проглядывать их.

Вертолет покрутился над озером, отлетел в сторону и завис над соснами.

— Тут мне прислали план местности, утвержденный райисполкомом, — объявил Салисов. — Можете полюбоваться, Стендаль.

Стендаль подошел к Салисову, они стали смотреть на чертеж, а водяной, которому было тоскливо и которого мучили подозрения, постарался вползти на берег, но тело его было таким мягким и скользким, что пришлось оставить его наполовину в воде.

— Видите, что здесь обозначено? — спросил Салисов, указав пальцем на квадрат неподалеку от озера. — Читайте:

— Развалины усадьбы помещика Гуля, — прочел Стендаль.

— Показывайте, где развалины.

— А зачем они вам?

— А затем, что там будет построен нами дом отдыха и развлечений для трудящихся из-за рубежа. Именно в этом культурном заведении, где девушки-русалки получат заодно и среднее образование, они будут плодотворно трудиться и отдыхать.

— Как трудиться? — нехорошее предчувствие охватило Стендаля.

— Они будут оказывать нашим клиентам разного рода услуги, — улыбнулся Собачко. — За валюту.

Тут кусты у берега раздвинулись и оттуда вылетел кипящий справедливым гневом Удалов.

— Какие еще услуги! — кричал он. — Это же невинные дети лесов и морей! Я в милицию заявлю, я до Москвы дойду!

— А вот и явление третье, — сказал Собачко. — Мелкий преступник Корнелий Удалов, взявшийся за восемьдесят долларов отвести нас на ваше озеро, дорогие русалки. Деньги он прикарманил, а нас завел в болото. Как это называется?

Русалки отозвались из камышей отдельными негромкими возгласами ужаса и отвращения, а Удалов принялся выворачивать карманы и кричать:

— Да я доллара в жизни не видал! Нужны мне ваши доллары!

Салисов провел пальцем воображаемую линию и последовал по ней — воображаемая линия вела к спрятанным в лесу руинам замка Гуля.

Стендаль попытался преградить ему дорогу, но человек в милицейской фуражке ловко отбросил несчастного молодого отца приемом каратэ.

Такая же судьба постигла и Удалова.

Вертолет опустился пониже, как бы страхуя своих хозяев. Русалки вышли из озера и любопытствующей толпой робко следовали за Собачко. Собачко отстал немного, приблизился к Римме и легонько провел ладонью по ее бедру. Ощущение чешуи ему не понравилось, и он сказал:

— Во, экзотика!

Римма громко рассмеялась. Маленькие изящные жабры, похожие на вторые ушки, затрепетали.

— Ах ты, мой налимчик! — проговорила она.

С шумом и треском прорвавшись на прогалину перед руинами, Салисов остановился, не скрывая торжества.

— Вот тут, — сказал он, — мы воздвигнем гостиницу-казино под названием «Салисания»! Сюда будут прибывать «денежные мешки».

— Мешки? — удивилась одна из молодых русалок. — Зачем нам мешки? Мы хотим любви.

— Помолчите, вы мешаете мне думать! — оборвал ее Салисов. — Ну, где же техника и живая сила? Почему не завозят кирпич?

— Когда же строить будете? — упавшим голосом спросил Удалов. Чувство неминуемого поражения охватило его. Он понимал, что с появлением казино погибнет не только озеро, не только будут совращены и пойдут по рукам невинные русалки, но рухнет и весь мир Великого Гусляра.

— Немедленно. Вот постановление городской администрации, вот документы на акционирование, приватизацию и ваучеризацию.

Документы выглядели настоящими. Загадочно было, когда дельцы успели получить их, если еще час назад и не подозревали, как добраться до озера с русалками?

Но надежды на подлог и последующее разоблачение были тут же развеяны. Из окошка низко спустившегося вертолета высунулся председатель комиссии по приватизации. Он грозил сверху Удалову и пронзительным голосом, перекрывая шум винтов, кричал:

— Все законно! Я проверял!

— Ты лучше технику сюда гони! — крикнул Собачко. — Быстро!

Салисов подошел к заросшему лазу, ведущему в развалины и спросил:

— А там что?

— А там ничего! — слишком громко откликнулся Стендаль и этим выдал себя.

— А мы посмотрим, — сказал Салисов, подзывая жестом человека в милицейской фуражке и вторым жестом посылая его в развалины.

Стендаль ринулся наперерез, но новый поворот событий остановил его.

Из черного лаза, согнувшись втрое, но не потеряв при этом гордого достоинства потомка одновременно германской и русской аристократии, вышел, сверкая моноклем в левом глазу, граф Шереметев по матери, а по отцу великий ихтиолог Нижней Саксонии Иван Андреевич Шлотфельдт.

— Прошу остановиться, — сказал ихтиолог, и все послушно остановились.

Стендаль, Удалов и русалки потому, что были знакомы с Иваном Андреевичем, приехавшим в Гусляр, чтобы оказывать помощь русалкам, а Салисов и его сообщники потому, что почувствовали в голосе, акценте и движениях Ивана Андреевича настоящего европейского джентльмена. Перед такими наши мошенники почему-то до сих пор тушуются.

— Видите? — спросил Иван Андреевич, поднимая перед собой объемистую книгу, которую Удалов поначалу принял за Библию и решил, что Шлотфельдт решил обратиться к Богу как к последнему защитнику русалок.

Никто не ответил. Все понимали, что ихтиолог задает риторический вопрос.

Ростом ихтиолог был очень высок, носил бороду и усы, как Николай Второй, и было в его повадках нечто строевое и даже конногвардейское.

— У меня в руках есть «Красная бух»! Вы понимаете?

Все, кроме русалок, понимали, что значит «Красная бух». Это означает «Красная книга», куда записывают всех редких и вымирающих животных.

— В этой бух записано следующее: Русалка есть легендарное сусчество, которое уже есть вымереть во всем мире и если не вымирать, то последний экземпляр охранять в настоящий заповедник, а никакой частный сектор ни-ни! Ферботтен!

— Ну это мы еще посмотрим, — нагло ответил Салисов, который пришел в себя после первого шока. — Это, может, в вашей Бенилюксе русалок не осталось, а мы еще с ними побалуемся. Побалуемся, девочки? — обратился он к столпившимся сзади русалкам. Их зеленая нагота казалась жалкой и превращала их в часть леса. Русалки дрожали, потому что не привыкли стоять на холодном ветру.

— Летят! — закричал человек в милицейской фуражке. — Наши летят!

И впрямь со стороны Вологды строем шли грузовые вертолеты, к которым были привязаны балки и швеллера, стропила, сетки с кирпичом.

Небо окрасилось белыми пятнышками парашютов: спускались архитекторы, сметчики, счетчики, бухгалтеры и прочие работники проектных организаций, которые, приземлившись на берегу и не обращая внимания на обнаженных зеленоногих русалок, тут же принялись раскладывать столы, разбивать палатки и платить профсоюзные взносы.

— О, найн! — воскликнул граф Шереметев. — Так дело не пойдет!

И тут всем пришлось стать свидетелями зрелища, подобного которому никому еще видеть не приходилось. Вверх по речке Скагеррак, со стороны большой реки Гусь, видно, проникнув во внутренние воды России по Северной Двине или через Мариинскую водную систему, поднимая носом белый бурун, ворвался с песнями и гудками сверкающий белой краской, стройный и решительный корабль международного экологического общества «Гринпис».

— Спасибо, — тихо произнес Иван Андреевич Шлотфельдт, — вы приплыли даже быстрее, чем я ожидал. Ни одна из русалок еще не обесчещена, никто не успел вымереть, хотя эта судьба грозила всем.

С этими словами тайный резидент «Гринпис» по Российской Федерации сбросил белый халат и твидовый пиджак, и обнаружилось, что он облачен в скромный траурный костюм, который не снимал с того дня, как в экологически грязной речке погибла последняя говорящая золотая рыбка.

Испуганные появлением корабля проектанты во главе с Салисовым и Собачко погрузились в вертолеты и умчались в областной центр, чтобы там с помощью интриг, подкупа и угроз добиваться строительства казино с публичным домом для русалок.

— Мы еще вернемся, сионисты проклятые! — кричал с неба Салисов.

Некоторые русалки были разочарованы, потому что ждали любви и приключений. Что поделаешь — примитивные создания! Другие, поумнее, радовались сохранению привычного образа жизни. Хотя всем было понятно, что даже создание заповедника для русалок не спасет их от порочного влияния цивилизации.

Многие русалки были потрясены видом корабля и его экипажа — молодых людей в траурных одеждах, словно черных рыцарей возмездия. Русалки зазывно улыбались молодым людям и звали их купаться. Тем временем более взрослые и разумные

представительницы русалочьего племени проводили краткое совещание с профессором Шлотфельдтом. Всем было ясно, что даже создание заповедника для русалок в озере Копенгаген не решает проблемы — слишком уж близко и доступно озеро для подозрительных личностей. Единственный выход заключался в срочной эвакуации племени в дикое нехоженое место. Рассматривалось несколько вариантов: Бразильская сельва, озеро Лох-Несс, а также заповедные леса к востоку от Архангельска.

Пока кипел горячий спор, Удалов, заметивший отсутствие Стендаля, решил заглянуть в погреб помещика Гуля и узнать, как себя чувствуют Маша и ее двадцать шесть дочек.

Погреб встретил его пустотой и тревожной тишиной.

— Миша, где ты?

Никакого ответа.

— Маша, отзовись!

Тишина.

Удалов ощупью добрался до темного угла, где только что скрытый ветками и тряпьем стоял бак с мальками. Но и бака не было — лишь мокрая щебенка под ногами.

Впереди был подземный сумрак — Удалов сделал несколько осторожных шагов, ступая по кирпичам и пыли, отодвинул доску — и в глаза ударил зеленый свет лесной чащи. К свету вели стесанные кривые ступени. На них темнели пятна воды. Кто-то волочил здесь бак, понял Удалов. Хорошо бы не враги — Миша этого не переживет.

Мокрые следы вывели Удалова к заросшей нехоженой тропинке, а та, через полсотни метров, к речке Скагеррак, той самой, что вытекает из озера Копенгаген и впадает в реку Гусь.

На берегу сидела и рыдала Маша. Возле нее валялся опрокинутый бак.

На коленях возле Маши стоял Миша Стендаль, нежно и неумело гладя ее темные зеленоватые волосы, и тоже плакал.

Удалов подождал с минуту, не желая прерывать горе друзей. Но потом все же поинтересовался:

— Что за беда стряслась?

— Я хотела... — ответила сквозь слезы молодая русалочка, — я хотела дочек спасти. Они же... эти... работорговцы, они бы их захватили.

— И что же ты сделала? — в ужасе спросил Удалов, уже догадываясь о страшном ответе. — Ты их убила, чтобы не достались врагам?

— Да ты что, Корнелий Иваныч, — испугалась русалочка, даже плакать перестала.

— Она их в речку выплеснула, — печально ответил Стендаль. — Уплыли мои девочки.

— Но они же могут заблудиться, простудиться, попасть в зубы щуке!

— Не терзайте мою душу, — ответила русалочка. — Я думала, лучше смерть на свободе, чем жизнь в зоопарке.

— Это я ее научил, — горько, но не скрывая гордости за возлюбленную, сказал Стендаль. — У русалки должны быть высокие принципы.

Они замолчали и стали смотреть на быструю веселую воду узкой речушки.

— Может, их выловят, — сказал Удалов. — Ты скажи своим подругам, чтобы поискали.

— Нет, туда нельзя! — закричал Стендаль. — Там их поймают и отдадут в вертеп разврата!

— Нет, наши временно победили. Сейчас обсуждается проблема, куда эвакуировать русалок, чтобы скрыть их от коммерческих структур...

— Неужели... — но Стендаль оборвал себя. Он-то знал, что в нашей действительности справедливость торжествует лишь сугубо временно, и потом за это приходится дорого расплачиваться.

— Ну, может, сколько-нибудь поймаете, — сказал Удалов.

— Правильно! — к Стендалю постепенно возвращалась способность мыслить. — Ты возьмешь тех дочек, которых удастся отловить! Я останусь здесь, и мы с Удаловым будем каждый день ходить здесь с бреднем. Правильно, Корнелий?

— Только не каждый день, — робко возразил Удалов, но Стендаль его не слышал. Он был готов нестись в город покупать бредень для ловли мальков-русалочек.

— Ой! — прервал его мысли отчаянный крик Маши.

Удалов со Стендалем обратили взоры на середину речки, где из воды высунулась голубая пришлепка — голова пана Водограя, его белесые глаза смотрели бессмысленно и нагло, в открытой пасти желтели щучьи зубы. В толстой блестящей конечности он держал маленькую русалочку, которую только что поймал, и, не скрывая торжества, подносил ее ко рту, чтобы сожрать.

Замолкнув, Маша стрелой кинулась к воде и нырнула, подняв фонтан до неба. А так как речушка была всего метров шесть шириной, то вода в ней покачнулась и оголила сизое пузо водяного. Тот потерял равновесие и промахнулся мимо пасти — русалочка ударилась о его ухо, и в тот момент русалка Маша боднула Водограя и вырвала дочку, а когда водяной выскочил, чтобы погнаться за ускользнувшей добычей, подоспевший Стендаль долбанул водяного по студенистой голове осиновой дрыной так, что голова его ушла в плечи, на ее месте образовалась круглая впадина, подобная небольшому лунному кратеру.

В таком виде водяной, как заснувшая медуза, медленно и безвольно поплыл по течению. Удалов крикнул с берега:

— Ты его не до смерти?

Маша, которая нежила, гладила, согревала дочку, ответила за Стендаля:

— А он бессмертный... к сожалению.

Оставив дочку Стендалю, Маша нырнула в речку и поплыла по течению, надеясь догнать и перехватить хоть сколько-нибудь из дочерей, а Удалов отправился обратно к озеру, где уже началась погрузка русалок на белый корабль союза «Гринпис». Некоторые русалочки, поднимаясь на борт, сразу же начинали соблазнять экологов, но капитан строго осаживал пассажирок.

Удалов понял, что устал от всей этой колготни.

Незамеченный, он пошел по тропинке обратно к городу.

Настроение у него было плохое. Ведь история не знает обратных дорог.

Наталия Сафронова

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Вот уже более двух десятилетий любители фантастики «со стажем» время от времени посещают Великий Гусляр. Вместе с его жителями они испытали множество невероятных приключений, чаще веселых, иногда немного страшноватых, но всегда, как было принято говорить в те времена, с «жизнеутверждающей» концовкой. Что, впрочем, отнюдь не помогало литературной судьбе рассказов: каждый с большим трудом пробивался сквозь игольное ушко цензуры — то ли по причине интонации, то ли вполне угадываемого фрондерства автора и его едва спрятанной насмешки над очередными успехами строительства светлого будущего. Откуда же теперь невеселые ноты в последней на нынешний день истории о наших давних знакомых? Да и прав ли автор, грустно иронизируя над «рыночными» реалиями провинциального города? Наш корреспондент решила сверить свои впечатления с наблюдениями К.Булычева, побывав в Нижнем Новгороде. Бывший Горький, конечно, помасштабнее Великого Гусляра, однако именно ему выпало стать рекламной вывеской «реформаторской мысли» в провинциальной России.

Что замечаешь с первого взгляда? Город кажется то ли притихшим, то ли слегка усталым, как всегда бывает после всплеска эмоций или ссоры. Буквально накануне «Дня принятия декларации о государственном суверенитете» город слушал симфонию протеста — заводские гудки и сирены включили «Красное Сормово», «Лазурь», «Полет», «Кварц», «Эталон» (ох, и красивые все названия). Оказавшаяся не у дел нижегородская оборонка «говорила» с властями. Оборонка всегда все знает заранее: как раз в эти дни президент страны готовил указ о сокращении армии и военного заказа.

День независимости пришелся на воскресенье, и правительство решило дать еще народу «отгул» в понедельник. Спрашивается, в радость ли людям дополнительный выходной, если многие давно уже заняты неполную рабочую неделю или отправляются начальством в отпуска, разумеется, неоплачиваемые?

Не так много народу собралось на торжества, проходившие в Нижнем под девизом «Виват, Россия!». Чтобы поднять энтузиазм горожан, власти решили подкрепить духовную часть чем-то земным. Местная газета «Губерния» сообщила накануне праздника на первой странице прямо под фотоэтюдом — светловолосый отрок с крестиком на груди — о том, что «предусмотрена торговля продовольственными и другими товарами». Однако, согласитесь, стимул не очень... Особенно если зарплату получаешь от случая к случаю, как об этом напомнили гудки и сирены. Еще года три назад стимул мог бы сработать, тогда с товарами, всякими, было туговато, зато зарплату платили всем, в точно отведенные для этого дни. Теперь же на Большой Покровской (бывшей Свердлова, улице центральной, вроде московского нового Старого Арбата) в первом городском частном магазине одних сыров — сортов шесть. Но, видимо, не по карману...

Прохаживались по центру туристы, слышалась английская речь, присматривались гости к расписным деревянным поделкам (и подделкам) астрономической цены. И совсем как на Арбате слегка заросшие творцы предлагали глянцевитые картинки: ландыши, березки, лукошки с ягодами и все такое — для отдохновения взора. Недалеко от магазина хрипловатый баритон, усиленный микрофоном, ностальгически пел про поручика Голицына и корнета Оболенского. Собрал он слушателей мало. Горожанам было не до ностальгии: к середине июня на огородах и садовых участках еще не кончили сажать картошку — весна в этом году очень задержалась.

Нижний Новгород — место историческое. Городу без малого восемь веков, стало быть, сколько сменилось за это время поколений нижегородцев! Каждому поколению город дается как бы во временное пользование — со всеми домами, улицами, мифами, традициями, этим прекрасным видом на место слияния великих русских рек Волги и Оки. И каждое поколение стремится оставить городу что-то свое, сохранить память о своей жизни. Конечно, память может остаться разная.

Кажется, только недавно мы начали понимать эту непрерывность во времени и, устрашенные недавним горьким опытом, хотим избежать нового разрушения «до основанья». И Нижний усвоил уроки прошлого, поэтому остались на своих местах памятники основателю государства и его имя в названиях улиц, заводов. Словно позируя перед фотоаппаратом с большой выдержкой, замерли участники маевок, борцы с самодержавием. Темного литья фигуры, непроницаемые лица.

Только вот не так прост этот Нижний Новгород. Основатель-то оказался в пространстве между зданием Нижегородской ярмарки, которая есть нынче капитализм в действии, и бизнес-центром с рекламами банков, концернов. Правая рука вождя, на них обращенная, словно указует: правильной дорогой идете, тов... господа! А где оказались участники первой маевки? Скульптурная группа была поставлена на фоне городского парка имени Ленинского комсомола. Парк переименовали, назвав неожиданно «Швейцарией». Трудно сказать, почему. Может, связано это с представлениями о русской Швейцарии, может, потому, что некогда вождь начинал делать революции из Женевы? Ход мысли тех, кто парк переименовал, неизаестен. «Швейцария», и все.

Замечено, что памятники в Нижнем и раньше вели себя довольно странно (будете в городе, посмотрите, например, куда указывает правая рука Валерия Чкалова; монумент стоит рядом с кремлем, на Откосе), и нет уверенности, что не выкинут еще чего-то эдакого.

А что если вдруг захочет «лететь вперед», как прежде, «наш паровоз», что в натуральную величину, самый настоящий, стоит на одной из площадей? Или еще того не легче — двинется со своего постамента танк. Может ведь прийти танку «в голову» что-то из славного боевого прошлого, и не захочет он больше стоять памятником. Самому себе. Хотя место почетное, рядом с кремлем, историческими святынями.

Такова память о нас, которую оставим потомкам.

Разгорелись было споры, когда открывали Музей А.Д.Сахарова в квартире дома в Щербинках, где Андрей Дмитриевич с женой жили во время горьковской ссылки. Дом стоит на пересечении улицы Военных комиссаров (подходящее название) и проспекта Гагарина. Решили переименовать улицу, назвать ее именем Сахарова. Говорят, что воспротивился здешний

народ. Рабочий район, люди получили от советской власти первые в жизни отдельные квартиры. «Что нужно было этому Сахарову?»

Вдова его музея не признала, квартира, увеличенная за счет других, из которых выселили жильцов, напоминает обстановкой средней руки гостиницу. Дух временных ее хозяев-узников никак не явлен здесь. Жив ли дух комиссаров? Бог весть, но преступники, как везде, здесь оживились. И по-прежнему зажигаются над тремя кирпичными башнями, что открывают проспект Гагарина, метровые буквы: «СЛАВА РОДИНЕ ОКТЯБРЯ».

Не будем ничего комментировать, первый взгляд — взгляд быстрый.

КАСЬЯНОВ И ДРУГИЕ

Молодому губернатору Нижнего орешек достался крепкий. Область по сути — крупнейший арсенал, со сложной системой ведомственного подчинения многих предприятий. Попробуй здесь проводить конверсию! А проблемы закрытых долго от посторонних глаз городков, вроде, Арзамаса или Дзержинска? Никто знать не знал, ведать не ведал, что там поделывают в своих лабораториях ученые люди из Арзамаса, пока не были явлены миру их «слезы». Ядерщики, знаете ли, остаются без работы, могут их купить третьи страны. Что касается Дзержинска, здесь скоро и покупать будет некого. Жители, так сказать, дематериализуются — зона экологического бедствия, город нашпигован химией. Другая забота — прокормить область, что вовсе уж невозможно при нынешнем состоянии колхозов и совхозов.

Нижний шел сначала тем же путем, что и вся Россия, не имея четкой и ясной концепции реформ, стыдясь называть вещи своими именами. Довольно часто употреблялось известное сочетание «с человеческим лицом», которое годится хоть к чему: социализму, капитализму, высокой политике. Как и в других регионах, бродила идея самостоятельности. В январе этого года «Нижегородские новости» под рубрикой «официально» опубликовали Устав Нижнего Новгорода. Преамбула звучала торжественно: «Мы, жители Нижнего Новгорода, сознавая свою ответственность... стремясь к возрождению...» и т. д. Проект так и остался проектом и стоил карьеры авторам.

В конце концов начало что-то вырисовываться, в город хлынули разные эксперты — предложили помощь. Так возник Нижегородский эксперимент: комплексная программа реформ, отработка разных моделей экономического поведения в условиях перехода к рынку. Собственно, этим и занят сейчас Нижний. А что люди?

Татьяна Н. работала после окончания Нижегородского политехнического института конструктором измерительных систем. Тоже военный заказ. Сейчас более трех месяцев в административном отпуске, поскольку на предприятии не платят зарплату. Трудовая книжка, впрочем, там остается — считается, что так сохраняют кадры оборонки. Что делает? Работает «на фирме». Перевозит бутылки из пунктов стеклотары, иногда и принимает их. Новое лицо, непривычное для известного в народе «рынка услуг», Татьяна становится популярной. Вежлива, точно отсчитывает стоимость бутылки, не оставляя, как другие, в коробке полтинник. Платит фирма много больше того, что Татьяна получала как конструктор.

О здешней конверсии много пишут. В ее концепции: избежать безработицы, учесть интересы каждого работника; создано более 130 конверсионных программ, на реализацию которых выделено из бюджета области 30 миллиардов рублей. Но иногда происходит непонятное, как с предприятием Татьяны Н. Здесь могли бы наладить выпуск антенн, детских игрушек, поредевший коллектив хотел «акционироваться». Но директор, съездив в Москву, объявил, что тогда центр полностью прекращает финансирование. Искренен ли директор (зарплата директоров таких мифических предприятий остается приличной), зачем нужно сохранять статус-кво Москве, куда смотрит департамент по делам конверсии в Нижнем?.. Вопросы можно продолжать, а пока Татьяна и многие другие живут как живут. Плохо.

Новые бедные охотно делятся своими проблемами. Лет десять назад считалось неловким говорить о заработке, тем более низком: в некотором роде достаток — мерило человека. Теперь, только начав разговор «за жизнь», услышишь такое... Возможно, так люди пытаются психологически защититься, выместить досаду на то, как повернулась жизнь. А может, влияют бесконечные опросы — людям понравилось давать интервью?

Оказывается, при социализме «отлично жили, все имели», получая 80 рублей.

Впрочем, позицию эту разделяют не все. И Зинаида Яковлевна Касьянова из поселка «Совхозный» Балахнинского района в том числе. Работали с мужем от зари до зари, чтобы поднять пятерых своих сыновей. Теперь двое — Вячеслав и Юра — фермеры. Главный — Слава, хотя учился меньше Юрия, три курса сельскохозяйственного. Юрий уже инженер, отвечает головой за технику в семейном хозяйстве.

Земельной реформе недавно была посвящена одна из передач Владимира Познера. Губернатору Нижнего пришлось отбиваться от оппонентов: ставилось в вину то, что как раз последний год составляло смысл жизни Касьяновых, лишало сна и отдыха. Таков удел реформаторов. Что касается противной стороны, говорит она всегда с позиций самых высоких. Дескать, земля — божий дар, как можно ее продавать? Русскому крестьянину чужды собственнические настроения, колхозы и совхозы — как раз для него. Зачем России фермеры? Все это нам навязывает хитроумный Запад, который спит и видит сделать страну сырьевым придатком. Помнится, Борис Немцов ответил запальчиво:

— Реформа земельная разрабатывалась отечественными учеными. И если они могли сделать это с англо-саксонской тщательностью — тем лучше.

Касьянов знает, как «божий дар» попорчен прежними нерадивыми хозяевами. Не один год уйдет, чтобы восстановить землю. Слава Богу, при разделе ее не достались Касьяновым болота. Как сложилась фермерская земля? При ликвидации совхоза мать и отец получили свои доли, отдали сыновьям. Поначалу они входили в ассоциацию акционерных товариществ, которую возглавил бывший директор совхоза Валерий Шатов. Потом решили выделиться. Так возникло крестьянское фермерское хозяйство «Касьянов».

Начинали с малого. На первых гектарах посадили картофель, урожай продали, выручив несколько миллионов. Ушли эти миллионы на выкуп у односельчан их земельных наделов — не все ведь хотели и могли обрабатывать землю. Так собралось у Касьяновых 360 гектаров, и у матери в шкафу — гора долговых обязательств. Касьянов должен платить своим пайщикам дивиденды.

Не новый бедный — новый русский. 360 гектаров, 40 миллионов кредита под 213 процентов годовых. Своего дома пока нет, с женой и трехлетней дочкой живут в соседнем поселке в однокомнатной квартире, которую уступил брат жены. Во время посевной или уборочной мало времени суток. Неделями не выезжают с поля. Соорудили маленький домик, «щиток», там постели, печурка. Когда стали нанимать помощников, устроили в несколько ярусов нары. Компьютер? Конечно, фермеру он нужен, но пока по карману калькулятор. Касьянов сам себе и бухгалтер. Одни налоги надо расписать по 15 адресам (о суммах он деликатно умалчивает), приходится возиться с бумагами ночами. Ходит Касьянов с «дипломатом»; по городской моде еще сумочка на ремне у пояса. Толков, красив. Мать замечает, как раздался в плечах, стал увереннее и спокойнее. От работы-то...

Немного об англо-саксонской тщательности, которую помянул губернатор. Может, и возможна таковая на уровне макросхем, когда делается общий чертеж, эскиз. Жизнь, однако, вносит, как говорится, поправки, порою вовсе неожиданные, в самые тщательные схемы. К тому же тщательность ведь и нравственная категория. Сделать как следует, с тщанием — сделать на совесть и по совести. Отвыкли от этого давно в совхозе. А вот насчет собственнических настроений все в порядке. Народ говорит просто: воруют.

Делили в этом хозяйстве технику, постройки, организовали аукцион. Касьянов заранее прикинул, что им потребуется, взял для покупки кре-

дит в банке. Ну и как? Сам Касьянов отвечает кратко:

— Неудачно сыграли на аукционе.

А я уже знаю, что за этим «неудачно». Был, пока ждали братьев с поля, откровенный разговор с Зинаидой Яковлевной. Она до сих пор этот аукцион забыть не может. Оплатили технику заочно, поставил Шатов только галочки в списке лотов. Когда пошли смотреть, многое оказалось в нерабочем состоянии. Постояла техника до весны, исчезли таинственным образом детали. Матери фермеров впору было становиться детективом. Нашла она все же «клад»: кто-то схоронил украденное в яме для забоя скота. Было и так: поехали братья регистрировать купленный на аукционе трактор, а движок на нем поставлен краденый, давно в милицейском компьютере значится. Несколько месяцев разбирались, но, видимо, кто надо меры принял. Воры-то свои. Только вот нельзя Касьяновым на этом тракторе работать. Хитро заверчено. А так, пока не поджигали, не стреляли.

Вячеслав Касьянов не хочет заниматься политикой. Попробовали от фермеров послать своего депутата в Земское собрание — не выбрали. Все собрание из сотрудников районных администраций, в недавнем прошлом — советов.

КОНВЕРСИЯ ДУХА

Впрочем, осуществление планов Касьянова, как и многих других, зависит не только от политики. Есть такое понятие — «общественное мнение», его складывают многие составляющие. Простим слабым и усталым сетования на жизнь, попробуем понять неразумеющих. Сложнее — с другими. В число новых бедных (конечно, относительно бедных, нередко чересчур старательно свою бедность подчеркивающих) попало много представителей интеллигенции. Нижний Новгород — не исключение, о чем говорит пример той же Татьяны Н. Однако она не слишком живописует ужасы нового своего положения. В ее рассказе больше юмора. В самом деле, интеллигентный человек.

Однако среди интеллектуалов есть немало готовых свои обиды перевести в режим тотальной критики происходящего. Само собой забылось, что долгие годы интеллигенция служила интересам определенной партии, одновременно тихо, а то и мысленно, критикуя то, что делалось. Вроде бы договорились на ведьм не охотиться (особенно об этом пеклись сами «ведьмы»), но ведь в прежнем своем качестве многим оставаться стыдно. В Нижнем хороших умов много. И работали эти умы часто на войну, создание оружия массового уничтожения. На темы морали особенно не рассуждали: отвлекало от рассуждений решение технических задач и наличие первых отделов.

Наверное, не случайно пару лет назад бывший генерал КГБ А.Стерлигов выбрал Нижний Новгород для проведения учредительного съезда Русского национального собора. Его задача — «утверждение национальной идеи спасения и преображения Отечества» — оказалась созвучна настроениям некоторых интеллектуалов. В этом году в Нижнем собрался Первый международный славяно-евразийский конгресс, в котором участвовали многие представители нижегородской интеллигенции. В адрес нынешней власти с трибуны конгресса раздавались такие обвинения, которые и не снились генералу Стерлигову. Ловко меняя местами причины и следствия, трактовали ставшие недавно известными факты. Разве не знали бывшие руководители, что происходит в Дзержинске? Теперь вина легко перекладывается на других, да еще с новой искусной фразеологией: геноцид славянского населения. Судя по отчетам, в выражениях участники конгресса не стеснялись.

Пока Касьянов хлопочет на поле, спешит обработать и засадить гектары (иначе землю отберут), другие ищут формулировки, дают всему и всем оценки, предлагают себя на роль заступников, которым — крылатая фраза — ужасно «за державу обидно».

В сущности идет самая настоящая война за умы. Есть в Нижнем Новгороде «Волго-Вятский кадровый центр», который входит в структуру управления по подготовке кадров для государственной службы при правительстве России. Элитарное учебное заведение, что-то вроде Гарварда или Итона. Откуда такое в Нижнем? Очень просто — бывшая Высшая партийная школа. Сменились вывески; научный коммунизм зовется историей политических учений. А учителя те же. Пока учат они на свой страх и риск, почитывая новую литературу, особенно увлекаясь русской философией начала века.

В коридоре встретилась с группой студентов: ребята учатся на муниципальных чиновников. Почему выбрали такую профессию? Девушка (она поддерживает Зюганова) отвечает: пора наводить порядок.

Что за экзамен сегодня? Маркетинг, получила пятерку.

Духовная конверсия пошла много быстрее, чем в оборонной отрасли. Слова, слова... Бывшая партийная школа регулярно проводит симпозиумы с представителями духовенства (православие, ислам, иудаизм), митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай — один из сопредседателей оргкомитета. Другой — заведующий кафедрой философии центра. Последний симпозиум посвящен теме большой — «Свобода и справедливость». Выступило более 50 человек. Заслуживает особого внимания доклад сопредседателя Б.П.Шулындина «Свобода, справедливость и реформы». Кажется, докладчик готов спуститься на грешную землю?

Для философа старой школы поворот трудный. Цитаты из Г.Федотова, П.Сорокина, Н.Бердяева — новый круг чтения. Но что извлекается из этого круга? Сорокин говорит о «прямой борьбе труда и капитала». Федотов ратует за строй, «где более всего воплощены справедливость и братские начала жизни». Бердяев отмечает, что «русский народ никогда не поклонялся буржуазным добродетелям». Круг чтения новый, а читатель, видимо, тот же. Все сказанное мы уже проходили, только от имени других мыслителей.

Попрание ли свободы, справедливости мучает кое-кого? Разве не были они свидетелями полной девальвации этих понятий? Всегда есть различия в представлениях современников о свободе. Пока она является нам в странных обличьях, пугающих непривычностью, алогизмом. Сдается мне, что Касьянов лучше бывшего преподавателя ВПШ понимает, в чем свобода. Для него она не слишком сладка — такой воз взвалил себе на плечи. Но взвалил.

Пожалуй, еще небольшая цитата — из Мераба Мамардашвили, который почему-то не попал в число авторов, цитируемых уважаемыми участ-никами нижегородских дискуссий: «Для чего нужна свобода и что она? Свобода ничего не производит, да и определить ее как предмет нельзя. Свобода производит только свободу, бо́льшую свободу... Свободен тот человек, который готов и имеет реальную силу на труд свободы».

Касьянову сейчас 28 лет. Есть надежда, что он застанет свободу бо́льшую.

«Известно, что Россия с древнейших времен подвергается действию различного рода пионеров, которые обрабатывают ее всесторонне и со старательностью, заслуживающею величайшей похвалы. Но небезызвестно также, что пионеры всех стран и времен встречали и встречают прием неприветливый. Во-первых, не всякому лестно, что его вот-вот сейчас начнут обрабатывать; во-вторых, пионеры почти всегда являются на сцену снабженные прекраснейшими окладами, на которые очень многие заглядываются».

М.Е.Салтыков-Щедрин.
Письма из провинции.

РЕЗУЛЬТАТ

Элен Кашнер

Томас Рифмач

Роман Элен Кашнер по количеству откликов в зарубежной прессе оставил далеко позади все произведения в жанре фэнтези последних трех лет. Переведенный на многие европейские языки, он до сих пор был неизвестен русскому читателю. Редакция "Если" благодарит переводчиков романа и литературное агентство Эндрю Нюрнберга за помощь в получении прав на журнальную публикацию "Томаса Рифмача" на русском языке.

Часть первая

ГЭВИН

Джек на скрипке играл лучше всех,
Словно скрипка пела сама.
От мелодий его на сто миль окрест
Все девицы сходили с ума.
Выжимал он соль из морской воды,
Молоко из невинной девицы,
Усмирял жеребцов, не знавших узды. *
С нашим Джеком никто не сравнится.

Не мастак я рассказывать, не то что Рифмач. И голос у меня грубоват, и язык тяжело ворочается. Ну знаю кое-какие баллады, да кто ж их не знает! Конечно, с Томасом не сравнить: от меня сроду не дождешься песен про нежных дев, как они перебираются через семь рек ради своих неверных возлюбленных, песен таких горько-сладостных, что от них слезы наворачиваются даже у ветеранов, или развеселых песенок о богатых скрягах, которых те же девы обводят вокруг пальца, да чтоб еще словцо остренькое ввернуть, да так представить кого, чтобы даже старый скупердяй, только и думающий о том, как бы зажать приданое, хохотал без всякой обиды. Такая музыка да со словами — это, я вам скажу, сила, вот только мне ее не досталось.

А если б даже и предложили, не знаю, согласился бы я. Вот у Томаса как раз есть история про Джока из Ноу, как он возвращался, унылый, с Меллерстейской ярмарки. Корову, вишь, свою комолую продавать потащился, да никто ее не купил. Возвращается, стало быть, Джок домой, к женушке, без денег и без гостинцев, а зима уж на носу. Идет это он по дороге со своей коровой и костерит ее почем зря.

— Эх, — говорит, — чего бы я не отдал, лишь бы от тебя избавиться да монетами в кошельке позвенеть.

Глядь, а у дороги, на обочине, человек в плаще, и говорит ему:

— Может, и позвенишь еще, Джок из Ноу. Вот только интересно мне, каково молоко у твоей комолой буренки?

Джок думает: «Наверное, с ярмарки кто», — и отвечает:

— Да разве ж то молоко! Сливки пополам с медом. По утрам ведро дает, но уж зато вечером — два!

Начали они торговаться. Джок-то про себя думает: раз человек после ярмарки на дороге корову ищет, значит, нужна до зарезу, ну и заломил цену. А этот-то, высокий, ему и говорит:

— Серебро — вещь хорошая, но я тебе кое-что получше могу предложить. Оно, пожалуй, вдвое дороже и цены твоей, и коровы, и вообще всего на свете, — и достает из-под плаща скрипку.

Джок посмотрел и говорит: «Да я и играть-то не умею», а прохожий ему отвечает, что это неважно, скрипка, дескать, сама по себе играет.

Джок сразу смекнул, что покупатель его — эльфийского рода, а молоко им понадобилось для какого-нибудь украденного недавно человеческого детеныша. Эльфийское золото, вестимо, к утру травой да листьями обернется, а скрипка, да еще волшебная, она и есть скрипка. С ней куда ни пойдешь, люди и встретят хорошо, и заплатят не худо. Поразмыслил он так и говорит:

— Ладно. Беру твою скрипку.

Ну, раз сторговались, берет незнакомец корову и ведет ее прямо к холму. Подошел и три раза посохом по склону ударил. Холм возьми и откройся, только их с коровой и видели, ушли, значит, прямиком в Эльфийскую Страну.

Но уж и Джок внакладе не остался. Он со своей скрипкой ни дня не голодал, правда, и отдыха, почитай, не ведал. Со всей страны звали его теперь то на танцы, то на свадьбу, а то еще куда. Женушке его одни деньги оставались, сам-то он дома не сидел. А в ночь на Белтейна**, когда у фей праздник, Джок приходил к тому самому холму, доставал скрипку, и на ее звуки появлялась из холма блестящая кавалькада: рыцари зльфийские, дамы и всю ночь напролет веселились и танцевали под его музыку, пока руки у бедняги не отваливались.

Такая жизнь не по мне. Лучше уж корову себе оставить. Ясное дело, человек я простой, мелкий издольщик, живу себе в холмах над Первой Речкой, жена у меня, овец сколько-то, а соседей — раз-два и обчелся. Корову если и увижу, так два раза в год, у графа на ярмарке. У меня и в мыслях ничего такого не было, пока однажды не появился у нашего порога Томас Рифмач.

Была одна из тех угрюмых осенних ночей, когда ветер свищет, что твой Дикий Охотник, созывающий Адских Гончих, и точно знаешь — вот-вот дождь пойдет. Конечно, он легок на помине, а потом барабанит по крыше и ставням, да еще в дымоход залетает, от этого дымно в комнате. Вот тут сидит, значит, Мэг, радость моя, рубашку шьет старшенькому племянницы своей с Рутерфордской дороги, а я рядышком корзину плету и радуюсь потихоньку, что овец успел до ненастья загнать. Промеж свечи да очага света как раз хватает, да и то сказать — немудрена работа, пальцы сами все знают. Правда, раньше свет-то поярче был.

На полу Трэй мой лежит, здоровый пёс, сын старой Белты. И вот вдруг замер он, уши навострил, словно услыхал чего. Я тоже прислушался — нет, ничего не слышу, только дождь да ветер в холмах.

— Ну, ну, уймись, приятель, — говорю ему. — Что ж ты, глупый, непогоды испугался?

Тут Мэг подняла голову.

— Ох, Гэвин, — говорит зтак громко, а то ведь из-за бури и не слыхать, — в такую ночь, Гэвин, мертвецы по дорогам скачут, это уж точно.

Чую, наладилась моя Мэг одну из своих страшных историй рассказывать. Она у меня мастерица по этой части. Хорошо идут такие сказки темными осенними вечерами. Я вот помню одну про неприкаянный дух лорда Трэнвайра, как он все скачет ненастными ночами по дорогам, жену свою разыс-

---

** Автор использовал стихотворные тексты из следующих сборников: "Собрание Чайльда", "Торнтонская рукопись", "Шотландские и английские народные баллады Томаса Перси", "Баллады шотландской границы" Вальтера Скотта. (Здесь и далее прим. переводчиков).*

*** Древний кельтский праздник. Отмечается в Шотландии и в Ирландии в мае.*

кирает, а ведь сам же и убил ее из ревности, хочет повиниться перед ней, невинной... Да где уж там! Кости давно в земле истлели, а душа безгрешная — на Небесах.

Недалеко от нас дело было, день ходьбы, не больше, а когда — и не упомнить.

— Нынче ночь такая, когда Дикий Охотник скачет, — говорит Мэг, а глаза у нее уже блестят. Значит, будет история! — Скачет Адская Охота, ноздри у лошадей, как уголья раскаленные, скачет Адская Охота, гонит грешные души, которым покоя нет, потому как... — замолчала моя Мэг, резко выпрямилась и говорит: — Слышь, Гэвин, там в дверь стучат!

Я было подумал, что так по ходу истории полагается, однако прислушался — и верно, стучат, от дождя и ветра звук другой.

Трэй рычит, шерсть на загривке дыбом, я его рукой-то оглаживаю, а сам думаю: «Чего уж гадать, кто да что. В такую ночь либо цыгана жди, либо бродягу, а то и вовсе какого-нибудь приятеля из ада».

Взял я свечку и пошел открывать, а Трэй, умница, со мной. Отпер дверь.

Стоит у порога высокий горбун, мокрый насквозь. Плащ грязный, льет с него, и одно плечо выше другого. Я свечу поднял, и тут он капюшон откинул, — глядь, молодой вовсе человек, безбородый, но щетина здорово отросла, видать, путь долгий был, да и волосья длинные, на глаза налезают.

— Благословение этому дому! — поздоровался незнакомец вовсе не как безбожник какой, или Те, Другие. А Трэй ну рычать!

— Да, спасибо, — говорит ему путник, — путешествие было приятным, хотя могло бы посуше быть. А как тебе нравится эта новая мода на желтые подвязки?

Уставился я на него.

— Ты что же это, с собакой, что ли, говоришь?

А он стряхнул воду с капюшона и отвечает:

— Так ведь он первый со мной заговорил. Не хочу грубым показаться.

Смотрю я на него — вроде, не шутит, говорит, что думает.

— Гэвин! — кричит Мэг. — Дует ведь. — Это она намекает, чтобы я не торчал в дверях, как остолоп.

Дом у нас освящен, возле двери рябина от нечистой силы. Опять же, остряка-бродягу приютить — святое дело. Пробормотал я быстренько: «Мир всем входящим», — и отступил в сторону, чтобы впустить этого спятившего убогого. Он этак вежливо говорит: «Благодарю вас», — и шагает через порог. Чтобы о притолоку не стукнуться, ему нагнуться пришлось. Прошел к огню, увидел мою Мэг и как был в своем насквозь мокром, грязном плаще, кланяется ей, ну чисто королеве. Я уж по голосу понял, что улыбается моя женушка, когда услышал:

— Добро пожаловать, арфист!

Верно! Снял он свой горб, а это арфа в кожаном чехле.

Пока Мэг хлопотала, тесто на лепешки замешивала, молоко грела, арфист свой мокрый плащ скинул — там больше грязи, чем шерсти было, — в доме сразу кислой овчиной запахло. Ну, запах-то привычный.

Вгляделся я попристальнее. Кожа у нашего гостя светлая, гладкая, руки он к огню протянул, а я смотрю — одежа тонкой шерсти. На запястье золотая полоска. А уж руки у него, такие только у арфистов и встретишь, — длинные, гладкие да гибкие.

Мэг протянула ему гостевую чашу и назвалась, как у нас принято.

— Я — Мэг, а это — мой добрый хозяин Гэвин, сын Коля Блексайда.

В наших краях придерживаются старых обычаев. Гость должен знать имена хозяев и вовсе не обязан сообщать свое, он может просто воспользоваться нашим гостеприимством, если это не затрагивает чести его рода.

Арфиста передернуло. Видно, его еще донимал промозглый осенний холод. Он взял чашу и отхлебнул грог.

— Даже у короля меня не угощали лучше, — доверительно сообщил он Мэг.

Ну мою старушку этакой чепухой не проймешь, она глянула на него словно на неугомонного ребенка или на цыпленка, вечно удирающего со двора. Арфист зашелся кашлем, улыбнулся через силу и заговорил еще учтивее.

— Добрая госпожа, вы думаете, я льщу вам. Вижу, не очень-то вы склонны доверять слову бедного странника, но я прошу вас, представьте меня умытым и причесанным, чисто одетым, с песней на устах и с арфой в руках. Между прочим, именно так я и услаждал слух короля в Роксбурге. Да, я видел, как пирует король, вашему псу тоже, поди, перепадают иногда куски с хозяйского стола...

Он поднял руку, приглаживая высыхающие волосы, широкий рукав скользнул вниз и обнажил массивный золотой браслет.

— Сэр, — говорю я.

А он руку вскинул, ну ровно процессию останавливает, и перебил меня:

— Добрый хозяин! Не заслуживаю я такого звания, да и любого другого тоже. Я — простой человек. Бог дал мне кое-какие способности к музыке, легко слагаю стихи, тем и снискал благосклонность сильных мира сего.

Что ж, вроде бы он и прав. Шустрый такой и, видать, умный. Да ведь это не порок. На земле всякому место находится.

Я промолчал. Мэг гремела сковородками, переворачивая лепешки. Менестрель посматривал на нас искоса и вдруг заулыбался, ну чисто твой щенок, который набедокурил, и чтобы, значит, внимание отвлечь, тащит тебе какую-нибудь свою игрушку.

— Скажите-ка, друзья, а слыхали вы историю о кошке, которая говорила королю правду?

— Нет, — тут же откликнулась Мэг, — чего не помню, того не помню.

Я насторожился. Женушка у меня — с характером.

— А вот не приходилось тебе, — говорит она ему, — слышать байку про парня, который так много болтал, что у него язык отвалился?

Арфист расхохотался и тут же закашлялся.

— Нет, не приходилось, — хрипло отвечает он. — Умоляю, поведайте мне ее, я ведь, где могу, стараюсь пополнить запас, чтоб потом было чем повеселить народ по дороге.

Я даже дышать перестал. Ну, думаю, сейчас моя Мэг ему выдаст. Ее еще в девушках никому переговорить не удавалось. Вот-вот! Уголки губ дернулись вверх-вниз, засмеялась она этак свободно и говорит:

— Я не сомневаюсь, что у тебя немало запасено. Что ж, мы с удовольствием послушаем, только прежде давай-ка, скидывай все мокрое да поешь немного. Вон рядом с тобой плащ Гэвина, быстренько переодевайся в сухое, а на ночь у огня ляжешь.

Арфист протянул вперед пустые ладони.

— Добрая хозяйка! Мне ведь нечем расплатиться за ночлег.

— Цыть! — прикрикнула на него Мэг. — Мы своим домом не торгуем. Путь у тебя выдался нелегкий, а посему ты у меня сейчас как миленький выпьешь грогу и ляжешь у огня. К утру одежда твоя просохнет, а тогда уж, если спешишь, можешь отправляться на все четыре стороны.

— Вы очень добры, — удивленно проговорил менестрель и опять зашелся кашлем. Потом встал, словно перед лордом каким (надо сказать, мой старый плащ ему только до колен был, но при этом сидел славно, не то что на мне), и говорит:

— Зовут меня Томас, по прозвищу Арфист, иногда еще Рифмачом кличут, это если я озабочусь что-нибудь новенькое сочинить, вместо того чтобы старые песни у мертвецов воровать.

— Ох уж эти мне новомодные выверты! — фыркнула Мэг. — Ничего зазорного в том нет, когда человек старому да верному предан.

Томас улыбнулся.

— Твоя правда, хозяйка. Но лорды, получившие старые земли, предпочитают слышать в свою честь новые песни. Нам ли спорить с ними?

— Да уж не мне, наверное, — этак свысока отвечает Мэг. Вижу, веселится, хоть со стороны и не заметно. — Давай-ка, Том Арфист, хватай свою лепешку, пока не подгорела, а коли хочешь с медом, так горшок рядом с тобой.

Он потянулся за лепешкой и опять раскашлялся. Пришлось Мэг самой ему мед передать.

— А еще я тебе чабреца заварю, а горло нечесаной шерстью обложишь. Если пойдешь в холмы по такой слякоти, сляжешь наверняка.

— Я в порядке, — этаким вороньим голосом отвечает арфист.

Однако с Мэг не поспоришь, и скоро он уже хлебал отвар, скорчившись у огня, и вид при этом имел совсем жалкий. Кашлял он с каждой минутой все хуже. Мэг сразу смекнула — заболел наш гость, да и то, вон скольких она вырастила да выходила, что по ту сторону реки, что по эту. У арфиста уж и сил недостало поблагодарить ее.

— У меня же голос пропадет, — просипел он.

— Не беда, арфа-то останется, — утешила его Мэг.

Менестрель попытался рассмеяться, да только хуже закашлялся.

— Арфа, конечно, хоть куда, — наконец прохрипел он, поднял кожаный чехол и довольно бесцеремонно вытряхнул инструмент.

Жалкое, надо сказать, зрелище. Дека разбита, струны оборваны, одни щепки торчат.

— Вот она, арфа Томаса Рифмача. Духи дороги подарочек преподнесли. В самом неподходящем месте сунули камень под ногу, а рядом других камней, побольше, набросали.

— Господи, сам-то ты не разбился? — ахнула Мэг.

Он опять долго кашлял, сплюнул в огонь и с трудом отдышался.

— Они не оставили мне выбора. Вот я и рухнул на мою ненаглядную, как пьяный матрос, — вздохнув, он снова упаковал остатки арфы в чехол.

— Может, починить удастся? — участливо спросила Мэг.

— В Далкейте, наверное, можно, — проговорил он, потянулся поставить чехол в угол и опять показал свой браслет.

Ну и разукрашен он у него был. Почище, чем церковные ворота.

— Это от короля подарок, — объяснил арфист, заметив мой взгляд. — Думал, сберегу на память, вроде как отличие у какого-нибудь рыцаря из баллады, да, видно, не судьба. Придется ему теперь оплачивать мою любовь к музыке. — Рука с браслетом заметно дрожала. Арфиста бил озноб. — Все одно к одному, — произнес он, — как круги по воде. Рифмы и ритмы, песни и истории иногда так причудливо переплетаются...

— Гэвин, — тихо окликнула меня Мэг, — мне нужны две небольшие охапки нечесаной шерсти. Надо его уложить. А ты, Томас, отдохни. Нет ничего сломанного, чего бы нельзя было починить.

Арфист повернул к ней невидящее лицо, тусклое, как холмы перед снегопадом.

— Правда? — с трудом выговорил он. — Стало быть, я действительно попал в страну чудес.

— Ложись-ка, отдохни, — заботливо увещевала его Мэг, — а утречком, глядишь, тебе и полегчает.

Да только наутро выглядел он ничуть не лучше, а чувствовал себя, может, и того хуже: лежал у огня бледный и непрерывно кашлял. Глаза у него сухо блестели, на щеках — лихорадочный румянец. Мэг принялась его выхаживать: поила травяным настоем и старалась не оставлять одного надолго, а потом и вовсе присела рядом с шитьем. Как это у моей женушки на все рук хватало — никогда не понимал. Верно в песне поется:

Всегда милосердна,
Душой хороша,
Рука на работу легка.

Дождь все моросил. С утра я занимался загоном для овец, а когда пришел в дом, услышал разговор.

— Гэвин, — говорит Мэг, — Томас мне тут порассказал про великий пир на День Всех Святых в Роксбургском замке. Там костры всю ночь горели, темный эль разносили и все рассказывали разные истории, чтобы разбудить рассвет и отогнать духов.

— Что-то в этом есть, — сказал я и взял лепешку. Когда она только успела их напечь? — Я слыхал про этот Роксбург. Говорят, важное место.

Арфист улыбнулся запекшимися губами.

— Я ведь оттуда и пришел. Довольно приличное местечко. Но у герцогов и рыцарей свои заботы. Его величество поменял резиденцию, и теперь у герцога воруют скот. По ночам рыцари гоняются за ворами, а однажды до того дошло, что пришлось оленя загнать, а то бы без обеда остались. Само собой, под вечер в замке не до веселья, я играю, они храпят и даже боевой клич не способен их разбудить.

— Выходит, арфист им без надобности? — спросил я. — Ну, встал бы да ушел.

— Я так и сделал.

— И герцог позволил?

Он так посмотрел на меня, словно я обвинил его во всех смертных грехах.

— Ни один мужчина мне не указ, — прохрипел он и опять закашлялся, потом подмигнул и добавил: — да и женщина тоже.

Мэг внимательно посмотрела на арфиста, а я подумал: «Может, он из тех, для кого закон не писан? Про менестрелей всякое поговаривают. Хотя, если вспомнить, среди них и убогих хватает. То слепой, то хромой, а музыка им будто взамен дана. Но про нашего так не скажешь. Вроде все при нем».

Арфист понял, что Мэг недовольна, и тут же сменил тему.

— Что это ты шьешь, хозяйка? Никогда такой красоты не видел. — Обращался он к ней как к знатной даме.

Мэг приподняла шитье.

— Это Древо Жизни, — объяснила она. — У моей матери был этот рисунок, а ей от бабки достался. Здесь в округе так не шьют, а в моих краях не шьют

по-здешнему. Вот покров на колыбельку. Вроде бы и не для кого... просто так, даже не знаю, закончу ли.

— Обязательно надо закончить, — с чувством проговорил арфист, и, конечно, на него опять кашель напал. — Он задрал локоть, как скворец какой, и дернул из протертого рукава длинную яркую нитку. — Вплети-ка и меня, хозяюшка, в свое Древо Жизни.

— Положи здесь и не раскрывайся, — проворчала явно довольная Мэг. — С твоим ознобом лучше не высовываться, а то вытрясет всю жизнь, никакое Древо не поможет.

Скоро яркая нитка превратилась на покрывале в грудку зяблика, а рукав арфиста Мэг потом заштопала крепкой шерстяной крученкой.

От заботливого и умелого ухода арфист вскорости стал поправляться. С шерстяным шарфом на шее он, пошатываясь, бродил по дому, пытался помогать Мэг по хозяйству или наладить свой инструмент. Кое-как ему удалось настроить пять струн, ими он и расплачивался за гостеприимство. Чем крепче он стоял на ногах, тем сильнее маялся. Видно, уйти не терпелось. Чего уж там ему, в этом Далкейте, не знаю, не спрашивал, неловко как-то. Мы ему ничем не досаждали, но видно же, коли человек места себе не находит: каждый час про погоду спрашивает, значит, настало ему время уходить.

Ближе к ночи сидели мы у очага. За все эти дни никто не зашел, не перед кем было похвастаться нашим гостем. Выглядел он намного лучше, хоть прямо сейчас в королевский дворец отправляй.

— А вот интересно, — говорит он, — слыхали вы про «Загадки эльфийского рыцаря»?

— Может, и слыхали, — ответила Мэг, — но лучше ты расскажи.

Томас поглядел в пол, потом на руки свои и говорит этак растерянно:

— Это же песня. Арфа нужна. Жалко все-таки, что моя сломалась. Я новые стихи сложил, хотел попробовать перед тем, как в Далкейте играть. — Он покачал головой и протяжно вздохнул.

— Ну и в чем дело? — говорю я.

— Да вот думаю, без арфы, не найти мне там удачи. Куда тут денешься?

— Там что ли других арфистов не будет? — говорит Мэг. Она такие затруднения враз решает. — Одолжишь у них арфу.

— Ха! — фыркнул Томас. — Что можно сыграть на старом горшке ? А приличный инструмент кто же отдаст?

Мэг удивленно открыла свои голубые глаза.

— А почему бы не отдать? Ты что, всегда арфы ломаешь?

— Ну, конечно, нет, — он нагнулся к Мэг поближе. — Тут дело в другом, сладкая моя. Просто они боятся, что я их всех за пояс заткну.

— Да неужто?

Они уставились друг на дружку, и каждый был похож на пса, ненароком встретившего волка и не собирающегося уступать. Я уж и не знал, то ли мне смеяться, то ли водой их разливать.

— Знаешь, Томас, — говорю, — смотрю я на тебя и думаю: хоть ты и менестрель и всякое такое, а вот без арфы, выходит, петь не можешь. Это что же, все менестрели так?

Он полоснул по мне взглядом, но тут же улыбнулся лукаво.

— Так же вот и Мюррею из Торнтона однажды сказали:

А теперь, дружок, тебе время уйти
Либо пой, либо зря на пути не стой.
Он ответил: «Без арфы могу обойтись,
Менестрелю голос дороже свой».

Стишки убогие, но важна суть. Конечно, я могу спеть и без арфы. Что бы вы хотели послушать?

Мэг моя улыбнулась лукаво и говорит:

— «Загадки эльфийского рыцаря».

— Изволь. Я давно к ним музыку сочинил. Может, пока не особо гладко... да и без арфы не то...

— Ладно, Томас, спой как есть.

— Голос пока не тот, вы уж потерпите.

Он поднял голову и запел.

Эльфийский рыцарь стоит на холме,
Звучит его рог в голубой вышине.
На север, на юг, на закат, на восход
Рыцарь трубит, рог поет.
Сыграть бы и мне на такой трубе,
Доспех чудесный примерить себе.

Песня сразу же заполнила дом. Вот это был голос! Яркий, чистый, словно оконце: видишь лучи и дальние холмы, будто стекла и нет совсем.

Ни слова не молвила, не позвала,
Пока к постели не подвела.
Так странно мне видеть, что я готов
Разбить свой рог за один твой зов.

Это была какая-то дивная история про эльфийского князя, как он добивался любви земной девушки, а когда получил свое, хотел убить ее, чтобы избавиться от ее власти над собой. Но девушка предложила ему игру в загадки и выиграла собственную жизнь.

Скажи, что на свете громче, чем горн,
Скажи, что острей, чем колючий терн?

Не понимаю, зачем ему вообще нужна была арфа. Голос менестреля то разливался трелью, то звучал глубоко, то звенел, как жаворонок или ручей, хотя не было поблизости ни воды, ни птицы.

Пожалуй, гром погромче, чем горн,
А боль острей, чем колючий терн.
Злость зеленее свежей травы,
А пуще женщины нету беды.

Баллада вроде была знакомая, а вроде и нет. Может, так за рекой поют, а может, Томас ее по-своему переделал, не знаю.

Когда он закончил, глаза у него были закрыты, а руки, привычные к арфе, недвижно лежали на коленях. Лицо какое-то просветленное, видать, его тоже песня захватила.

Мэг встала, взяла его лицо обеими руками и поцеловала в лоб.

— Томас, — сказала она, — с арфой или без арфы, но это была настоящая музыка.

Он коротко взглянул на нее и вспыхнул, словно мы узнали про него что-то сокровенное.

— Каждый зарабатывает себе на жизнь, чем может, — сказал он и пожал плечами.

— Ну, ну, приятель, — упрекнул я его, — человеку нечего стыдиться дара Божьего. Хорошая песня ничем не хуже доброго тележного колеса или крепкого горшка.

— Колесо, — повторил он, — горшок... Честный торговец. — Он тряхнул головой, как пес, когда блоху гоняет, и лукаво улыбнулся.

— Может, мне лавку открыть? Добротные стихи на продажу! Побасенки за полцены!

Мэг тут же вставила в тон ему:

— Ага, лавку, и еще жену хорошую, чтобы выручку берегла, пока ты по холмам шляться будешь после своих стихов да песен.

— Да разве ж найдется жена, — подхватил он, — чтоб была хоть вполовину так же хороша, как хлопотунья Мэг? — Томас нагнулся и поцеловал ее в морщинистую щеку, а она и не подумала отчитать его за нахальство. — Утром я уйду и буду молиться, чтобы успеть в Далкейт, пока не кончится свадьба. Старый герцог Колдшильд выдает свою дочь за барона Далкейта. По этому поводу ожидается большое веселье: арфы, псалтирионы, тьма-тьмущая акробатов, менестрелей и ученых медведей, а народ во всю глотку вопит: «Осанна!» Герцог лично пригласил меня, — Томас улыбнулся, — а вот дочка его, по-моему, не обрадуется. Как вы думаете, подойдет ей моя новая песня?

Что-то мне не понравилось в его улыбке на этот раз.

— Может, понравится, а может, нет, — говорю я. — По мне, это не самая подходящая песня для новобрачной.

— Ну да? — удивился арфист.

— Думаешь, на свадьбе стоит петь про то, как дамы зазывают эльфийских рыцарей? Не знаю, как там жены баронов, только мой тебе совет: не надо бы здесь про это.

Он вроде как расстроился и говорит:

— Но ведь дама в песне умная и в конце концов своего добивается. Как она с ним справилась, а? А как ловко отшила его с этой загадкой про блоху... в ухе?

— Поостерегись, Томас, — сурово изрекла моя Мэг. — Гордость — плохой советчик и жестокий хозяин.

Он живо повернулся к Мэг, я думал, дерзость скажет, но вышло иначе.

— Я знаю, — с трудом проговорил он, — что гордость — горькая приправа ко всем делам человеческим. Я повидал мир, госпожа моя. В нем нелегко живется, если у тебя нет титула и земли. Смотрю я на вас двоих и завидую. Королева горшков и повелитель овец — вы добрые, щедрые люди. Но я видел много других замечательных людей, по-настоящему талантливых, вынужденных тратить все свои силы на поиски пропитания. Никто не перевяжет рану, если о ней молчать, никто не положит монету в сжатый кулак, что бы там ни заповедал людям Господь. Робкий менестрель, забившийся в угол трапезной и зарабатывающий своей арфой на хлеб, на кров и на пару подзатыльников в придачу, разом превращается в человека гордого и независимого, стоит лишь хозяину отлучиться ненадолго.

— Рифмач, — тихонько окликнула его Мэг, — а ведь с твоими песнями то же самое.

— А как же! Вот поэтому мне и достанется королевское золото.

— Ты уверен, что хочешь именно золота?

— Да кто же не хочет? — Он ловко подбросил и поймал свой красивый браслет. Сверкнувшее золото напомнило мне ярмарку у герцога... и еще кое-что. Но говорить про это я не стал. — Золото от короля, почести от придворных да доброе имя у простого народа, — с ними я легко получу ночлег, где захочу, а заодно и розу от какой-нибудь пригожей девицы.

Он наклонил голову и этак победно глянул одним глазом, словно рассчитывал дождаться похвалы от Мэг за такие речи. Дурак он, что ли? А если нет, тогда зачем прикидывается?

Мэг только фыркнула тихонько, продолжая размеренно тыкать иголкой в полотно.

— О розе не беспокойся. Парень ты видный, мнения о себе высокого. Правда, короли и благородные вертят тобой, как хотят, а ты, значит, им служишь... Одного не понимаю: на кой тут музыка нужна?

Томас ответил не сразу.

— Это — мастерство.

— Как с горшками или колесами? — чуть заметно улыбнулась Мэг.

Ловко она его! Причем, его же словами. Помнится, так же досталось Рыжему Хью, еще когда мы с ним вдвоем за ней ухаживали. Олух! У меня-то тогда ума хватило промолчать, ну, мне награда и выпала.

Томас окаменел лицом, но быстро отошел и слабо улыбнулся.

— Признаю, госпожа, ты победила. Сдаюсь. — Он низко поклонился и поцеловал ее старую, морщинистую руку. — Когда я приду в следующий раз, то принесу особую песню, правдивую от начала до конца, только для тебя написанную, и спою ее только тебе.

Услышав про «следующий» раз, мы с Мэг переглянулись. Уж не знаю, почему, но хотелось надеяться ещё на одну встречу.

— Ладно, послушаем, какая такая особая песня у тебя получится, — проворчала Мэг. — По мне, лучше бы тебе одной музыкой обойтись, не доверяю я этой твоей «правдивости».

— Я весь в вашем распоряжении, — учтиво произнес он.

— Вот и хорошо. У меня для тебя дело найдется.

— Повелевайте!

— Ну-ка, протяни руки. Мне надо шерсть смотать, а Гзвин для этой работы не годится. Руки-то у него корявые, что твои грабли.

Арфист покорно вытянул свои длинные, гладкие руки, и Мэг моментально его стреножила.

— Если соберешься поутру, — говорит она ему, — будет холодно. Шарф не снимай. Пойдешь по-над речкой, к ночи доберешься до Окстонского Брода. Там живет дочка моей сестры, я кое-что передам для нее — вот тебе и ночлег.

— Непременно все исполню, — слегка растерянно отвечает Том. Может, по дороге великаны попадутся. Хочешь, я убью парочку в твою честь?

Мэг подергала шерстяную нитку.

— Оставь свои глупости. Лучше держи руки потверже. Если будешь болтать ими, толку мне от тебя никакого. Ты, наверное, знаешь, от Окстона до Далкейта неблизко...

— Знаю. Может, подвезет кто.

— А почему бы тебе прямо к королю не податься? — спросил я его. — При дворе заработки, поди, получше, чем у графа.

Томас ответил не сразу.

— Уехал король. Где он остановится — неизвестно. Может, даже в Далкейте. Кстати, вы видали когда-нибудь тамошнего барона? В вашу дверь ему наверняка не пролезть. Руки что твои ляжки, а ляжки — с овцу каждая. Доспехи ему подносят трое пажей, да и то с трудом. Я наблюдал за ним в Колдшильде; цыплят он жевал целиком, как мы бы персики ели. А вот поди ж ты, от любовных песен плачет, особенно если дева в конце умирает.

Мэг, занятая своими нитками, проговорила:

— Знавала я одну женщину, вот уж страшна была! Нижняя губа до пояса, а уши ей приходилось на макушке завязывать. Приходилось ей лицо закрывать, словно язычнице какой...

Конечно, как у менестрелей водится, Томас эту

историю без ответа не оставил. Так мы узнали о короле-язычнике Орфее. У него жену король эльфов украл и увел в Волшебную Страну. А Орфей, значит, был великим арфистом. Отправился он за своей женой к эльфам и сумел там своей игрой разжалобить королеву до слез. В конце концов жене его позволили вернуться вместе с ним в Срединный Мир. Но в Эльфийской Стране она уже успела съесть семь волшебных орехов. Это у эльфов такая еда особая, а для смертных она даром не проходит. Отныне бедняжка должна была каждый год семь дней жить в Эльфийской Стране.

Пока мы рассказывали друг другу всякие истории, пока ужинали, настала глухая ночь. Уже когда погасили огонь, я услышал, как Мэг, укрывая арфиста одеялом, говорила ему:

— Завтра пойдешь, смотри под ноги.

Наутро, застегивая Тому плащ серебряной застежкой, Мэг напутствовала его:

— Когда бы ни пришел, знай, мы тебе всегда рады.

Арфист поцеловал руку Мэг, улыбнулся мне яркими, как летний день, глазами и пообещал зайти как-нибудь, но прошло немало времени, пока мы снова увидели Томаса Рифмача.

Поднявшись на гребень первого холма, он обернулся и помахал нам. Кругом были разлиты золотисто-коричневые краски осени, и только фигура человека вдали да вороны, кружившие над ним, выделялись на этом фоне черными пятнами.

На сердце у меня было тяжело. С чего бы это, думал я.

Моя старушка вздохнула и говорит:

— Вот что я тебе скажу, Гэвин. Парень этот с равнины и всю жизнь там жил. Короля он видал не больше твоего. А вот в Роксбурге ему бывать приходилось. Один раз. Если я верно все вижу, и года не пройдет, как стоять ему перед королем. И к нам он вернется. Вот тогда все и узнаем.

Она повернулась в сторону усадьбы. Солнышко как раз всходило.

— Ладно. Разговорами сыт не будешь.

Так я никогда и не узнал, откуда она прознала про Томаса и короля. Да ведь и я ей не стал говорить, что встречал нашего гостя весной на ярмарке у графа. Потом о щедрости графа много толковали. Я всю дорогу обратную собирался рассказать про это Мэг, а когда домой добрался, за хлопотами и запамятовал.

Божиться не буду, может, браслет у Томаса вовсе и не тот, не графский, но сколько же человеку за год золотых браслетов перепасть может?

* * *

Зима в тот год выдалась тяжелой. Столько снега мы уж давно не видели, все ручьи позамерзали. Но осень была добрая, еды и дров запасли в избытке. Только и оставалось сидеть дома и ждать, пока холода пройдут.

Где-то в марте кончились они в одночасье и мы, по словам Мэг, превратились в водяных — нас окружала топь. Ни овцам, ни собакам такое не по нраву. Чего хорошего бродить по брюхо в грязи? Только и знай ноги вытаскивай. Вот однажды мы все вместе именно этим и занимались, как вдруг я услышал звуки, которых ну просто никак не ожидал. Где-то недалеко смеялась девушка.

Я покрутил головой и вижу: идет по сухому взгорку рыжая Элсбет, сестра Яана из Хантслийской усадьбы. Они — соседи наши. Зимой-то мы ее не видели, а до того она частенько к нам заходила. Брат у нее взрослый, родители померли, вот Элсбет и жила в Хантсли, помогая брату по хозяйству, а жене его — с детишками заниматься. Но вся округа знала, что ей больше по душе бродить в холмах или слушать рассказы моей старушки Мэг, а то еще отправиться на базар в Ленгшоу или в Эрсилдаун, продать для брата сыр или масло. Неплохая девушка, только диковатая немножко. Но Мэг уверяет, что это дух бродяжий ей покоя не дает, а вот найдет парня по сердцу и враз станет доброй женой.

Глядя на нее, я подумал, что пора бы уже ей и найти. Кожа светится розовым светом, глаза яркие, пышные волосы, словно нимб красного золота, обрамляют лицо. Меня увидела и остановилась как раз на краю моря грязи, никак отдышаться не может, бежала, видно. Я стоял и разглядывал ее ладную фигуру.

— Ой, Гэвин! — крикнула она, и в голосе ее звучал смех. — Тут какой-то нездешний парень в холмах бродит. Обещал погулять со мной в воскресенье. Божится, что вы с Мэг ему обрадуетесь, он, дескать, вроде как ваш приемный сын!

— Это не по моей части, — говорю. — Там на ручье Мэг белье стирает, сходи-ка лучше к ней.

Элсбет помчалась вниз по склону, поскальзываясь в грязи и давясь от смеха.

Нас в этих местах знают. Давали нам, бывало, и детей на воспитание, и много родов моя Мэг приняла, но насчет сына нашего, хоть приемного, хоть какого, это я в первый раз слышу. Но только из-за холма появилась высокая фигура в плаще и с горбом на плече, как мне вроде понятней стало.

— Привет, Гэвин! — вежливо окликает меня Томас еще издали. — Рад видеть тебя в добром здравии.

Я пригляделся. На этот раз он шел не с пустыми руками. Арфа-то в чехле — это само собой, а еще сумка большая на плече висит.

— Привет! — говорю. — Речи свои гладкие побереги, нечего их на меня тратить. Знаю, знаю, мы для тебя — только приманка, чтобы девушкам голову морочить.

Глаза его под длинной прядью, упавшей на лоб, сверкнули.

— Значит, она уже побывала здесь?

Томас на своих длинных ногах враз до меня добрался и хвать за руки.

— Гэвин! Как я рад тебя видеть. У меня для вас столько новостей! А как Мэг? С ней все в порядке?

Тут я его получше рассмотрел. Глаза усталые. Плащ опять весь в грязи, и сам Томас насквозь дорогой пропах.

— Небось, голодный с дороги-то? Пойдем в дом, Мэг тебе обрадуется.

У Мэг нашлись и сыр, и ячменный хлеб, и Элсбет впридачу. Сидит себе тихонько в уголке и чешет шерсть.

— Благословение этому дому, — сказал Томас, шагнув под притолоку.

Мэг вскочила, просияла вся и обняла его.

А он, словно и не устал вовсе, глянул этаким петухом в угол. Однако Элсбет сидит тише воды, ниже травы (по-моему, впервые в жизни) и чешет шерсть с таким видом, словно скромней и домовитей хозяйки от сотворения мира не видывали.

Менестрель снял плащ, а арфу бережно пристроил в углу, подальше от очага. Сам подсел к огню и ну уписывать то, что Мэг подала.

— Ох и вкусно! — говорит. — Неужто это овечий сыр?

— Козий, — отвечает Мэг. — У нас теперь две козы.

— Значит, я не ошибся, — говорит Томас, — вы

тут ковчег задумали строить. Золотце мое, ты нам соткешь паруса из серебра, из того, что у тебя на коленях?

Элсбет эту песню знала.

— Чтобы к солнцу унести нас? — живо подхватила она. — Ну уж ты точно не местный, коли простую серую шерсть за серебро принял.

— Я понимаю, — обращается Томас к Мэг. — Вы решили начать со всяких зверушек. Ну и правильно. Только стоило ли огород городить, если пары не подбираются? Надо же, как я вовремя подоспел! Могу на борту присматривать за юной леди.

Мэг улыбнулась мне, а ему говорит:

— Вижу, браслет-то твой золотой исчез. Значит, там, в углу, новая арфа?

— Госпожа моя, — отвечает Томас, — глаз у тебя такой острый, что еще немножко и можно будет на ярмарке вместо ножниц продавать. Да, ты не ошиблась, там и правда новая арфа, и вы такой прекрасной дамы в жизни не видывали.

— А арфы только дамы бывают? — пискнула из своего угла Элсбет.

— Нет, не всегда, — говорит Томас. — Иногда такая старая карга попадется!

— Вот, поди, обидно, если такая оседлает, — не унималась Элсбет, — особенно после того, как за нее золотом заплатили.

— Так ведь если хозяин не попробует ее сначала, значит, уж совсем дурак, — отозвался Томас.

— Когда б дураки пореже попадались, может, и арфы послаще пели бы, — вздыхает Элсбет.

Томас улыбнулся, но отвечать не стал.

— После ужина найдем и для арфы время, — говорит Мэг. — Сейчас у нас пока других дел хватает. Элсбет, я тебе советую: из ковчега ни ногой, пока не услышишь, как Томас играет.

— Ой, прямо не знаю, — морщит лобик Элсбет, — будет ли у меня время? Я же дома нужна.

— Сударыня, — зтак по секрету сообщает ей Томас, — однажды одна особа королевской крови, имеющая касательство ко французскому двору, сказала мне точь-в-точь то же самое. Дело под Новый год было, и она со своими камеристками вышивала, как проклятая, чтобы закончить в срок рубашки в подарок королю и его братьям. «Томас, — говорит она мне, — спасибо тебе, конечно, за любезность (именно так обыкновенно разговаривают особы королевской крови), только убери, ради Бога, свою проклятущую арфу, да и сам заткнись, видишь ведь, у нас работы невпроворот, а в последний раз, как ты нам пел, мы просто обрыдались и залили слезами весь шелк, пришлось потом переделывать». А я ей говорю: «Давайте, мол, сыграю что-нибудь веселенькое». Она опять не соглашается. «Нет уж, — говорит, — мы же начнем притопывать, и кто-нибудь опять уколется», — и глазами этак царственно на меня сверкнуть изволила. Кстати, глаза у нее точно такого же цвета, как у тебя.

Элсбет вспыхнула.

— Вот уж неправда!

— Ну, может, и не совсем такого же, — хитрый парень тут же сдал назад, удовольствовавшись тем, что сумел-таки расшевелить ее. — Да только ведь это я их видел, а не ты.

— Да? — лукаво улыбается Элсбет. — Ну и какие же они?

— Разных, знаешь ли, оттенков, — мгновенно отвечает Рифмач. — От настроения зависит. Когда она довольна, глаза у нее синие, как горное озеро. Когда печалится — серые, как морские валы в непогоду. А когда злится, — хоть и нечасто, но бывает, — глаза у нее отливают зеленью, словно эльфийский плащ, мелькнувший на полянке майским утром.

Элсбет уставилась в пол. Томас совершенно верно описал ее собственные глаза, вот только откуда узнал?

— Интересно, чем это ты разозлил свою королеву?

— А почему ты решила, что это я?

— Да кому же еще?

— Ладно. Это опять с вышиванием связано. Меня позвали играть, чтобы им работалось веселее, ну я и играл, а в песню вплел заботу о королеве и ее дамах, о том, как устали их бедные глазки, как болят исколотые иголкой пальчики... Знаешь, что случилось потом?

— Они все уснули.

Пораженный менестрель уставился на нее.

— Верно. Именно так. Уснули. Все, кроме одной. Ее звали Лилиас. Когда королева проснулась, она была просто в ярости.

— А-а, — равнодушно протянула Элсбет. — А что же с рубашками-то? Сделали они их?

— Наверное.

Кажется, наш Томас слегка растерялся. Вряд ли от своих придворных дам ему случалось получать такой окорот. Если, конечно, он их вообще не выдумал.

— Во всяком случае, король на Новый год выглядел довольным.

— Как это они тебя не заставили переделывать работу, которую по твоей вине испортили? Говорят, пальцы у арфистов гибкие, вышивать вполне годятся.

На ужин Элсбет все-таки осталась. А потом, когда Томас вынул из чехла блестящую арфу, и музыка поплыла в воздухе, как туман, девчонка сидела, уткнув подбородок в ладони, и не сводила с менестреля глаз. У него хватило ума ни разу не взглянуть на нее, пока он играл, нет, не играл, а извлекал из струн дивную музыку. Взгляд Томаса незряче обегал дальние холмы, он пел о странниках и о разлуке. Песня его проникала в душу, плакать не хотелось, но все мы испытали радость от того, что у нас есть крыша над головой и живой человек рядом.

Лицо Томаса разгладилось, теперь оно выражало только покой.

Кончив играть, Томас украдкой взглянул на девушку. Она все еще была во власти музыки. Он улыбнулся, как будто рассказывал долгую историю о самом себе и теперь благодарил за то, что его выслушали. И она улыбнулась в ответ.

— Поздно уже, — наконец сказала Мэг. — Тебе пора бы идти, Элсбет, если хочешь вернуться до темноты.

— Я провожу тебя, — предложил Томас.

Она вскинула голову.

— Мне не нужны провожатые. Уж наверное я знаю дорогу получше тебя.

— И все-таки, — сказал он мягко, — я пойду с тобой.

Неуловимая улыбка скользнула по ее лицу.

— Ты не находился сегодня, арфист? А не побоишься возвращаться в темноте через холмы, когда выходят пикси* и призраки, и Белая Кобыла Трэнвайра?

— Страшно испугаюсь. Но мысль о золоте твоих волос придаст мне мужества. Может, я получу твой локон и буду его лелеять...

— Уж не собираешься ли ты откупиться им от Доброго Народа, если придется спасать свою шкуру? Хорошенькое дело!

**Pixie, piskey — доброе, маленькое существо в фольклоре юго-западной Англии; по некоторым представлениям в них воплощаются души некрещенных младенцев.*

— Да ничего подобного! Будь у меня локон твоих прекрасных волос, я не расстался бы с ним ни за какое золото.

Она вдруг встала, набросила плащ, словно вихрь пронесся, и резко надвинула капюшон.

— Гэвин, Мэг, доброй ночи. Храни тебя Бог, арфист.

Но он оказался у двери одновременно с ней.

— Только до вершины холма, — говорит, — а там нам будет нечего бояться. — И вышел вслед за ней в промозглый вечер.

Я поднялся, нашел свою палку.

— Пойду-ка, проверю загоны на ночь.

— Их и отсюда хорошо видно, — говорит Мэг.

— Ну, все-таки...

Нечего мне стесняться. Я выбрал место, с которого хорошо видать вершину холма. Элсбет я знаю с вот таких пор, когда ее чуть не затоптала толстопузая овца. Я видел, как они стоят и разговаривают, но Рифмач даже поцеловать ее не пытался, а потом она метнулась на фоне закатного неба по гребню, как ласточка, а Томас повернул назад к усадьбе.

— Помочь чем? — чинно спросил он меня возле ограды.

— Ничего не надо. Пойдем в дом.

Было уже поздно, но Томасу не терпелось рассказать нам все свои новости. Я делал из рога крюк для одежды, а Мэг принялась за пряжу.

— Я не забыл, — говорит он, — как вы были добры ко мне, когда я шел в Далкейт, а сейчас вижу: мне здесь по-прежнему рады. Я вспоминал о вас там, в мире, когда темень людская слишком уж давила на меня. Но я не забывал о вас и в лучшие времена, — он пошарил в своем узле. — Гэвин, вот тебе чашка, какие делают на западе, я для тебя самую лучшую выбрал.

Это и вправду была замечательная чашка из обожженной глины, такого красивого синего цвета я отродясь не видывал, не какая-нибудь простая поделка, у нее была еще и хорошая, крепкая ручка на случай, если питье горячее.

— Мэг, а теперь смотри! — и он начал вытаскивать из сумки что-то вроде птичьих гнезд. — Самый лучший шелк всех цветов радуги!

Томас положил их Мэг на колени, и она перебирала их, цепляясь за эти паутинки шершавыми ладонями. А уж как она была довольна! Пыталась не подать виду, а сама все приговаривала:

— Ой, они слишком хороши для меня! И откуда ты их только взял? У королевы выпросил?

Видно, она оказалась недалека от истины, потому что Томас вдруг перестал суетиться и пробормотал:

— Именно так. Я сказал ей, что знаю даму, почти равную ей в изяществе, мастерстве и доброте, чьей игле недостает лишь хороших ниток, чтобы работа ее достигла совершенства. А она...

— Том, — серьезно прервала его Мэг, — никогда не говори таких вещей. Совершенство не для человеческого рода. Кое-кто и услышать может.

Да, удивительные подарки он принес и порассказал много чего. Я все гадал, сколько в этих историях правды, во всех этих дамах, королевах, Франциях... Звучали они как баллады, и не все ли равно, правда в них или нет... хорошая история — она и есть хорошая история, откуда бы ни взялась. Только дураком тоже не хочется сидеть. И я никак не мог отделаться от мысли, что парню, который спит у твоего очага, ест твою еду и целует руки твоей жене, пристало бы говорить попроще, без экивоков.

Когда мы погасили огонь и легли, я так и сказал:

— Вот же человек, никогда прямо не пойдет, если есть кружной путь...

Кроме Мэг слышать меня было некому.

— Так или иначе, но он идет, — сказала она мне. — По-моему, расположение королевы подходит ему больше, чем золотые браслеты.

Ну, раз моя Мэг говорит, так оно и есть.

— Но он все-таки к нам вернулся, — добавила она.

— За очередным твоим нагоняем?

— Может, и так.

— Ну и ладно. Чашка, право слово, хороша, — согласился я.

* * *

Дни шли, а Томас и не заикался об уходе. Он много помогал нам и по дому, и на выпасе, прямо как родной сын, и мы радовались и его помощи, и его обществу по вечерам у огня.

Когда в округе прослышали, что у нас остановился известный арфист, к нам начали захаживать. Томас никогда не отказывался спеть им песенку или сыграть. Многочисленные приглашения за холмы на свадьбы или крестины он принимал охотно, ему не жаль было музыки, и с девушками потанцевать любил, но никогда не уходил дальше, чем на день пути, и к ночи всегда возвращался домой.

Может, он устал скитаться. Или ему хотелось попробовать новые песни для короля сначала на нас, на простом народе. Да и Элсбет, я думаю, оказалась в этой истории не последней. Ясно ведь, что она его зацепила, оба так и полыхали то жаром, то холодом.

Она часто приходила помочь Мэг по хозяйству. Говорила, что брат разрешил. Но день, проведенный за стиркой, пряжей или стряпней, всегда сулил разговор с арфистом. Иногда она позволяла проводить себя в Хантсли, иногда — нет.

— Но уже поздно, — говорил он тогда, — радость моя, тебе лучше бы здесь заночевать.

— И лежать у огня с горластым арфистом? — отвечала она. — Ты думаешь, у меня нет своей постели?

— Есть, конечно, но не такая теплая.

— Откуда же ты это знаешь, коли ни разу в ней не был?

Дай им волю, они бы всю ночь друг дружку подковыривали.

Март перешел в апрель, и настало время для Мелрозской ярмарки. Томас решил туда не ходить, дескать, благородных там нет, а монахи из аббатства для него не компания, но, по-моему, он передумал из-за девчонки.

Она принесла Мэг масло в обмен на яйца (у них в Хантсли куры стали плохо нестись) и говорит:

— Я сыр на ярмарку понесу. Продам для Яана, все дому прибыток.

— Только не клади в него камней, он и так тяжелый, — лениво замечает Томас от двери, где вырезал ложку. — Монахи заметят — проклянут.

— Джек Рябина подвезет мои корзинки, — продолжает она. — Говорит, купит мне потом гостинец. Может, ленту зеленую к моим волосам или еще что.

Томас, я вижу, так нажимает на черенок, что вот-вот ложку испортит.

— Зеленую? — говорит. — Осторожней, Элсбет, это же эльфийский цвет.

— Надо говорить «Добрый народ», — машинально поправляет она. — Там не любят, когда их так называют.

— Ну с человеком по имени Рябина тебе все нипочем, — рассуждает он. — Или рябина — это средство от ведьм? Тогда, значит, он будет в безопасности.

— Я еще не решила, ехать ли с ним, — нашлась Элсбет.

Мэг потом разыскала ее, плачущую, в овечьем хлеву.

Так оно и шло всю весну напролет, так вот чудно они обхаживали друг друга. Томас дождался вместе с нами прихода заморозков, потом у овец окот был нелегкий, а там, глядишь, и потеплело.

Элсбет позволила ему пройтись с ней раза два в воскресенье там, где люди могли их видеть.

— Чего девчонка мучается? — спрашивал я у моей Мэг. — Хочет она за него или нет?

Мэг так расхохоталась, что пришлось слезы фартуком вытирать.

— И хочет и не хочет, — сказала она наконец. — Если ты, Гэвин-Незнайка, сам не можешь разгадать эту загадку, то мне недосуг глупость твою просвещать.

— Не мастак я загадки разгадывать.

— Тогда хорошо, что у нас нет дочери, — хихикает моя женушка, — а то бы ты подарил ее первому встречному лудильщику, на которого бы она взглянула. Конечно, она его хочет. Только зачем? Вот с этим у девушек трудности. Она скорее обменяется с ним клятвами, чем поцелуями.

Я тогда стал считать, что большинство их перебранок — вроде любовной игры, хотя ничего похожего в жизни не видел. Может, этой девчонке слова нравились больше, чем поцелуи, хотя он-то любил и то, и другое. Конечно, бывали и тихие вечера, когда он играл для нас троих и пел, иногда она даже подпевала ему, потому что голос у нее был приятный и слух хороший — так сам Томас говорил. А иногда, когда ему удавалось музыкой смягчить ее сердце, он вставлял пару комплиментов, и она их благосклонно принимала.

Элсбет любила его истории о королях и королевах, о героях из нашего мира и Страны Фей. Но для него это были только сказки, понимаете, а ее уносило прямо в тень Эйлдонских Холмов, к той расщелине, которую прорубил меч великана. К примеру, она всегда оставляла на ночь плошку с молоком для Билли Блина, чтобы удача дом не покидала, а Томасу это бы и в голову не пришло. Элсбет ужасно злилась, что он ничего этого не понимает.

— Ты своим молоком фей вроде как подкупить пытаешься, — говорил он, — чтобы пришли да сделали за тебя твою работу!

Она как топнет ногой.

— Не смей называть их так, чурбан невоспитанный! Нельзя их так звать!

— Ну хорошо, пусть будет Дивный народ, — фыркал Томас. — Мирный народец, Благословенные, Добрые Соседушки... В балладах же есть и феи, и эльфы, и никого это не волнует. Кстати, — задумался он однажды, — что-то я не соображу, какая рифма будет к «соседушки»? Непоседушки?

— Не перетруждай мозги, — ввернула Элсбет. — Музыка — другое дело. Но каков нахал! Сначала петь о них, а потом потешаться!

— Элсбет, — сказал он с насмешливым удивлением, — ты говоришь так, словно защищаешь доброе имя друга. Ты что же, видала, как они слизывают сливки вместе с котом, или пляшут вокруг Эйлдонского дерева майским утром?

— Нет, не видала! Они не любят, чтобы на них глазели. Их мало кто встречал.

— И правда, мало.

— Но я ведь и твою французскую королеву никогда не видала! — вспыхнула Элсбет. — Да и есть ли она на самом деле? Для тебя это все байки, Томас, — эльфы и королевы, и прочее — только способ заставить всех тебя слушать. Но если ты сам не веришь своим историям, то почему я должна?

— Но ты же веришь, — вздохнул он. — Ты веришь во все, во что я не могу, разгневанная моя богиня!

— Ох, прекрати! — закричала она. — Хватит! Ненавижу, когда ты так говоришь.

— Как? Когда говорю, что ты прекрасна?

— Это только слова.

— «Только слова»? Но ведь слова и важны, ты сама так сказала. Слова реальны, Элсбет, так же реальны, как и все остальное.

— Ты так не думаешь.

— Зато ты думаешь. Хотя бы про эти слова из баллады: «Он целовал ее в алые губы, так разрешенья и не спросив».

Все это время он потихоньку придвигался к ней. А потом осторожно коснулся губами ее губ и замер так. Она вырвалась, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Подожди! — сказал он, пока она носилась по комнате, подбирая вязанье, шерсть, плащ, но она не позволила ему даже подойти и вылетела за дверь.

Оба чересчур увлеклись и про меня забыли. Ну, я бы с ними быстро разобрался, если бы счел, что они перестарались.

Томас замер, уставившись на дверь. Во дворе расшумелся пес. Я услышал стук, Томас кинулся было открывать, но остановился, руки так и повисли. Чтобы выручить его, я предложил: «Давай, открою».

Он так и подскочил от моего голоса и кинулся к двери. Но открыв ее, отступил на шаг.

— Храни Господь этот дом, — произнес человек с порога. Это был цыган-лудильщик. И вид у него был самый что ни на есть мошеннический. На смуглом, изборожденном морщинами лице мерцали темные глаза, полускрытые прядями волос; вокруг шеи обмотан грязно-желтый платок, поверх него болтаются амулеты и всякие безделушки. — Да хранит вас Бог от любой напасти и горя, от урусков в ущельях и от Благословенных под холмами.

— Не интересуемся, — сурово этак говорит ему Томас.

— О сэр, — заныл цыган, — всего лишь крошку еды, подкрепить мой бедный живот, да обогреться у вашего очага, и я пойду своей дорогой. А если у вас есть худая кастрюля...

Менестрель так и стоял, уставясь на лудильщика, пришлось мне вмешаться.

— Слушай-ка. Я могу дать тебе холодной овсянки, а если хочешь скоротать ночь в хлеву — добро пожаловать. Но у моих псов чуткие уши, да и я еще не совсем ослеп, поэтому не советую на добро заглядываться.

— Нет-нет, славный хозяин, — говорит цыган скромно так. — Позвольте мне только послужить вам. Я пришел издалека и слышал новости о великих людях на востоке, могу рассказать о королевском дворе, о храбрых рыцарях и прекрасных дамах. У меня есть красивые товары на продажу... — он вытащил грязный сверток и ловко бросил Томасу. — Ленты для ненаглядной, сэр? Знаки любви?

Томас отшвырнул сверток, словно это была раскаленная кочерга.

— Тогда, может быть, что-нибудь для хозяйки дома? — мошенник повернулся и тут как раз перед ним оказалась только что вошедшая Мэг.

— А, — говорит она ему, — ты все-таки добрался... Садись, я дам тебе поесть, а ты можешь припаять ручку к моей кастрюле, она уже год как болтается. Да не стойте вы тут как два столба, —

велела она нам, — а то дождетесь, возьмет кто-нибудь, да коня к вам привяжет.

Томас отошел в сторонку, давая лудильщику войти в дом.

— Что ж ты нам сразу не сказал, что тебя пригласили? — кисло осведомился он.

— Человеку хочется быть желанным самому по себе, — потупив глаза, заявил цыган.

Он уселся и принялся за работу и при этом рта не закрывал. Я уж не упомню всех его сплетен. Мэг вязала, а я плел веревочку из вереска, думал, может, на струну для арфы Томасу сгодится. Он рядом сидел, обстругивал вересковые прутья крошечным ножичком, но пока лудильщик болтал, у Томаса на одну хорошую заготовку три испорченных приходилось: то перетончит, а то и вовсе пополам перережет.

— ... и случилось тут великое горе для подруг королевы, — трепался цыган. — Одна из них понесла от человека низкого звания, а сама — еще незамужняя девушка. Ее спрашивают, кто ее совратил, а она молчит. Король в гневе. Что ж это делается? При собственном дворе порядка нет! Королева своих дев уберечь не может! Взял и запер девушку в башню без окон, пока она не назовет имени совратителя.

Я хотел взять у Томаса следующий прут и тут увидел, что он завязал вереск чудным узлом и вцепился в него так, что пальцы побелели.

— Ну и глупый король, — говорит моя жена. — Раз девица не хочет парня называть, значит, любит, и не желает ему вреда только за то, что он удовлетворил ее собственные желания. «Совратил»! Скажут тоже!

Томас с благодарностью взглянул на нее, словно не ожидал, что моя Мэг настолько сведуща в девичьих помыслах.

— Но кроме плохих новостей, — продолжал цыган, — есть и хорошие. Юная леди Лилиас Драммонд на Троицу вышла замуж за графа Эррола, и я слыхал, уже ждет от него ребенка. Для нее это хорошая партия, хоть и поговаривают, будто отец дал за ней приданого втрое больше, чем за сестрой. Болтают, это за то, что она пошла замуж уже не девушкой, но пока не слышно, чтобы граф жаловался.

Томас швырнул свой диковинный узелок в огонь. Он стоял и смотрел, как занимается ветка, как постепенно узел становится похож на золотой камень зловещего оттенка. Говорят, с такими камнями хоронили древних королей... Веточка вспыхнула и распалась в прах. На лице Томаса застыла странная улыбка.

— Выходит, я — король котов, — сказал он сам себе и больше за весь вечер не проронил ни слова.

* * *

Цыган оказался честным жуликом, потому что взял только то, что ему дали, и ушел на следующий день еще затемно.

Томасу не сиделось на месте; незадолго до полудня он отправился в Хантсли и вернулся под вечер, держа за руку Элсбет. Да, это была красивая пара. Я смотрел, как они шли по гребню холма: он — с гладкими черными волосами, она — со своей рыжей гривой, идут себе рядышком, а за ними пылает закат. Не знаю, как он этого добился, может, слова новые нашел, может, поцеловать ухитрился или еще как.

Он пел для нас этим вечером, пел удивительную песню об Эльфийской Стране, о тамошних чудесах, о пирах и музыке, и обо всем прочем. А еще он спел песенку, которой, должно быть, научила его Элсбет. Эту песенку знают в наших краях, она про куст ракитника на вершине холма, возле которого встречаются и расстаются влюбленные. Потом Томас замолчал надолго и вдруг говорит:

— Я ухожу скоро.

Элсбет — ни звука, наверное, он ей раньше сказал.

— Я всем сердцем хочу, чтобы было по-другому, — тут он осекся и посмотрел сначала на Элсбет, потом на Мэг и улыбнулся жалко. — Ну, может, и не всем сердцем. Но кусочек его, хотите вы этого или нет, я оставлю здесь.

Элсбет говорит:

— Тогда тебе придется вернуться за ним, — от былой дерзости у нее в голосе и следа не осталось.

— Я вернусь, — говорит он нам всем, — вернусь, когда смогу. Я знаю, никто и не просил меня оставаться... я всю весну пользовался вашим гостеприимством, но теперь... — он поиграл колками арфы, разом растеряв все слова, словно поглупел от искренности, — все равно...

— И куда ты пойдешь? — спрашивает Элсбет.

— В Роксбург. Цыган сказал, что король остановился там, — он посмотрел на нее через огонь очага. Мэг сидела, обняв Элсбет одной рукой. — Я... я хотел бы, чтобы ты пошла со мной. Я столько показал бы тебе...

Грустно было видеть, как лицо ее на миг вспыхнуло яростно и тут же погасло. Томас тоже заметил.

— Да нет, я не о том.

В сумерках глаза у Элсбет стали темными и глубокими.

— Может, и не о том. Да только я не стану твоей девкой, как другие прочие.

Томас вспыхнул. Пальцы его нервно перебирали струны.

— Разве я стал бы предлагать тебе такое при всем честном народе? Нет, ты осталась бы целомудренной, как рассвет, зато посмотрела бы на восхитительные вещи. Людям я стал бы говорить, что ты — моя сестра, а вечером, после того как все разойдутся, ты передразнивала бы их для меня. Я бы мог заработать тебе на приданое, если хочешь.

Она вздрогнула. Ну и балбес, надо же заговорить о приданом с девчонкой, которая, поди, любит его!

— Дурак ты, Томас, — говорит она, — если думаешь, что я смогу вернуться сюда, после того как уйду с тобой.

— Да, — говорит он и растерянно смотрит на арфу. — Да, наверное.

— Ничего, — с деланной легкостью успокаивает его Элсбет. — Ты расскажешь нам обо всем, когда вернешься, правда?

— Конечно. Когда вернусь...

Так и не сказав больше ничего, Томас схватился за арфу, и скоро музыка заполнила в доме все уголки. Разные мелодии он играл, и веселые, и печальные...

Ушел Томас ярким весенним утром, попрощавшись только с нами. Он не сказал, когда вернется. Мэг сплела ему пояс на память, а я вырезал из рога гребень. Почему не вырезать? Заодно время скоротал.

Он принял подарки с благодарностью, сказал: — «Ничего прекраснее мне во всех моих странствиях не найти», — расцеловал нас обоих, потом огляделся с грустью. На дом посмотрел, на холмы...

— Бедная Элсбет! Будь она парнем, я бы взял ее в подмастерья. Ей понравилась бы дорога. — Он улыбнулся, взгромоздил арфу на спину. — Но к

тому времени, как я вернусь, она наверняка замуж выйдет.

— Нет, замуж ей еще рановато, — тихо сказала Мэг.

— Ладно, — говорит он, — ладно. Может, подыщу ей какого-нибудь молодого принца. Она, случайно, не умеет прясть золото из соломы?

— Тебе лучше знать, — ответила Мэг и решительно добавила: — Так что, ждать нам цыганских вестей, пока тебя не будет?

— Вестей? — Лицо его было таким безмятежным, хоть взаймы бери, и улыбка была такой же, только в уголках глаз затаилась грусть. — А разве вас не позабавили придворные истории нашего смуглого приятеля?

— Тут ты прав, — говорит Мэг. — У него вся придворная знать сплошными кухонными сплетнями обросла. Но вряд ли нам довелось бы услышать хоть половину, не скажи я ему, что ты у нас остановился.

— А-а, — говорит Томас, — вот оно как. Значит, он, прознав про менестреля, пришел музыку послушать, а я его так разочаровал.

— По-моему, он не выглядел разочарованным, — говорит Мэг. — И, между прочим, назвался твоим другом, когда я его встретила.

Глаза у Томаса забегали, как у зверя в западне.

— Да какой там друг! — говорит он этак пренебрежительно. — Нам приходилось вращаться в одних и тех же кругах. Норас Бэвис тоже допущен ко двору.

— Может, в следующий раз он тебе записку от какой-нибудь дамы принесет?

Арфист глянул на Мэг с опаской, ровно на колдунью какую.

— Ох, Том, — вздохнула Мэг, — я ведь из ума еще не выжила. Когда я два раза за весну слышу о леди Лилиас, я уж как-нибудь соображу, в чем дело.

Он расхохотался.

— Ну и ладно. Признаюсь, я влип-таки, и дело вышло довольно рискованное. Ее братья убили бы меня, останься я при дворе, но видите, она удачно вышла замуж за благородного человека, и вообще все благополучно обошлось.

Мэг и не думала улыбаться, да и я, должно быть, глядел невесело.

— Думаете, женщины не могут соблазнить? — начал он оправдываться. — Уж кто-кто, а Лилиас Драммонд от несчастной любви не зачахнет, уверяю вас.

Но нам-то что до леди Лилиас?

— Постой, постой, это получается, ты можешь обрушить на наши головы сэра Драммонда со всей своей родней за то, что мы приютили тебя здесь? — потребовал я объяснений.

— Им же надо найти меня сначала. А кому придет в голову искать меня здесьу черта на куличках? Драммонд не станет поджигать овечьих загонов. Да говорю же, теперь все в порядке!

— Ну-ну, особенно когда твой дружок-цыган вернется в Селкирк и разболтает о твоем убежище!

Хорошо хоть у него хватило ума не искать у Мэг сочувствия.

— Гэвин, — сказал он, глядя мне в лицо, — ты меня просто плохо знаешь. Если бы они явились, я встретился бы с ними в холмах. Клянусь! Вот моя рука и вот моя арфа.

— Да не нужны мне твои великие клятвы, — проворчал я, потому что поверил ему. — Я смотрю, ты уж слишком старательно ищешь приключений на свою голову.

— Я не нарочно, — говорит он. Как ребенок, честное слово! — он упорно глядел в землю. — Нет, не могу объяснить.

— Конечно, — говорит Мэг, — как объяснишь то, чего не понимаешь. А ты, Томас, должен цыгану спасибо сказать за новости.

Я спросил жену, откуда она столько знает про лудильщиков? Но Мэг отмахнулась.

— Я еще из ума не выжила.

Вот так Рифмач с нами прощался.

— Отправляешься, значит, свое счастье искать, — вздохнула Мэг, — как юноши в сказках... А если бы Норас Бэвис не принес известий, а твоя леди Лилиас родила от тебя, что бы ты тогда делал, Томас?

Он ответил ей словами одной из песен:

— «Я б ступил ногой на корабль, я б за море тогда уплыл». Так, наверное. Пришлось бы уйти чуть пораньше — и не возвращаться.

— Ну, теперь ты волен вернуться, когда вздумается, — тепло улыбнулась ему Мэг. Такая улыбка снег может растопить на склонах.

— Если только удастся...

Мэг обняла его, рослого, нагруженного, в плаще.

— Господь с тобой, Том.

* * *

Ну, все знают, что в конце концов наш Томас нашел свою удачу, а заодно и другое имя. Я надеялся, что беды миновали его.

Мы не стали говорить Элсбет ни о цыгане, ни о леди Лилиас. Девушка заходила, как и прежде, словно доказывая, что появлялась здесь не только из-за Томаса, и не скажу, чтоб нам не нравилось ее общество, острый язычок и приятный голосок.

С уходом менестреля вокруг нее начали увиваться парни, но я бы посоветовал им поберечь подметки. Она сидела себе с Мэг за ткацким станком или у камина, и отрывалась только для того, чтобы выставить на посмешище всех этих хороших ребят, которые были ее соседями сызмальства. Месяц за месяцем проходили без Томаса, и потихоньку она подобрела к ребятам и даже гуляла по неделе то с одним, то с другим.

— Не могу я их полюбить, Мэг, — говорила она в отчаянии. — Никогда я не буду женой! Может, лучше монашкой стать...

— Подождем, посмотрим, — говорила в этих случаях моя женушка непривычно ласковым голосом. — Просто подождем, а там видно будет.

* * *

Осенью снова пришел Рифмач. Он появился между праздником Урожая и Днем Всех Святых, явился пешком, зато разряженный, как принц, в расшитой одежде, с арфой, в лентах, в отличных крепких башмаках.

Сам веселый и в сумке полно подарков. Он с гордостью выложил их перед нами.

— Вот, иду в Роксбург, — говорит, — на большую песенную ночь, я вам про нее рассказывал.

Так мы узнали, что он к нам всего недели на две. Такие вещи всегда лучше сразу знать: и Мэг легче, не надо все время гадать, когда он уйдет. Элсбет потом рассказала нам, что Томаса растил брат, так же, как и ее, только он был не такой добрый, как Яан, а жена его и вовсе обрадовалась, когда Томас сбежал со старым слепым арфистом, чтобы быть его поводырем и учеником.

Девушка странно приняла его возвращение. Казалось, она растеряла весь свой задор. Не то, что поязвить над своими ухажерами — его бы это позабавило — про них она вообще забыла, и если Мэг или я чего скажем, злилась сразу. Даже я видел,

как она до боли дерет свои кудри, чтоб заплести покрасивее и перевить лентами.

— О, голубая, — говорит Томас. Он-то все замечает. — Очень мило.

— А, ерунда, — говорит девчонка, хлопоча по дому и не глядя на него.

Через несколько дней она вдруг перестала приходить. Лето стояло чудесное, а Томас маялся в доме, смеха его мы больше не слышали. И привычку свою бродить в холмах он забросил.

Наконец Мэг взялась за дело сама и попросила его отнести в Хантсли яйца. Томас, словно только этого и ждал, набросился на нее чуть ли не с кулаками.

— Почему вы не сказали мне, что она завела себе дружка?

— Ну, — говорит хитроумная Мэг, — не может же она тебя вечно ждать.

Но я все испортил, потому что одновременно с ней, только погромче, воскликнул:

— «Дружка!» Да с чего ты это в голову забрал?

— Она сильно изменилась, — злится он. — На меня смотреть не хочет, а сама жеманничает, прихорашивается, как дама какая. И язык словно проглотила. Ясно, сходит с ума по какому-нибудь дураку. Могли бы и сказать.

— Об эти годы они быстро взрослеют, — пожала плечами Мэг, но я-то слышал, как она фыркнула, едва не расхохотавшись.

Ну, у них не было особо времени, чтобы разбираться. Жена Яана родила еще одного малыша, и у Элсбет дома хватало дел. Томас, к моей досаде, крестин не дождался, ушел. А жаль. Говорят ведь: чтобы свести людей как следует, иет ничего лучше хороших крестин.

* * *

Нам он сказал, что вернется весной, так оно и вышло. Выглядел он бледным и усталым, хоть и говорил, что все хорошо. Показал кольцо, полученное от короля и всякие побрякушки — подарки от разных благородных.

— Мэг, ты бы обсмеялась, если бы увидела новые фасоны шляп. Тульи такие высокие, что дамам приходится шею изгибать, как лебедям, чтобы в дверь войти, — и он забавно скрючился, изображая такую даму. — Поэтому некоторые и выглядят, как очумевшие гусыни!

— Тебе только фасоны и обсуждать, Томас Рифмач! Это с твоей-то серьгой в ухе, как будто ты из цыган вышел!

Он потрогал маленькую золотую сережку.

— Я так и думал, что тебе не понравится. Все дамы оценили. В следующий раз я ее сниму, прежде чем вашу реку перейти, хорошо?

— Делай как хочешь, — ворчит Мэг, но все равно любуется им, всякому видно. — Ты такой же своевольный, каким всегда был.

— Но я все-таки попрошу оставить меня единственным менестрелем в этой доброй семье.

— Ох, Том, — вздохнула она, — когда-нибудь ты заговоришься так, что выбраться не сможешь!

— Какие мрачные предсказания! Кстати, о предсказаниях... Как там свадебные планы моей рыжей Элсбет?

— Вот она зайдет на той неделе помочь мне со стиркой, сам все и увидишь, — сказала Мэг.

Так и получилось. Юбки подоткнуты, длинные ноги по колено в ручье — вид у Элсбет был недурен. Я слышал всплески и вскрики, но стирка — женское дело, чего мне встревать? Правда, удивился и подумал, чем это Мэг там занимается, когда увидел, как полуголый Томас мчится через двор, а за ним — визжащая, мокрая Элсбет.

Целый день толку от них не было никакого, хотя они и разложили стирку на травке, чтобы белье просушить. От любого слова они начинали хохотать, как дети. На следующий день была Мелрозская ярмарка, и Томас повел Элсбет за гостинцами. Даже у Мэг слов не нашлось, когда она вернулась, изукрашенная зелеными лентами: и в волосах, и на платье, и даже на туфлях, а на шее, еще на одной ленте, висело голубое зеркальце. Они смеялись весь вечер и пели здешние песни, а потом Томас проводил ее до дома, по крайней мере, я на это надеюсь, потому что не было его достаточно долго.

Даже когда он ушел, она некоторое время еще оставалась веселой. Пела за работой, а иногда смеялась про себя, вспоминая что-то. Мы скучали, когда она уходила, жила-то она все-таки у брата...

Томас появлялся время от времени, то оставался на ночь, то на день-два, а потом снова уходил вслед за королем или за рыцарями, играя и сочиняя ради почета. И всегда у него находилось что-нибудь для Элсбет: то лента, то заколка, то гребень, а если приходилось уходить поспешно, не повидав ее, то он обязательно оставлял подарки у нас, чтобы она нашла, когда зайдет.

И чудно мне было, что она полюбила арфиста, которого и видела-то время от времени. Конечно, она могла бы сообразить, что у него хватает шашней в замках да на кухнях у благородных, а коли не соображала, значит, глуповата была. Впрочем, может, оттого и счастливой казалась...

Последний раз он пришел осенью.

Мэг только глянула на него и сразу заявила:

— Я хочу отстирать и починить этот синий плащ. Просто стыд! Он тебе еще послужит, когда зима настанет. Не удивлюсь, если в этом году волки объявятся.

— А твоя штопка их наверняка отпугнет! — рассмеялся он. — До зимы еще столько времени! Не будем думать о зиме, пока я здесь.

— Так ты погостишь, значит?

— Погощу, — говорит, — пока не услышу, о чем думаю. В голове столько слов и мелодий звенит!

Он поцеловал руку Мэг.

— Дорогая Мэг, из всех моих женщин ты — единственная, кому захотелось починить мне плащ.

Мэг сурово поглядела на него. Видать, не понравилось, как он говорил обо «всех своих женщинах», но ничего не сказала.

На следующий день он отправился навестить Элсбет. И хороший же выдался денек: небеса темно-синие, а воздух такой ясный, что все холмы видны до самого моря, а на западе, над городом, за день пути от нас, можно разглядеть, как дым поднимается из труб. Парочка вернулась далеко за полдень, девчонка — сердитая, но впервые — не на него.

— Да поймали мы эту треклятую корову! — Я как раз обогнул дом и услышал, как она жалуется Мэг. — Я же не виновата, что Томас так опростоволосился с воротами, правда?

— Я не... — начал было он, но она его тут же оборвала.

— Они уж решили, что я не могу за собой уследить. Никуда не сходи, ничего не сделай! Обходятся со мной, как с ребенком! Только из-за того, что я... что у меня... Это нечестно!

— Элсбет, — сказала Мэг, пока та набирала

воздуху, — брат позволил тебе прийти сюда?

— Я сказала ему, куда иду.

— Ну, тогда тебе лучше вернуться.

— Но, Мэг, — начала она.

Однако Мэг махнула рукой в сторону Утеса, откуда надвигалась черная туча.

— К вечеру в аккурат окажется между тобой и твоим домом, если не поспешишь.

Но Элсбет как приросла.

— Он меня выпорет, — пробормотала она. — Он обещал.

— Я пойду с тобой, — тут же вызвался Томас.

Элсбет пристально на него поглядела.

— Нет, — сказала она гордо, — спасибо. И обратилась к Мэг: — Ну позвольте мне остаться, может, Яан к утру отойдет.

— А если вы меня не оставите, — говорит она и смотрит яростно сначала на Мэг, потом на меня, — я в холмах заночую, потому что я не пойду домой сегодня вечером после того, что он сказал!

Вид у Томаса был беспомощный. К семейным ссорам он не привык.

— Ну успокойся, — говорит он неловко, — все не так страшно. Твой брат просто разволновался из-за коровы...

Девчонка так и пронзила его взглядом.

— Никто не понимает, и ты тоже! Ты вообще хуже всех! — И бросилась бежать вокруг дома к роще, где падубы.

— Ну! — набросилась на нас Мэг. — Чего уставились? Мозги-то у вас есть? Как думаешь, Томас, ей понравится, если брат при тебе ее отшлепает?

— Ой, — говорит он, — ну... для меня же это неважно...

— Этой девушке, — раздельно говорю я ему, — нужен собственный дом, — и принимаюсь за свою работу.

Элсбет вернулась к ужину, с первыми каплями дождя. Они сверкали на ее бровях, в юбках запутались осенние листья, волосы сбились, в них торчали терновые колючки, вереск и даже веточка черники.

— Прошу прощения, — говорит она, — если чем досадила.

А Томас посмотрел на нее и говорит:

— Ты выглядишь так, словно только что из-под холма выбралась.

Это он Эльфийский Холм имел в виду и произнес это с таким почтением, что она и с ответом не нашлась. Да и смотрел он на нее, как на чудо. Она повернула свою гордую головку, чтобы взглянуть на него, но приоткрытые губы молчали.

Даже я почувствовал перемену в комнате, словно мы с Мэг перестали существовать.

Он встал, и она шагнула к нему. Он усадил ее за стол рядом с собой. И мы тихо ужинали, и каждый думал о своем.

Элсбет помогла потом Мэг убрать посуду со стола, а Томас лениво перебирал струны. Стемнело.

— Элсбет, ложись спать здесь, у огня, — говорит тогда Томас, — а я пойду в сарай.

— Там же дождь.

— Ерунда, цыган ночевал и хоть бы что, значит, и для меня сгодится. К тому же Мэг мне синий плащ заштопала.

Девушка взяла овечью шкуру и долго пристраивала у него на плече. Откровенно говоря, мы с Мэг рады были остаться одни. Дождь уютно стучал по крыше, и никому из нас не хотелось говорить.

В середине ночи я вдруг проснулся, сам не знаю, отчего. Пес молчал, дождь попритих. Но я определенно что-то слышал. Я выбрался из постели и увидел, что у огня никого нет, дверь не заперта. Я подождал минуту-другую, подумал, не разбудить ли Мэг, но решил, что лучше вернуться в постель до утра. Так я и сделал.

Они ушли прежде, чем мы проснулись. Ясным свежим утром он проводил ее в Хантсли, прямо навстречу ярости брата. Потом Томас рассказывал, что Элсбет вела себя, как настоящая леди, и так кротко попросила прощения, что Яану пришлось сменить гнев на милость, а может, и жена задала ему взбучку за то, что расшумелся на девушку при ухажере! А по мне — хорошо, что Томас видел Яана разъяренным, потому что у брата Элсбет рука тяжелая, закипает он медленно, зато на расправу скор, и лучше бы Томасу знать об этом, раз уж все так поворачивается.

После этого мы реже видели Томаса, он дневал и ночевал у Элсбет, помогал ей там, и они гулялн по холмам вместе. По его словам, он пришелся по душе юным племянникам Элсбет, потому что умел заставить пенни исчезнуть, а потом находил их у ребятишек в ушах!

Не скажу, что он совсем перестал помогать нам с Мэг, но теперь он все чаще говорил, что «нуждается в одиночестве, чтобы прислушаться к собственным мыслям». Поэтому, если он не был с девушкой, значит, бродил в холмах.

Как-то раз Томас ушел на свой любимый Эйлдонский Холм. Он говорил, что с его вершины мир перед ним разворачивается, как драгоценная карта, а единственный собеседник у него там — ветер, шелестящий в ракитах и зарослях дрока. Он ушел с пустыми руками, даже арфу не взял, и больше не вернулся.

Только на следующий день, когда выяснилось, что он не появлялся у Элсбет, мы почуяли беду. Он мог уйти и не простившись с нами, но никогда не ушел бы без арфы.

Мы подняли на ноги всех, кого смогли, но нигде не нашлось ни следа. Никто его не видел и не слышал, словно он просто исчез с лица земли. Мы даже добрались до графского управляющего, к нему ходил Яан и вернулся с двумя слугами и собаками.

Мы прочесали Эйлдонские Холмы вдоль и поперек, но ничего не нашли. Вот тогда я и начал сомневаться, увидим ли мы еще когда-нибудь Томаса Рифмача в этом мире.

Часть вторая

ТОМАС

Над быстрой речкой верный Том
Прилег с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.

Зеленый шелк — ее наряд,
А сверху плащ красней огня,
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Она сказала: «Прощайся с луной,
Прощайся с солнцем и шумной листвой.
Ты целый год проведешь со мной,
Срединный Мир не увидишь ты.

Что б ни увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой,
А проболтаешься, мой друг,
*Так не воротишься домой!**

* *Первая, вторая и четвертые строфы —переводы С. Маршака.*

Какие же песни петь в Эльфийской Стране, там, где все песни — правда, а все предания — история?

Я видел, как влюбленные гуляют по волшебным полянам, руки их ласковы, а лица сияют, ноги легко ступают по траве, в которой среди пятен тени то и дело вспыхивают крохотные цветы, и оттого кажется, что они шагают прямо по звездному небосводу. Некоторых я почти узнавал: Ниам Золотая Коса с ирландским Оссианом, Прекрасный Окассен с Нежной Николетт, двое царственных мужей в доспехах рядом с изящной веселой королевой... другие лица, причудливо одетые люди, за каждым из которых стоит целая история... Надо ли теперь, когда все они обрели покой, ворошить все снова?

Я не знаю, верно ли, что все эти истории пришли к своему завершению, или это только иллюзия прекрасной Эльфийской Страны, игра эльфов, произведение искусства?

Я не мог разговаривать с ними.

История может начаться с любого места, какое выберет ее создатель. Моя начинается под Эйлдонским Деревом, на склоне самого восточного из Эйлдонских Холмов. Так странно сидеть одному, в тишине и покое.

Если у меня и были какие-то мысли, то лишь о том, какой я сумасшедший, если снова и снова ухожу отсюда. Здесь жили те, кого я любил, кто ничего не хотел от меня, кто заботился о том, холодно мне или жарко, голоден я или сыт, весел или грустен. Они волновались из-за меня самого, а вовсе не из-за моей музыки. Под «ними» я понимал, наверное, только Мэг и Гэвина, потому что у нас с Элсбет выросло нечто большее, чем доброта и забота.

Это случилось помимо моей воли. Да, она мне нравилась, я хотел ее и, когда добился, желание не угасло.

Элсбет разительно отличалась от тех дам и доступных женщин, которых я знал. Такой яростной самостоятельности, такой естественной невинности я еще не встречал. Легкомысленная, дразнящаяся девчонка вдруг исчезла, осталось доверившееся мне птичье гнездо, заполошно бьющееся сердечко, которое я держал в руках... Все осталось при ней — и остроумие, и искристый огонь в глазах, просто она больше ничего не скрывала. С ней было так, словно мне задали вопрос и я удачно ответил на него. Я вдруг обнаружил, что хочу проводить с ней все время: говорить, смотреть на нее, позволять ей высмеивать меня. Я хотел защитить ее от всего, даже от себя самого, пожалуй.

Дошло до того, что я не мог спокойно думать об Элсбет. Стоило мне попытаться, и я тут же терял дистанцию вместе с мыслью, потому что думать о ней означало немедленно увидеть ее и покончить со всеми раздумьями.

Вот почему я решил поскорее вернуться ко двору намного раньше, чем собирался. Нужно было еще сочинить песни для рождественских пиров и мелодии для танцев. Я замечтался.

Какой-то отблеск на склоне холма привлек мой взгляд. Казалось, своими грезами я вызвал королевский двор, и он явился за мной прямо сюда. По бровке холма ехала дама на великолепном белом коне. Она была уже совсем близко, серебряные колокольцы украшали гриву и повод коня. Их нежный перезвон заглушал дальнее бормотание реки, а копыта отчетливо стучали по сухой земле.

Я вскочил на ноги, лихорадочно вспоминая придворные манеры. Дама цвела, как весна, на фоне жухлой осенней травы. Одеяние ее было зеленым, как молодая листва, а распущенные волосы — как солнечный свет поутру. Мир вокруг нее виделся грубой рамой для прекрасного полотна.

Я тут же признал ее.

— Лилли! — сказал я, — Что ты, к дьяволу, натворила? Зачем ты явилась сюда?

Дама рассмеялась, словно ручей зажурчал.

— Ну-ка, присмотрись получше, Томас! И не называй понапрасну имени Врага.

Я всмотрелся. Рядом с одной-единственной прядью ее волос паутина выглядела грубыми веревками, а алмазы — тусклой галькой. В золотом ореоле сияло лицо неописуемой красоты, в нем одновременно сошлись и ум, и доброта.

Второй раз я узнал ее и благоговейно опустился в траву на колени.

— Моя королева...

— О, Томас!

— ... и Небесная Владычица. Святая Мария, смилуйся надо мной...

— О нет, — в голосе ее прозвучала печаль. — Смотри снова, Томас!

В третий раз взглянул я и увидел самую прекрасную из всех женщин. Белый конь тряхнул головой, зазвенели серебряные колокольчики.

— Леди, — сказал я, — я не знаю вас.

— Зато я знаю тебя, Томас Рифмач, Томас с быстрым умом и искусными пальцами. Я пришла за тобой, Томас. Твоя слава дошла даже до моей страны. Порадуй меня музыкой, Рифмач, и поведай свои истории.

Я уставился на нее и вдруг понял: она говорит правду.

— Неужто ты не рад собственной славе? — засмеялась она, а я не мог оторвать глаз от ее винно-красных губ. — Разве слова больше не доставляют тебе удовольствия, а, Рифмач?

Слова-то у меня были, только все какие-то ненастоящие, не то что горячая кровь, поющая в ушах. Что толку говорить с ней?

Вот если бы стащить ее с коня, разобраться с ее шелками и губами прямо здесь, в траве, вот тогда бы я получил то, что хотел!

— Ты меня узнаешь, Томас, — сказала она игриво, — только подумай немножко. Можешь еще раз попытать счастья.

Тело у меня стало тяжелым и тягучим. Я смог только потрясти головой, и тут же зазвенели серебряные колокольчики на поводе коня.

— Ну-ка, вспомни, Честный Томас, о чем ты поешь ночами и что сочиняешь днем? Ну, давай! Верная любовь, подвиги, слава, скорбь, волшебство...

Но все мои стихи исчезли.

Она добавила тихо:

— Женщина не с Земли, но и не с Небес.

Ее лицо затуманилось. В нем промелькнули черты всех женщин, которых я когда-либо видел.

— Я — Королева Эльфийской Страны, Томас.

— Я знаю, — услышал я собственный голос, звенящий и тонкий.

— Я не гожусь для вашей земной страсти, — молвила она, и белые острые зубы сверкнули в улыбке, а глаза стали жесткими от жалости.

— Теперь тебе лучше всего повернуться и уйти.

Я шагнул к ней. Конь спокойно пощипывал траву. Она низко склонилась с седла.

— Хочешь получить мой поцелуй? Только расплатишься за него дорогой ценой. — Свет плясал на свежих ее губах. — Осмелишься поцеловать меня — и потеряешь власть над своим телом, зато узнаешь, чего оно хочет...

Я криво улыбнулся, дыхание перехватило.

— Того, чего от него ждут?..

— Ты будешь моим, Томас. Дай мне испытать тебя.

Я приник губами к ее губам и ощутил сладость несказанную. Лишь на миг голова моя прояснилась, ровно настолько, чтобы понять: я погиб!

В шипящем шорохе шелка она соскользнула с седла ко мне на руки. Зелень и золото окутали меня, алые губы увлекли в самое сердце огненного вихря. Мы лежали на сухой колючей осоке, я воспринимал прикосновения дивных женских рук как ласки самой Земли; когда в меня впивались камни и корни, это были ее пальцы... Она была ветром и дождем, она навек укрыла меня от всего мира, сделав меня его частью. Когда страсть взорвалась во мне, я ощутил свое тело распадающимся на бесчисленные самоцветы под холмами, на звезды во мраке.

Весь мокрый, я лежал на земле, и у меня не было сил даже шевельнуться. Надо мной, без единого изъяна в одежде, стояла Королева Эльфийской Страны. Она пробежалась прохладными пальцами по моему плечу и нежно смахнула пот.

— Ты хорошо поешь, — задумчиво произнесла она. — Встань, Томас, оденься, нам предстоит долгий путь.

— Что? — едва пробормотал я. Резкий запах осенней земли щекотал ноздри, такой пряный, что хотелось плакать.

— Ты пойдешь со мной. Тело твое принадлежит мне, я предупреждала тебя. Ты останешься моим семь лет и будешь служить всем моим желаниям. Пора, Томас, вставай.

Я лег на спину. Высоко над нами чаша небес синела так, что хоть падай туда.

— Я не могу уйти, — сказал я. — Здесь мой дом.

Никогда еще я не воспринимал с такой остротой чистоту воздуха, запахи трав, само ощущение земли, дающей отдых моему телу, корнями уходящему глубоко в ее недра. Оставить все это сейчас, значит, разорвать сердце.

— Ты сможешь вернуться, но сначала пойдешь со мной. Посмотри на меня, Томас.

Она стояла надо мной, высокая и гибкая, как береза. Я привстал на колено, одной рукой по-прежнему сжимая пучок травы, словно ее корни могли удержать меня на земле.

— Госпожа, — попросил я, — сжальтесь надо мной.

— Сделка есть сделка, милый. Ты будешь моим семь лет, — сказала королева. — Сейчас я сяду на коня, а ты позади меня. А можешь остаться здесь, на холодном склоне, и смотреть мне вслед. Так или иначе, ты будешь моим. Проси, умоляй, но имей в виду, именно из жалости я и беру тебя с собой. Моя служба не покажется тебе тяжелой.

Семь лет... Она взлетела в седло — легкая, как музыка. Я не мог оторваться: ослепительная дама и неброская, спокойная красота мира вокруг; передо мной была загадка, нить, за которой надо идти. Едва она отдалилась всего на два-три фута, как заныло в груди. Я не мог позволить ей исчезнуть. Я знал, что нужно остаться, я помнил людей, с которыми должен был хотя бы попрощаться, но не мог произнести ни слова. Пальцы мои дрожали, пока я торопливо натягивал одежду. Она протянула руку, холодную, сильную, и я принял ее и вскочил на коня.

Конь неторопливо сделал шаг-другой и вдруг ураганом рванулся вперед. Ветер гудел в ушах. Мир проносился мимо с головокружительной быстротой; и вот уже пропали из виду знакомые места. Где-то там, позади остались люди, которых я покинул. Королева скакала чуть пригнувшись, как юная охотница. Гордость охватила меня — ничего другого я уже не хотел.

* * *

Сколько продолжалась наша скачка, сказать не могу. Свет быстро померк, словно мы ушли с путей солнца. В абсолютной темноте в один миг смолкли все звуки. Потом я услышал шлепки копыт по мелкой воде.

Впервые за всю дорогу королева заговорила:

— Сейчас ты почувствуешь влагу, Томас. Не думай об этом.

Не успела она договорить, как я ощутил неожиданное тепло — это вода лизнула носки моих башмаков. Потом словно теплая рука охватила мои ступни и поползла по лодыжкам до самых колен. Конь уверенно шел вперед, легко отыскивая дорогу в темноте. Ноги мои погрузились в теплый поток. Судя по звукам, мы были в пещере и перебирались через подземную реку. Я не ожидал, что она окажется такой теплой, ведь знал я только ледяные горные ручьи. Голова моя покоилась на плече королевы, руки обхватили ее гибкий стан, вода текла мимо, я почти не ощущал ее, потеряв себя в тепле женского тела. Ритм копыт походил на стук сердца, а сердца наши бились, как морской прибой.

Наверное, я задремал в этой кромешной тьме. Мне слышались песни, колыбельные, которые я знал когда-то... Но едва я попытался вслушаться, как их поглотил шум бегущей воды.

Во рту пересохло, горло саднило, словно я кричал.

— Ты хорошо пел, Томас, — сказала королева. — Мне понравились песни, которые ты слушал, лежа под сердцем матери... А теперь прощайся с солнцем, прощайся с луной и с зеленым листом. Мы миновали границы Срединного Мира.

Конь начал подниматься, и вода отступила от моих ног. Слабый свет забрезжил вокруг, серый, как занимающееся утро, но более тусклый и блеклый. Я взглянул вниз: ноги мои потемнели от воды, но когда стало светлее, я увидел темно-красные капли, падающие с моей одежды в дорожную пыль.

— Кровь! — вскричал я.

— Земля не может вместить всей крови, что льется на ней. Поэтому внизу течет этот поток. Мы уже миновали его, скоро кровь оставит тебя.

По моим ногам струилась кровь подземной реки — кровь сражений мешалась с кровью рождений; кровь капала с порезанных пальцев детского братства и из глубоких ран братоубийственных битв; кровь ограбленных убитых путников и кровь ссадин от колючего терна в летних полях... Я слышал свой крик — скорее новорожденного, чем покидающего этот мир. Мучила неутолимая жажда.

Я крепче прижался к королеве и ощутил на губах соленый привкус собственных слез.

— Теперь взгляни.

Мы оказались на равнине. Испещренная серыми тенями, она тянулась, насколько хватало глаз, а на горизонте сливалась с жемчужным светом странного неба.

— Где мы? — едва вытолкнул я слова из пересохшего горла.

— Нигде.

Королева эльфов снова пустила коня в галоп. Однообразная пустыня неслась навстречу. Внезапно конь вздыбился и напрягся в могучем прыжке, но прыжок этот длился куда дольше, чем может про-

держаться в воздухе настоящий конь, затем мы плавно приземлились.

В мягкой траве сада пестрели белые и желтые цветы. Сердце заныло при воспоминании о садах моего детства, ио этот был совсем другим: с каждым новым взглядом я видел и ощущал здесь другое время года. Чувства мои смешались.

— Идем, Томас, — королева эльфов соскользнула с коня и протянула мне руку. Я действительно нуждался в помощи, ноги затекли после долгой скачки. Я рассмеялся над своей слабостью, и королева смеялась вместе со мной, помогая мне сесть.

Теперь вокруг нас раскинулся летний сад. Прямо над моей головой висел прекрасный персик с золотистым пушком, словно брюшко мохнатого шмеля. Он был так близко, что я ощущал его аромат. Я протянул руку и снял согретый солнцем плод с дерева.

— О нет, — остановила меня королева, — ты ведь не возьмешь чужое?

— Вот уж не думал, что придется умирать с голода в Эльфийской Стране, — ответил я, пытаясь отвлечься от дразнящего запаха.

— Это не Эльфийская Страна! — резко сказала она, словно одергивая упрямого ребенка. — Сейчас я тебе все покажу. Но сначала обуздай свой аппетит. Твой праотец Адам тоже не видел причины, почему бы ему не съесть плод с Древа. Но, кажется, своим примером он ничему тебя не научил.

Королева безбожной Эльфийской Страны — самый подходящий проповедник, чтобы читать мне мораль! Я сердито отбросил персик подальше в траву.

— Не сердись, — примирительно сказала она. — Доверься мне. Съешь этот плод — и ты потерян для меня, так же, как твоя душа потеряна для тебя. Вот... — из складок накидки она достала лепешки и кувшин вина. — Ешь и пей. Это не повредит тебе. Хлеб пекли в Болонье, на землях прекрасной Франции, а виноград давили на Сицилии.

Я проголодался и жадно набросился на еду, после чего ощутил прилив сил. Госпожа моя была прекрасна, и я не смог удержаться, чтобы не погладить пышное облако ее шелковистых волос. Она, смеясь, поймала мои пальцы.

— О нет, Томас! Неужели ты не можешь думать о чем-нибудь еще?

— Госпожа, — учтиво произнес я, — о чем еще я могу думать, когда ваша красота сияет, как... — я остановился в смущении, не эная, что сказать.

— Понимаю, — сказала королева. — Дело не в твоей способности устоять, а в моей неотразимости?

Я кивнул. Любая земная женщина была бы в восторге, но королева эльфов сказала:

— Хорошо. Я облегчу твою задачу.

Воздух вокруг нее задрожал, и на месте Майской Королевы оказалась сморщенная карга. Морщинистые запавшие губы приоткрылись, и над садом зазвенел золотой смех моей спутницы.

— Теперь можешь касаться меня сколько хочешь, Томас. Ну, давай, положи голову мне на колени.

Я обнаружил, что спина у меня одеревенела.

— Не отвергай меня! — сурово приказала она. — Иди сюда.

Я опустился в траву рядом с ней и положил голову на край потрепанной накидки. Ткань пахла лавандой и пижмой, травами, которыми обычно перекладывают белье сельские женщины. Моя старая няня пахла так же. Скрюченная рука коснулась моих волос и с силой прижала голову к костлявому бедру.

— А-а, — хихикнула она, — теперь тебе легко сопротивляться? А не хочешь ли полюбоваться чудесами, арфист?

Сильные пальцы повернули мою голову в ту сторону, где сквозь деревья виднелась тропа, уходящая в долину — такие грубые тропы оставляют охотники или звери, продираясь через густые, колючие кусты.

— Пойдем ли мы с тобой по этой дороге? — спросила королева и помедлила, ожидая ответа.

— Госпожа, — ответил я, — вряд ли хоть один из нас рискнет здесь спуститься.

— Разумный мальчик! Ты ответил лучше, чем думаешь. А как насчет вот этой? — и она снова повернула мою голову.

На этот раз я увидел прекрасную дорогу, широкую и ухоженную.

— Куда она ведет? — спросил я.

— А как ты думаешь?

— Туда, где для нас нет ничего интересного, — сказал я.

— Хорошо, — сказала она. — А эта?

Тут у меня перехватило дыхание. Не было никакой дороги, только огромным размахом — долина и склон холма. Пока я смотрел на это дымчато-серебристо-синее и зеленое великолепие, легкий туман рассеялся, и открылась узкая песчаная тропа, вьющаяся через лес, поле и ручей. Тропа взбиралась все время вверх к далекому замку, едва заметному на гребне холма.

— Молчишь, Рифмач?

— Эта, — проговорил я тихо, — эта дорога по мне.

— И по мне тоже. — Она встала, тряхнула одеждами, и они обрели прежний зеленый цвет. — Ты выбрал дорогу в прекрасный Эльфийский Край, Томас, как раз туда, куда хотел попасть.

Странная радость наполнила меня. Я чувствовал, что возвращаюсь домой. Да, я пел об этом месте, оно вставало перед глазами, когда я прикрывал их, чтобы петь. Я и думать не смел, что увижу его когда-нибудь.

Снова прекрасная, веселая и нежная, королева взяла меня за руки и улыбнулась.

— Вижу, ты не сердишься. Не жалеешь, что поцеловал меня под Эйлдонским Деревом?

Глаза у нее голубели, как яркое небо.

— Госпожа, — сказал я, — семь лет пролетят, как семь дней.

— Ты думаешь? — серьезно спросила она. — Я и правда могу так сделать. Баллады должны были научить тебя. Представь: мы прибываем, проходят семь дней сплошных удовольствий, семь ночей пиров и радости — а потом: «Вставай и уходи, Томас! Пора тебе возвращаться в свою страну».— «О госпожа моя, но ведь я провел здесь всего одну короткую неделю...»— «О нет, Томас. Прошло целых семь лет. Пока ты наслаждался, твои друзья старились и тосковали по тебе — но теперь ты должен снова встретиться с ними, так что...» — Она смотрела на меня с неотразимой смесью озорства и нетерпения, глаза — честные, карие. — Ну, что скажешь?

Туман снова сгущался на дальнем склоне, огибая синие от наступающих сумерек стволы деревьев и покачиваясь над гребнями увалов.

— Госпожа, я тосковал об Эльфийской Стране всю жизнь. Когда я был ребенком...

Я вдруг остановился. Никогда никому я об этом не говорил.

— Я помню тебя ребенком, — тихо сказала она, — продолжай.

— Я думал, что пришел откуда-то... Что принадлежу к другому народу! — выпалил я наконец.

— Ах, Томас, конечно же, это не так, — лицо ее помрачнело, и она пошла вперед, вороша носком туфли сухие листья. Сад стал осенним. Венок у нее на голове отливал красным. — Ты земной человек. Эльфийская земля — не твой дом.

— Я знаю. — Наверное, я и не ждал, что она скажет иначе. — Но все же я хотел бы провести там свои семь лет.

— Как хочешь, — глаза у нее стали рыжевато-золотистыми. — Но пойми: ты не из Эльфийской Страны. Ты думаешь, что знаешь Волшебный Край, но все песни и сказки, известные тебе, лишь слабая тень истины. Однажды страна твоих песен станет явью для тебя, Рифмач, и тогда долгие годы тебе предстоит томиться, пока закончится срок и ты снова сможешь войти в пределы Срединного Мира. А Страна Эльфов — мой Волшебный Край... он такой, какой есть. Смотри не ошибись: он хочет тебя так же, как ты его. Служи мне верно, и я освобожу тебя через семь твоих лет. И еще: ты не произнесешь ни слова в Эльфийской Земле, а иначе тебе никогда не видать Срединного Мира. Говорить ты можешь только со мной, Томас, и можешь петь для гостей в моем зале, ибо для этого я и привела тебя. Кто бы ни обращался к тебе, смотри, не отвечай никому, кроме меня.

Отправиться в Эльфийскую Страну бессловесным? Что за нелепое условие для менестреля!

— Госпожа, — запротестовал я, — ни в одной песне я никогда не слышал о подобной участи.

Она тепло улыбнулась.

— Но это ведь *твоя* история, Томас, и конца ее ты не знаешь. И раз уж ты так хорошо обучен премудростям Волшебной Страны, то я могу и не добавлять, что никому из смертных нельзя есть здешнюю еду. Голода можешь не бояться, кормить тебя будут хорошо.

И снова этот гнет власти; отныне моя судьба в ее руках, она ставит условия, и я должен подчиняться, как приходилось подчиняться и раньше (почти всегда) требованиям прочих великих. Не теряя достоинства, я низко поклонился королеве.

— Как изволите.

Что бы она ни говорила, дорога меня влекла к ней.

Королева свистом подозвала коня, и прекрасное животное примчалось рысью. Только королева все медлила, вертя в руках венок из листьев и ягод. Потом, пожав плечами, бросила его высоко вверх и венок пропал из вида. Королева вскочила в седло и помогла мне усесться за ее спиной.

Светлая дорожка начиналась почти у наших ног, в траве сада. Конь пошел по ней, как любой обычный конь по любой нормальной дороге. Вокруг расстилались: поле, деревья, далекие холмы. На сердце было легко, и я запел, запел весело, как пел, бывало, еще мальчишкой.

Готов я поспорить, девица, с тобой,
Пять сотен монет поставлю на кон.
Ногой лишь ступи на Ракитовый Холм
И девушкой уж не вернешься домой.

Королева рассмеялась и подхватила припев: «О ракита, пригожая ракита...»*

Мы пересекли ручей по хорошенькому горбатому мостику.

— Госпожа, — спросил я, — разве в этой стране нет жителей?

Она повернулась в седле и лукаво посмотрела на меня.

— Но, Томас, они же вокруг тебя!

Я почувствовал, как краснею от растерянности.

— Ты должен научиться смотреть. Со временем это придет.

Я вертел головой во все стороны и все равно ничего не видел. Мы как раз проезжали через березовую рощу, свет пробивался сквозь зеленые листья.

— Посмотри вон на то дерево, — тихо сказала она, указывая подбородком. — Только смотри искоса.

Я повернул голову и уголком глаза уловил контур женской фигуры, высокой, белой, с серебристыми волосами.

— Ты видел?

— Женщина...

— Да. Это одна из моих...

Я не понял, что она имела в виду: одна из моих подданных, слуг или даже детей. Я снова скосил глаза и... едва не свалился с седла. Нимфа, или кто она там была, ответила мне неожиданно неприличным жестом. Во всяком случае, среди людей его бы сочли весьма неприличным.

Королева рассмеялась.

— Слух о твоем появлении опережает нас. Помни же: ни с кем из них ты не должен заговаривать.

А я и не собирался. Просто повернулся спиной к этой проказнице.

— Ты все еще мальчишка, — сказала королева без всякого недовольства.

— Я себя так и чувствую, — честно признался я. — Как мальчишка на празднике.

Вспомнив наши земные праздники, я начал рассказывать о них королеве. Давно забытые эпизоды так и сыпались из меня. Пока говорил, я стал замечать краем глаза и других жителей этой страны: одни — высокие и изящные, как сама королева, другие — такие крохотные, словно пичужки.

Не слышно было птиц в этом лесу. Только звон колокольчиков на сбруе, стук копыт по тропе, шелест ветра в ветвях да отдаленный плеск ручья — и все эти звуки покрывал мой собственный голос. Меня несло. Я рассказывал о моей прежней жизни, о детстве, давно забытом, как мне казалось, а тут словно все вдруг вернулось, и чувства, и мысли.

— Стало быть, твоя кошка тоже была хорошей охотницей? — переспросила королева.

Я стал отвечать, но услышав собственный голос, осекся.

— Госпожа... я... — Но почему я болтаю о своем прошлом с Королевой Эльфов? Как мог я покинуть свой мир ради нее? — Пожалуйста, — промямлил я, попытался собрать остатки достоинства и с трудом произнес: — Лучше уж я буду молчать.

— Это вряд ли, — сказала она ласково-рассудительно и рассмеялась. — Ты думаешь, что зачарован? Так, Томас?

Не терплю, когда меня высмеивают. К тому же у меня хватало причин считать себя зачарованным.

— На тебе нет чар, — произнесла королева. — Но ты теперь мой.

— А если я не хочу?

— Тогда ты, конечно же, будешь молчать. Но почему, дорогой мой? Разве смысл твоей жизни не в том, чтобы доставлять радость людям своим голосом, умом, речами? Ты всегда знал, как стать полезным. Теперь ты будешь полезным мне и доставишь мне удовольствие. Ты всегда будешь знать, когда надо спеть для меня, или поцеловать меня, или принести питье, или оставить одну.

— Для меня это звучит как волшебство.

---

* *Есть выражение: «To marry over a broom stick» — «Повенчать вокруг ракитового куста».*

— Конечно, это и есть волшебство. Я сама — волшебство! Я — Королева Эльфийской Страны, Томас, мне нет нужды зачаровывать тебя.

Оказалось, даже ее слова будят во мне страсть. Я попытался скрыть это неуклюжей шуткой.

— Тогда я надеюсь развлечь тебя кое-чем получше историй о зверьках маленького мальчишки.

— Надейся, — ответила она довольно равнодушно. — Я все равно получу все твои истории, прежде чем закончится срок.

В ответ я обнял ее и прижал к груди. И чуть не свалился, когда конь внезапно понес, закинув голову. Белый голубь метнулся через тропу прямо под ноги коню. Послышался слабый свист, и серебряная стрела вонзилась в ствол дерева над нашими головами.

Королева легко обуздала коня, протянула руку, и голубь опустился к ней на запястье как раз в тот момент, когда навстречу нам появилось еще одно животное.

Это был вороной жеребец, самый огромный из всех, каких я когда-либо видел. Управлял этой громадиной мужчина весь в черном, с длинными угольно-черными волосами. В руке у него был длинный лук. Увидев нас, он натянул поводья, так что конь, закинув голову, вздыбился.

Королева сидела в седле не шелохнувшись, и голубь у нее на руке застыл, как алебастровый.

— Ну, братец, — холодно обратилась она к всаднику, — как это понимать?

Лицо эльфа-мужчины было таким же твердым и ледяным, как и ее собственное.

— Я просто охотился, сестра, — бесстрастным голосом ответил он.

— Да? Надо бы отдать твои глаза пожевать Безымянному. Они плохо стали служить тебе, иначе ты бы разглядел, что этот голубь — из моих.

— Недолго ему быть твоим, — молвил охотник. — Время его почти истекло. И он до сих пор не сумел.

— Вот когда он не сумеет, тогда можешь охотиться на него, сколько влезет. А сейчас... — она подняла руку, и голубь взлетел, но продолжал кружиться вокруг, словно боялся покинуть святилище.

Охотник рассмеялся.

— О сестра! Сколько же ты выказываешь милосердия! Однако не только ты бываешь в Срединном Мире. Я проследил за голубем там и наблюдал его слабые попытки. Ты бы смеялась до колик: бедный бессловесный голубь, на их взгляд, — самая обычная птица, и так тщится привлечь к себе внимание.

Королева взглянула на брата и тоже улыбнулась.

— Посмотрим. Может быть, я одолжу этой птице голос Томаса — ему он все равно пока не понадобится. — С этими словами она погладила мою ногу кончиками пальцев. Два ощущения пронзили меня — ужас и страсть. Такого я бы никому не пожелал испытать.

— Эй, ты! — надменно бросил мне темный охотник. — Кто таков?

Помня ее запрет, я молчал.

— Ну, давай же, — продолжал он все еще повелительно, но уже с легким азартом в голосе. — Томас... как тебя там?

— Не будь дураком, — негромко сказала королева, и я не сразу понял, что это относится не ко мне.

— Ты же назвала его имя! Разве я не могу им воспользоваться?

— Дурак, — повторила она насмешливо. — Ты знаешь о Земле даже меньше, чем тебе кажется. В Срединном Мире тысячи Томасов. В земном имени столько же силы, сколько в ореховой скорлупе.

Охотник не смутился.

— Ну ладно, — сказал он. — Тогда поищем другой путь.

— Ха! — фыркнула королева. — Ты просто хочешь подразнить меня. Ты все равно не знаешь, что делать, даже если получишь его полное имя.

— Да, наверное. — И не сказав больше ни слова, охотник пришпорил коня и исчез за деревьями.

Голубь снова опустился на руку королевы.

— Иди же, — сказала она ему. — Времени у тебя мало, но все-таки еще есть. — Она взмахнула рукой, и голубь взлетел. — Молчишь, Томас?

А что мне было делать? Молчу. Рот пересох, и горло сжалось от страха.

— Нет, — говорю, с облегчением переведя дух. — Это я из осторожности.

— Вот и хорошо. Не надо тебе бояться моего Лорда Серебряных Стрел, на смертных он не охотится.

Наверное, это должно было утешить меня. Но я и так не долго страдал. Золотоволосая женщина в богатых зеленых одеждах скакала со мной через леса, составлявшие ее прекрасные владения. Я был в услужении у Королевы Эльфов, и вокруг меня простиралась Земля Грез.

Вскоре лес сменился луговиной. Мы давно потеряли желтую тропу и теперь поднимались на холм прямо через волнующиеся травы, доходившие до стремян. Конь шел уверенно, словно по невидимой дороге. На вершине холма возвышался замок, окруженный стеной без всякого намека на ворота или двери.

Королева обернулась ко мне с насмешкой в зеленых глазах.

— Ты готов, Томас?

Я вцепился в нее изо всех сил, думая о том, как хочется жить. Потом был порыв ветра, и вот уже копыта цокают по мощеному двору перед конюшней.

Вокруг, как морские чайки, парили крылатые создания, спускаясь с крыш и башен.

Среди них не было ни одного обычного существа. Прекрасные были прекрасны так, что и поверить нельзя. А уродливые были уродливы так, что страшнее не придумаешь. Королева светилась радостью, обогревая всех своей улыбкой, как солнце.

— Госпожа! — Огромный звероподобный мужчина, полуобнаженный, с оленьими рогами на косматой голове, протянул королеве руки и бережно снял ее на землю.

Я поспешно соскочил на камни мостовой с другой стороны и едва устоял, так затекли у меня ноги.

Но эльфийский народец быстро обнаружил меня.

— У королевы новый смертный, — объявил грубоватый парень с дубовыми листьями вместо прически.

— Интересно, а этот как — дурак или умный? — спросила томная дама с руками, обросшими плющом.

Сияющее создание с огромными, сложенными за спиной крыльями тронуло прядь моих волос.

— Блестящие, — сказало оно.

Я с беспокойством завертел головой, высматривая королеву, но она оказалась уже на противоположном конце двора, на площадке лестницы, в окружении придворных.

— Он стесняется, — ласково предположил высоченный эльф.

Дама в плюще хихикнула.

— Думаю, это ученый человек, — сказала она. — Возможно, монах. А-а, тебе смешно, смертный?

Жаль. Мне всегда хотелось увидеть монаха. А правда, что у них нет...

— Сыграем в загадки! — крошечная девчонка с голосом, как несмазанные дверные петли, перебила всех. — Так мы проверим его ученость.

— Верно. Начнем с легкого.

Что белее молока,
Что помягче, чем шелка?

Они выжидательно смотрели на меня, а мне чуть плохо не стало, я же не мог ответить. Это ведь детская песенка, любой ребенок знает: снег.

— Слишком легкая, — заявил темноглазый эльф, — вы его просто обидели. Вот. — Он опустился передо мной на колени:

Стоит в лесу колодец,
На дне колодца — чаша.
Кто уронил сосуд тот
И кто наполнит вновь?

Я покачал головой; этой загадки я не знал. Не думаю, чтобы кто-нибудь из смертных сумел ответить.

— Видите! — заскрипели несмазанные петли. — Ничего не знает!

Высокий эльф изящно поднялся.

— Ну с ним ведь королеве разбираться, не нам. — Он приобнял плотного человечка, и они двинулись прочь.

Я почувствовал легкое прикосновение. Женщина в сером вложила свою руку в мою.

— Идем, Томас, — сказала она. — Нам надо отдохнуть.

Я не сразу узнал королеву, потому что выглядела она усталой и осунувшейся, как любая смертная женщина после долгого пути. Никто не сопровождал нас, пока мы поднимались по ступеням в замок и шли коридорами вдоль стен, богато украшенных гобеленами. Я видел окна из драгоценных камней и гардины из живых цветов. Наконец мы вошли во внутренний покой. В центре залы стояла огромная постель в форме морской раковины, украшенная жемчугом. Я снял с королевы плащ и развязал тунику. Тело у нее было прекрасным и гибким. Она почти ничего не весила у меня на руках и улыбалась, пока я укладывал ее в постель, как сонного котенка.

* * *

Проснулся я уже в другом месте. Я слышал плеск фонтана, меня обдавало теплым ветерком, напоенным ароматами цветов. Постель была узкой и мягкой, я спал нагим под роскошным покрывалом.

И я не знал, кто я.

В памяти у меня оставались комната из серого камня и постоянное ощущение холода. Маленький домик, запах сырой шерсти и старая пара... мои родители — нет, не родители — я повернулся на бок и уставился в стену, чтобы собраться с мыслями. Покрывало шелковисто соскользнуло с плеча... оно и было из шелка! Я — принц! Нет, любимец принца — о Боже, вот в чем дело! Я должен вечером за ужином сыграть мою новую песню на зависть итальянцам, а она еще не закончена.

— Сэр?.. — произнес голос. Я повернулся, но никого не увидел. — Сэр, здесь для вас сок из яблок Западной Страны.

Серебряная чаша на серебряном подносе повисла в воздухе в опасной близости от моей головы. Я широко зевнул и провел руками по лицу.

— Госпожа просила напомнить, чтобы вы не говорили со мной. Если эта еда вам не понравится...

Я схватил кубок, надеясь, что смолкнет этот странный бесполый голос. С одинаковым успехом он мог принадлежать и взрослой женщине, и мальчику-кастрату. Память вернулась ко мне. Я не на Земле. Я стал возлюбленным Королевы Эльфов и жил теперь в краю за Кровавой Рекой, в стране туманов и слоновой кости.

Я надеялся только, что в последующем мои пробуждения не будут такими тяжелыми.

Я выпил сок и подошел к окну. Оно занимало полстены от пола до потолка, с обеих сторон его обрамляли изящные витые колонны. Я стоял между ними и смотрел в зеленый сад, на тропинку, огибавшую пруд с лилиями. В центре пруда бил фонтан.

Мне на плечи набросили синий шелковый халат. Мой невидимый слуга нерешительно произнес:

— Вас разместили в летних комнатах, сэр. Смертным поначалу в них уютнее всего. В следующей комнате вас ожидает одежда на выбор.

Безголосый, я не мог отказаться от этого предложения и перешел в соседнюю комнату.

Еще одно светлое помещение. Всю обстановку составляли подушки, достаточно большие, чтобы сидеть на них, и коллекция совершенно незнакомых музыкальных инструментов. Вдоль одной из стен стояла скамья с разложенной одеждой.

Это был гардероб принца. Он включал в себя все — от мягких шерстяных кофт до шелковых чулок и бархатных беретов.

Я выбрал простую белую рубашку с широкими рукавами и серую льняную тунику. Цвет, однако, оказался обманчив: серый в тени, на свету он вспыхивал травянисто-зеленым. К тунике нашлись и серые чулки. Из обуви я выбрал мягкие туфли без всяких украшений.

— А теперь, пожалуйста, сэр, следуйте за мной.

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Я не могу идти за тобой, не видя тебя», — и снова закрыл, слова оказались не нужны. Кубок позвякивал на подносе; я шел за пустой посудиной, она вела меня по залам.

За время нашего пути тени стали длиннее. Мы вошли в темный каменный коридор, я видел много таких в замках на Земле. Мой слуга взял со стены факел. Он горел синим холодным светом, и пламя совсем не колебалось. Свет был голубее, чем лунный; я взглянул на свои руки, они были, как у трупа, а серебряный кубок, за которым я шел, сиял, как святой Грааль.

Факел остановился у двери, незримая рука распахнула ее. Внутри я увидел огромный зал, полный пирующих эльфов. Все было залито ярким синим светом факелов. Только за главным столом горели восковые свечи, но их золотой свет, встречаясь с синим, превращался в пятнисто-зеленый, словно пирующие за этим столом находились в зеленом лесу. Очарованный, я старался не обращать внимания на мертвенные блики, скользившие по лицам и одежде, уговаривая себя, что это, в конце концов, свет и ничего больше. Я никогда раньше не задумывался, насколько свет солнца и огня согревает наши глаза, наполняет их живым сиянием и даже больным придает румянец здоровья и золотит кожу влюбленных, делая их похожими на богов.

За высоким столом встала какая-то местная модница. Я с трудом узнал свою королеву. Она подозвала меня, и я пошел через весь зал мимо менестрелей и акробатов и преклонил перед ней колени на высоком помосте.

Конечно, все глаза устремились на меня.

— Встань, — ласково обратилась ко мне королева. Я поднялся с колен, но остался стоять там же, где и был. Справа от нее сидела очень симпатичная дама, а слева — вчерашний темноволосый охотник.

— Добрый вечер, Томас, — любезно приветствовал он меня, но по удивленному взгляду эльфа, сидевшего слева от него, я понял, что упоминание имени считается здесь неучтивостью. Я предпочел не заметить ее и любезно поклонился ему.

Охотник приподнял малиновую бровь.

— Так этот кутенок еще и немой, сестра? — обратился он к королеве.

Она ответила:

— Его слова предназначены только мне, но все же он не безгласен.

— Угадываю первый раз, — сказал Охотник. — Музыкант?

— Так и быть. Подскажу. Ветер не может того, что могут десять мужей.

— Угадываю второй раз: флейтист?

— Опять подскажу. Безголосое дерево, меч без клинка.

— Угадываю третий раз: арфист?

— Угадал с трех раз! — вскричала королева, а ее окружение захлопало в ладони. — Но ты догадался только наполовину.

— Неважно, — снисходительно проговорил Охотник. — Несомненно, это выдающийся арфист. В музыке ты разбираешься лучше всех.

Руки его лежали на столе одна на другой. Он медленно начал раздвигать их, а пространство между ними заполняла маленькая арфа, еще миг — и вот он уже держит в руках инструмент.

Она была из белого дерева, изогнутая, как лебединая грудь, с белым голубем, вырезанным на деке. Серебряные струны, казалось, сами собой звенели в изменчивом свете. У меня руки зачесались испробовать арфу. Лорд-охотник протянул ее мне.

— Мой дорогой брат уже делает арфисту подарки? — Голос ее насторожил меня и мигом вернул к тем преданиям, о которых я так часто пел. В них людям случалось принимать эльфийские дары, нередко на свою беду.

Королева избавила меня от необходимости думать дальше, она сама взяла арфу.

— Очень миленькая, — деловито произнесла она, разглядывая инструмент со всех сторон. Под ее взглядом цвет арфы начал меняться на эбеново-черный, а голубь превратился в загадочно вырезанный узел, оправленный в серебро. — Как бы то ни было, ты услышишь его игру.

Я с радостью принял арфу у нее из рук.

— Сыграй нам, — сказала королева так же, как говорили до нее многие в десятках замков на Земле.

Только сидящие за столом обращали на меня хоть какое-то внимание; все остальные в зале вернулись к своим собственным увеселениям. Чтобы завладеть их вниманием, я мог бы начать с плясовой или грозной музыки, но неземной свет надоумил меня попробовать другое. Я давно понял: арфист должен доверять своему чутью. Музыка сама подскажет тебе, когда настает ее время. Я внял этому зову и начал играть вступление к «Тонущему Ису».

... Некогда в Малой Бретани жила-была принцесса. Однажды она изменила своему народу ради возлюбленного, открыла для него шлюзы, и вода затопила королевство. Это длинная вещь; я сыграл только плач тонущей земли, отныне навек затерянной на дне моря. Этот отрывок, нежный и печальный, всегда действует на слушателей.

Когда я играл первые такты, королевский стол слушал меня из вежливости, но вскоре музыка захватила их. Я играл негромко, только для тех, кто сидел рядом, чувствуя, как собирается позади меня внимание всего зала, словно огромный теплый зверь готовится к прыжку. Я начал играть погромче, уже для всех... и весь зал стал моим.

Я знаю эту огромную тишину, как знаю воздух, которым дышу, и воду, которую пью. В деревенском кабачке или в замке она одна и та же.

Тишина длилась даже тогда, когда затих последний отзвук струн.

Я стоял молча, руки неподвижно лежали на арфе. Кто бы ни нарушил тишину, это буду не я: для менестреля молчаливое внимание слушателей — высшее посвящение.

Нарушил его неожиданный мужской голос, взревевший: «Пить! Пить! Меня мучит Красная Жажда!»

Я ошарашенно взглянул на королеву. Она сжала губы, словно давая мне знак: «Тише. Потом поймешь». Королева отпила большой глоток из стоявшего перед ней кубка, прежде чем обратилась ко мне.

— Хорошо. Садись, менестрель, ешь и пей вместе с нами!

Она указала мне свободное место недалеко от себя. Стало быть, я менестрель, но менестрель любимый, который сидит за ее столом, хоть и не по правую руку. Я помнил, что нельзя касаться эльфийской еды и питья, и ел принесенную для меня земную еду: виноград из Смирны, датский сыр, лепешки из Уэльса и испанские фиги.

Когда слуги обнесли всех блюдами, я гадал, попросят ли меня сыграть еще, разрешат ли мне взять арфу в мои комнаты, или она превратится в сухие листья или цыплячьи кости, едва я выйду из зала. Вынужденный молчать, я слушал разговоры вокруг:

«Он сказал, что она устала от него, но ее доброта не знает усталости...»

«К Пляске оно для меня будет готово...»

«Конечно, когда я был там в последний раз, этот маг тоже успел...»

«Ее время на исходе, а он и не знает об этом...»

«Настоящий лунный свет дает больше сил, чем свечи...»

Я смотрел на это удивительное море и все острее чувствовал свое одиночество. Я думал: Господи, спаси и помилуй, семь лет выносить такое, и это только первая ночь... Я пытался думать о Мэг и Гэвине, но синий свет вставал между мной и моей памятью о живом огне мирного очага. Впервые с тех пор, как я сел на эльфийского коня, я подумал об Элсбет. Она зримо возникала у меня перед глазами, как не раз появлялась со времени нашей первой встречи: словно в сознание утопающего, живым потоком хлынули в меня воспоминания о днях, проведенных с ней, только теперь эти воспоминания были чисты, как прекрасные старинные легенды. Как бы ей понравилось здесь! Ее ведь всегда тянуло в дальние, запредельные края...

Я улыбнулся в душе, пожелав, чтобы Элсбет оказалась здесь, со мной — а потом в испуге заморозил и свою улыбку, и это желание. Здесь, в сердце волшебства, все может случиться! Я сам выбрал для себя эту участь. Вся моя прожитая жизнь привела меня к свиданию на холме с неземной, бессмертной королевой. Что знает Элсбет о подобных вещах? Обреченный на семь лет разлуки с родом человеческим, я в каком-то смысле заслужил это. Что бы там ни говорила королева, я был слишком хорош для смертного мира, и в то же самое время недостаточно хорош для него. А Элсбет... в

ней, как и в Мэг, и в Гэвине, было именно то хорошее и подлинное, чем славен род людской. Им не место здесь. Как бы мне не навлечь опасность на моих любимых! Лучше убрать их из памяти. Элсбет поплачет и найдет другого. А моя нынешняя милая — Королева Эльфов.

Словно услышав мои мысли, дама слева от меня обратилась к королеве.

— Сестра, твой арфист устал.

— И правда, — сказала королева, — он ведь не привык к нашим часам. — Весь высокий стол расхохотался, хотя я так и не понял, почему.

— Ты все хорошо сделал, — успокоила она меня, — теперь отдыхай. Вот Эрмина* тебя проводит.

Эрмина оказалась эльфийской девчонкой, носившей горностаевую накидку, кажется, прямо на голое тело. Выходя из зала, я взял арфу с собой. Пока мы добирались неведомыми коридорами до моей комнаты, Эрмина без умолку болтала.

— Здорово! Ты и вправду угостил их на славу! Теперь у них Красная Жажда, это уж точно. Вы, смертные, это умеете. Вас этому учат, что ли, или это врожденное? Я думаю, врожденное, в крови, так сказать, ха-ха. Ты много отдал, пока играл, ничего удивительного, что ты так умотался, бедняга. Я и то устала: этот пир идет уже столько дней! Да, да, я знаю про время у смертных, не то что некоторые...

Я действительно устал так, словно провел на пиру несколько дней, а не несколько часов.

Вскоре мы добрались до королевской спальни. Я поставил арфу рядом с кроватью и едва успел стащить туфли и чулки, как провалился в сон без сновидений.

Меня разбудил утренний свет, это королева отдернула занавеску. Я приподнялся на локте, она обернулась и улыбнулась мне.

— Ну! — проговорила она весело. — Долго же ты спишь! — Я сонно улыбнулся в ответ. — Томас... — в голосе слышался ядовитый упрек. — Томас... — она уже смеялась вовсю. — Томас, где твои манеры? А ну, отвечай немедленно!

Честное слово, я едва не забыл, что я говорящий, но теперь вспомнил. Мои уста были разомкнуты лишь для нее одной во всей этой стране.

— Да, — сказал я сипло и прокашлялся. — Что?

Она сделала пируэт, живая, как девчонка после первого бала.

— Как тебе понравился наш пир?

— Это было... превосходно. Остановись, у меня голова кружится. Иди лучше спать, ты, должно быть, устала.

Она снова засмеялась. Я, конечно, поостерегся бы так говорить с ней, если бы не был уверен, что ей это понравится. Ее девичья радость подсказала мне нужный тон.

— Сладкое, заспанное дитя! Пиры — это удовольствие, они не утомляют меня. — Она подошла и присела на край кровати, по-кошачьи вытянув голые руки. — Но тебя надо покормить — ты уже столько дней ничего не ел, скоро от тебя только тень останется...

— Я ведь ел прошлой ночью.

— Прошлой ночью? А, ты имеешь в виду, на пиру? Ну, это было давненько. Но ты бы удивился, если бы узнал, сколько времени на самом деле провел в том зале.

Значит, дни здесь проходят за одну ночь? Я подумал о ее обещании дать мне провести семь полных лет в эльфийской стране... пожалуй, теперь я не стал бы так уж на этом настаивать. Но она сказала:

— Я стараюсь, чтобы ты жил здесь по твоему времени. Но ты же не можешь сразу привыкнуть. Я сделала так, чтобы в твоих комнатах, когда ты просыпаешься, всегда было утро. По-моему, тебе так приятнее.

Я был очень голоден. Она принесла поднос с едой, уверяя меня в ее земном происхождении. Она порхала вокруг, как колибри; то ее пальцы оказывались у меня в волосах, то они расстегивали мою рубашку, то подносили мне виноград и хлопали по спине. Когда я наконец овладел ею, она застонала и вскрикнула, совсем как смертная женщина, и вцепилась в меня так, словно хотела выжать из меня всю оставшуюся жизнь. Она лежала на спинке и наблюдала за мной с удовлетворенной улыбкой.

До сих пор она ни слова не сказала о моем удачном дебюте. Неужели он случился так давно, что она успела забыть об этом, подумал я кисло. Нет, не забыла.

— Поиграй мне, Томас, — сказала она лениво.

Я сел на край кровати и сыграл несколько простеньких переборов. Королева потянулась и улыбнулась.

— Тебе хочется знать, почему твоя игра так подействовала на них прошлой ночью?

Помнится, меня заинтересовало тогда, что у них в кубках? Не все старые эльфийские предания — о любви, есть среди них и весьма суровые. Вот я и счел за лучшее промолчать.

— Ты, наверное, знаешь из песен и из своего собственного опыта, — начала она, по-прежнему лежа нагишом на спине, — смертные и смертный мир влекут нас, хотя это и не мешает нам относиться к Земле довольно презрительно. На самом деле, ни один эльф не может жить без того, чтобы время от времени не посетить Срединный Мир. В вас есть такое теплое сияние, как у солнца, как у огня... Оно нас греет. Когда ты играешь, Томас, от тебя так и пышет жаром... нет, не то. Это не жар, это... как золото. Как сладкий воздух. Это само солнце, Томас. Солнце жизни, расплавленное красное солнце, которое уходит под землю, красное, как кровь, текущая из вас, когда вы умираете... Скажи мне, ты боишься смерти?

В голосе ее слышалась ярость страсти, дыхание прерывалось. Невозможно было устоять. Я схватил ее и крепко поцеловал.

— Нет, — ответил я не своим голосом. Во мне так и клокотала жизнь. — Нет. Не сейчас.

— Расскажи мне о смерти, — попросила королева. — Вот останавливается сердце, дыхание прерывается, надвигаются холод и мрак...

— Госпожа, я не знаю. Никому из людей не дано знать свою собственную смерть. — Теперь наши тела нашли общий ритм. Я говорил отрывисто, как всегда в таких случаях. — Когда придет моя, ты можешь ухаживать за мной и сама все увидишь.

— Но ты тогда будешь старым и уродливым, — капризно сказала она. — Скажи, а она пугает тебя?

— Да... — сказал я. — Нет...

Едва все кончилось, она вскочила с кровати, быстрая, как зеленоглазая тигрица.

— Иди в свою комнату, — велела она мне через плечо. В голосе ни удовольствия, ни раздражения. — Иди, у меня дела.

Я натянул кое-что из одежды, взял арфу и отправился в зал. Так я никогда и не узнал, что пьют эльфы, когда их охватывает Красная Жажда. Я думал о глубокой темной реке, через которую мы

*Ermine — горностай.

ехали, о реке, что была границей между двумя мирами, и о запрете для смертных есть и пить что-либо в этом мире. И я думал о ярких, чистых фонтанах и ручьях Эльфийской Страны, мне пока недоступных.

* * *

Я стоял один в зале рядом со спальней.

Мимо прошли несколько эльфов. Они взглянули на меня, но ничего не сказали, а я не мог заговорить с ними. Я вцепился в арфу, как в талисман.

— Сэр...

Я огляделся, но никого не увидел. За арфу тихонько потянули.

— Можно я понесу это для вас, сэр?

Я узнал голос своего невидимого слуги. Я покрепче ухватил инструмент и отрицательно помотал головой.

— Тогда, прошу вас, следуйте за мной.

Передо мной на уровне колен возник огромный медный ключ (значит, его держал кто-то ниже меня ростом?), и я пошел за этим путеводным ключом, и он привел меня в бело-синие комнаты с окнами в сад.

Прекрасные одежды по-прежнему были разложены на скамье, но я и так по жаре разделся до рубашки и не видел нужды добавлять к ней что-нибудь. Вместо этого я взял один из необычных инструментов. Он напоминал лютню с длинным, тонким грифом, только с тремя струнами и большими колками черного дерева. На пробу я пробежал пальцами по ладам — струны зазвенели, а когда я ударил по ним, отозвались хрупко и неглубоко, наверное, из-за плоской деки, обтянутой кожей, как барабан. Я немного поиграл, но не получил никакого удовлетворения. Инструмент был создан не для той музыки, которую я знал. По-моему, он был нездешний, ничего похожего в зале прошлой ночью я не видел.

Я вернулся к своей новой арфе — она была куда лучше всех прочих инструментов — сел во дворике и принялся за свой новый замысел. Каков же был мой ужас, когда я понял, что это всего-навсего мелодия старой песни «Беспокойная могила», сыгранная в другом темпе, ну, например, в танцевальном. Но кто же захочет танцевать под «Беспокойную могилу», как ее ни расцвечивай. Чтобы отвязаться, я просто решил спеть ее.

Тебя не покину я, милый,
Навеки верность храня.
Весь год просижу над могилой,
Не пропущу ни дня.

Когда миновали полгода,
Мертвый сумел сказать:
Кто копит скорбь над гробом,
Кто не дает мне спать?

На второй строфе я почувствовал, как меня коснулась прохладная тень. Но кругом по-прежнему звенел полдень, и неоткуда было взяться тени в этой земле. Я продолжал петь:

Это я, мой милый, осталась тут,
И не даю тебе спать.
Я ищу поцелуй ледяных твоих губ,
Мне нечего больше желать.

Над головой у меня зашумели крылья. На галечный бережок пруда с лилиями опустился белый лесной голубь. Наверное, так и должно быть. В подобном саду место как раз таким птицам. Голубь неотрывно смотрел на меня янтарным глазом, но я и не подумал петь потише.

Зеленые травы растут сквозь меня,
Холодом ноги укрыли...
Слезы твои скатились, звеня,
И саван мой старый омыли.

В том перелеске, любимый мой,
Где ты со мною гулял,
Самый красивый цветок лесной
До самого корня увял.

И вдруг желтый глаз голубя словно застлала темная пелена, а потом вылилась наружу алой каплей, сверкнувшей, как искорка фонтана, и запачкавшей нежные перышки на грудке птицы.

Когда же минет разлуки срок,
Когда мы встретимся, друг?
Когда упавший сухой листок
Зазеленеет вдруг.

Голубь плакал кровавыми слезами. Тайно руки мои упали на арфу и замерли. «Почему? — молча спрашивал я. — Бедная душа, что случилось с тобой?» У голубя была своя история, в этом я не сомневался. О чем там говорили в лесу королева и охотник? «Бедный безголосый голубь... Он — один из моих... Время его почти ушло...»

Посреди этой бессолнечной полдневной жары меня пробрал ледяной холод. Может, и он был смертным, забавлял королеву так же, как и я, но нарушил запрет, и вот теперь...

— Сэр...

Позади стоял мой невидимый слуга, обозначенный подносом с едой, висящим в воздухе. Наверное, из-за голубя я вдруг представил себя гусем, которого откармливают на продажу. Но слуга-то здесь ни при чем. Вздохнув, я взял поднос с фруктами, мясом и удивительно свежими булочками. Похоже, дома настало время ужина. Люди садятся за столы после долгих дневных трудов, смеются и шутят, говорят о том, что сделали за нынешний день под солнцем и что предстоит сделать, когда оно поднимется вновь.

Голубь по-прежнему сидел на краю фонтана. Он больше не плакал. Кровавые слезы засохли на перышках, как крошечные ранки. Я разломил одну из булочек, внутри она была мягкой и белой, как облако, и бросил крошки на землю между собой и фонтаном.

Голубь слетел вниз, радостно распустил хвост и начал клевать. Однако непохоже, чтобы он проглотил хоть крошку, скорее он напоминал воспитанного гостя, который деликатно ковыряет в тарелке.

Я по очереди предложил ему фруктов, мяса и даже несколько капель вина. Вино его заинтересовало. Может, он даже попробовал немного, трудно сказать.

Я почувствовал, как поднос потянули у меня из рук.

— Сэр, — произнес голос моего слуги, — если вы намерены играть с едой, я буду считать, что вы насытились.

Альтовый тембр сейчас явно напоминал женский голос. Я вцепился в поднос, словно пес в любимую кость, и голос сразу перешел на нейтральные тона.

— Хорошо, сэр. Когда закончите, просто поставьте поднос на землю.

Белый голубь взлетел на край крыши, накрывавшей сад. Я дружески кивнул ему, а он в ответ распушил перышки. Там он и оставался, пока я заканчивал обед. Я попытался сманить его снова

вниз, но тут постучали в дверь, как раз в ту, которая вела, как я полагал, в мои апартаменты. Ответить я все равно не мог и стал ждать, что будет делать мой слуга.

Я услышал, как открывается дверь. Кто-то заговорил неразборчиво, а потом раздался громкий презрительный голос:

— Вот где ты прячешься. Подходящее местечко, дрянь ты этакая!

— Да, сэр, — робко, словно набедокуривший школяр, отозвался мой слуга.

Мне не понравился тон. Слишком жестким был голос незнакомца, слишком робко отвечал мой слуга.

Я подскочил, когда услышал удар хлыста. Хлопнув себя по щекам, чтобы не заорать: «А ну, прекратите!», — я бросился в соседнюю комнату.

Юноша с оленьими глазами выглядел невинней рассвета. За ним стояла дама, обросшая плющом, и крошка с несмазанным голосом. Все трое в зеленом бархате и в сапогах до бедер. Высокий юноша обезоруживающе улыбнулся мне.

— Арфист! Посмотри, какое прекрасное утро! Мы собираемся на охоту, не хочешь ли к нам присоединиться?

На руке у него висел кожаный хлыст. Слуга мой по-прежнему оставался невидим, а я не мог ни спросить, что здесь произошло, ни высказать свое мнение по поводу этой компании.

Я еще раньше приметил (и даже примерил) охотничьи сапоги, а теперь нашел и костюм из зеленого бархата, вполне подходящий для охоты. Он тоже пришелся мне в пору.

— О! — воскликнули все трое, когда я предстал перед ними в полном облачении. — Превосходно! Едем!

Во дворе слышался перестук копыт. Здесь можно было увидеть любых ездовых животных, от прекрасных чистокровных коней до смешных маленьких мулов и козлов для тех, кто ростом не вышел. В изобилии встречались рога и тройные хвосты, каких я и представить себе не мог. Мое трио продолжало опекать меня. Из самой толчеи они извлекли каурую кобылку. Она казалась мне живой и теплой, и я сразу проникся к ней родственными чувствами. После легкого приступа сентиментальности я обнаружил, что уже зову ее Молли.

Оленеглазый гарцевал на стройном, сером в яблоках жеребце, Плющиха — на белой низкорослой лошади, а Скрипучка — на довольно крупном симпатичном козле с витыми рогами. Все подняли головы, когда в воздухе протрубил великолепный охотничий рог.

— Давай, арфист! — весело крикнул Оленеглазый, и я что было сил сжал руками и коленями бока моей лошади, когда она вслед за другими помчалась через мост, такой легкий и ажурный, что казался сделанным из воздуха.

Вокруг скакали обитатели Эльфийской Страны, большие и маленькие, рогатые и в листьях, и какие-то совсем уж дикие, одетые в зеленое. Вся эта кавалькада словно сошла с гобелена, расшитого руками безумца. Вскоре всадники, скакавшие впереди, выстроились стрелой, а мы веером развернулись за ними.

Я гадал, на кого мы охотимся. Может, и ни на кого: я заметил, что оружие было далеко не у всех. Лишь несколько эльфов покачивали длинными серебряными копьями, но зато каждый понукал свою животину и мчался вперед. Я молчал, но эта шальная скачка нравилась мне все больше, напоминая детские сны.

Мы спускались, почти не сбавляя скорости; скоро нас обступил лес. Кони рассыпались среди деревьев. То тут, то там мелькали зеленые пятна всадников. Некоторое время я еще слышал их перекличку, но постепенно Молли отстала, и наконец мы с ней остались в лесу одни.

Я не докучал ей, она словно знала, чего хочет, и неторопливо шла под деревьями. Выбравшись на прогалину, я услышал журчание и плеск. Неподалеку бил из земли родник. Кто-то обнес его невысокой каменной оградой. Я спешился и дал Молли напиться. На краю ограды заметил старую глиняную кружку. Кое-где из-под засохшей грязи сверкала яркая глазурь. От нечего делать я решил отмыть ее, нагнулся, зачерпнул и достал, до краев наполненную холодной, чистой водой. Мне хотелось пить, но я не стал этого делать.

Тут меня захватил странный звук; если один отголосок может задеть сразу все чувства человека, то этот был именно таким. Потом я не раз пытался повторить его с помощью арфы, но так и не сумел. Звук был высокий и мелодичный, холодный и чистый, как вода; он затрепетал во мне и отозвался острым восторгом.

На другой стороне поляны, за источником, стоял человек. Я понял, что это именно человек, а не эльф, хотя был он необычайно высок и красив, с широкими плечами и огромной бородой, падавшей на грудь.

— Кто меня зовет? — спросил он, и голос его проник в меня так же глубоко, как и хрустальный звук.

Я покачал головой, показывая, что не могу ответить. Молли взмахнула хвостом, обошла ограду и ткнулась мордой ему в плечо. Он погладил ее по носу.

— Эти леса полны волшебства, — сказал он мне вроде бы мимоходом, словно сразу понял и ласково извинил мою немоту. — Нужен ли я тебе, человече?

Я снова покачал головой.

— Я верю, — произнес он так, что мне захотелось заплакать. — Ты — бард, и стало быть, не можешь лгать. А сказать правду иногда можно только молчанием. — Он вытянул вперед мощные руки воина и потряс ими. — Я не бард. Иногда мне тоже приходится подолгу молчать, человече, но так нужно.

Выражение безмерного терпения на его лице почему-то мучило меня до слез. Я утешил бы его, если б мог, я бы сделал для него и больше... Я протянул ему полную до краев кружку.

— Нет, пока еще нет, — сказал он и улыбнулся теперь по-настоящему. — Я повременю, пока не будет крайней нужды. А уж тогда я выпью, и с радостью.

Я поставил кружку на край ограды.

— Однако же ты позвал. Ты пока еще не с ними, хотя и носишь их одежду.

Я посмотрел на свой зеленый бархат, на высокие кожаные сапоги. Я хотел объяснить... Нет, я не мог бы помочь ему, и он мне — тоже.

— Скажи мне только одно, — торжественно вопросил он. — Когда настанет последняя битва, где будешь ты? Будешь ли ты среди воинов Волшебной Страны, или поскачешь с песней рядом со мной?

Я пересек поляну и преклонил перед ним колени. Я взял его руку и прижал к губам. Я присягнул ему на верность, и для этого мне не понадобились слова. Рука у него была сильной и теплой. Он коснулся моей склоненной головы.

— Хорошо. Теперь иди, брат, и скажи своей

госпоже, что Король все еще ждет. Пусть удача сопутствует тебе.

Молли фыркнула и недовольно махнула хвостом. Он исчез. А пустая кружка, подпрыгивая, скатилась в колодец. Я ненадолго припал к лошадиному боку, впитывая живое тепло, дыша уютным конским запахом. На Земле я знавал и королей, и героев, считавшихся великими, но перед ним все они были детьми. В нем не было ни грана эльфийского, зато очень много другого, того, чем славен человеческий род — любовь, вера, мужество, терпение и щедрость — всего этого было в нем в избытке. Все низменные страсти он выжег на таком огне, который я и представить не мог. Память о Короле я затаил в своем сердце, как раскаленный уголь истины среди обманчивых чар и изменчивых красок Эльфийской Страны.

Я снова уселся на Молли, и мы с ней не торопясь поехали прочь. Скоро я наткнулся на Оленеглазого, Плющиху и Скрипучку. Они сидели с другими эльфами в кругу из древесных пней и пили из серебряных фляжек, а кони их паслись вокруг.

— А! Арфист! — радостно закричали они, не выказав ни тени удивления. — Охота кончилась, посиди с нами.

Я послушно слез с коня. Король у родника... По сравнению с ним эльфы казались хрупкими и призрачными. Наверное, они и сами это чувствовали, потому что потянулись ко мне, словно к костру. Я вспомнил слова королевы о золотом сердце смертных и, кажется, даже пожалел их.

— Хочешь выпить? — Оленеглазый протягивал мне свою фляжку. Остальные с интересом наблюдали, клюну ли я на приманку. Конечно, он понимал, что я откажусь, но, наверное, просто не мог удержаться и не поиграть с моей человеческой сущностью. Когда я только прибыл, он точно так же выспрашивал мое имя.

— Да нет, — Плющиха с томным выражением отвела в сторону фляжку.

— Не станет арфист пить с тобой.

— Давайте не пойдем домой, давайте пойдем в горы.

Мне перепало два-три ехидных взгляда.

— Пойдемте, подменим кого-нибудь.

— Давайте танцевать, — сказала женщина с пальцами-корнями. — Могу поспорить, арфист заставит вас плясать.

— Без арфы? — обидно усмехнулся Оленеглазый.

«Ну что ж, без арфы, так без арфы», — подумал я, встал на пень и запел:

Навеки пьян от твоего лица,
Навеки пьян, едва тебя я встретил,
Навеки пьян от твоего лица,
И никогда мне не забыть тот вечер.

Это старинный танец. Там, где прошло мое детство, поблизости не всегда случался скрипач или арфист, и люди просто пели мелодию, используя первые попавшиеся слова. Петь музыку нелегко, едва остановишься перевести дух, как собьешься с ритма.

О кто там стащил одеяло с меня,
Кто там стянул одеяло с меня,
Кто уволок одеяло с меня,
Вовсе никто, только Конла...

Эльфы кивали в такт.

Лиззи Витт, что за вид!
Подтяни юбчонку;
Старый Брентон в уголке
Чмокает девчонку!

Эльфы танцевали вокруг, а у меня перед глазами снова прошли летние луга моего детства; люди танцевали в доме моих родителей, а какая-нибудь крепкая старуха забиралась на стол, выдавая стишки про всех подряд, один другого хлеще.

Гарри красивый, Гарри нарядный,
Ну разве он не пригож?
Всех девушек он перецеловал,
С каждой был мил и хорош.

Я открыл глаза. Передо мной на зеленой эльфийской земле притопывали и раскачивались под музыку смертных совершенно фантастические создания. Среди них я сразу заметил черную, как вороново крыло, голову Охотника. Раньше его с ними не было.

Охотник взглянул на меня, а все прочие будто выцвели, потускнели, как призраки. Так тускнеет память: их стало меньше, Охотника — больше. Казалось, он возник прямо из воздуха, но его алые губы и красные брови выглядели на редкость настоящими.

— Так, Томас, — сказал он мне.

Впервые ощутил я действие своего имени. Может, я слишком долго пробыл с эльфами, и их обычаи успели въесться в мою кожу. Может, я так отвык от звуков собственного имени, что любого, окликнувшего меня, начинал считать другом. Как бы там ни было, я прислушался.

— Пойдем, Томас, — позвал он, и я пошел с ним с поляны и дальше по тропинке в лес, к маленькому ручью.

Охотник сел на замшелый валун и принялся кидать в ручей камешки.

— Жил-был некогда рыцарь, — заговорил он. — Довелось ему жениться на прекрасной даме, и, когда пришло время, у них родилось дитя. И все было бы хорошо, но мать прекрасной дамы позавидовала счастью дочери, и особенно тому, что молодые сами, без ее помощи, нашли друг друга. Эта ревнивая женщина наняла шайку головорезов, те напали на дом рыцаря и убили его вместе с ребенком. Мать думала, что теперь-то дочь обязательно вернется к ней. Но бедная вдова, похоронив той же ночью своих мертвых, обрезала свои длинные каштановые волосы, переоделась в одежду мужа и много дней провела в дороге, пока не пришла к королевскому двору, ища не справедливости, а службы: вдова рыцаря стала слугой короля и многие годы служила ему столь успешно, что со временем стала королевским управляющим. А теперь отгадай, Томас, что стало с рыцарем?

С этими словами он кинул в ручей последний камешек, и он упал с каким-то сердитым, громким бульканьем.

«Он мертв и похоронен», — подумал я, понимая, что все не так просто. Но я ведь не эльф; что мне за дело до тех игр, в которые играют Охотник с Королевой?

Но вопрос был задан, в миропорядке образовалась дыра, а для людей с характером любая прореха — вызов.

Охотник встал, стряхивая листья со своего зеленого камзола, и негромко свистнул сквозь зубы. Моя Молли притрусила ко мне из-за деревьев, я взгромоздился в седло и уехал.

Конечно, я мог бы плюнуть на вызов Охотника; я так и собирался сделать. Даже если я найду ответ, мне пришлось бы спеть его, вот нелепость! Ну а

если, пусть даже случайно, я все же решу его загадку... Да, любопытную он рассказал историю.

Молли доставила меня в замок.

Едва я спешился, подошел эльф и сообщил, что королева ждет меня в башне. Я нашел ее в круглой комнате наверху, яркой от эльфийского дневного света. Она сидела за рамой с натянутым холстом и выглядела совсем по-домашнему, пока я не увидел, что она не вышивает, а распускает вышивку. Королева забавлялась; может, это была игра, может, какое-то мастерство.

Маленький эльф играл на лютне. Музыка мне не понравилась — чисто эльфийский строй. Королева подставила лицо для поцелуя.

— Охотился, Томас?

Как всегда, мне потребовалось мгновение-другое, пока я вспомнил, что могу отвечать ей.

— Наверное. Хотя так и не понял, на кого. Но я встретил Короля, который ждет, а Охотник очень вольно обращался с моим именем.

— О... — призадумалась она на миг. — Будь осторожнее с ним. Он не сможет сильно повредить тебе, но поймать в ловушку из-за твоей собственной глупости способен.

— Но зачем ему меня ловить? Ты говорила, его не заботят смертные.

Она повернулась и жестом отослала музыканта.

— Ты — мой, и уже поэтому для него интересен. Боюсь, тут я не смогу помочь. Может, — она вздохнула и взялась за другую нитку, — ему просто скучно. Иногда такое случается.

— Но ты-то никогда не скучаешь. — Я снова поцеловал ее.

— Нет, ты присматриваешь за этим, — сказала она, отвечая на мои поцелуи.

— Я счастлив развлекать тебя, но к Охотнику это не относится. Королева Эльфийской Земли... почему бы тебе не назвать мне имя Охотника? Это развлекло бы меня.

— О нет, Томас, никогда тому не бывать, чтобы смертный узнал имя одного из эльфийских лордов.

Я отпрянул от моей ненаглядной и вызывающе прислонился спиной к теплой каменной стене.

— Тогда и никому из смертных не ублажать Королеву Эльфов.

Моя госпожа выдернула еще одну нить.

— Ну вот и хватит, — ледяным тоном проговорила она. Синий цвет исчез с рамы. — Тебе незачем знать имя Охотника. Иди сюда, Томас. У тебя есть я. Что тебе еще нужно?

— Ничего... если бы ты была у меня всегда, — неожиданно сердито проговорил я и сам удивился: «Если бы ты была у меня всегда». Это было так просто, я мог бы сообразить и раньше.

Королева обняла меня и принялась целовать в щеки, в волосы, в лоб.

— Всегда приходи ко мне. Вот мое кольцо, — она надела зеленый камень мне на палец. — Когда захочешь меня, только подыши на него, и я тут же за тобой пришлю.

Я поблагодарил ее и долго молча целовал руки.

Этой ночью я снова играл на пиру. Охотник не сел с королевой за один стол; он часто смотрел на меня, но ничего не говорил. Про загадку я не вспоминал. У меня на пальце горело золотое кольцо королевы, обольстительная исполнимость обещаний жгла меня. Я поглядывал на королеву, сиявшую среди своей блестящей компании, и думал, что скоро она опять будет моей. Едва откланявшись и отнеся арфу к себе в комнаты, я подышал на зеленый, как трава, камень в кольце. В тот же миг торжественный эльф возник у моих дверей. Я прошел вслед за ним вечно меняющимися коридорами замка к королевской опочивальне, где госпожа моя уже ждала, и ее одежды вмиг соскользнули с ослепительных плеч под моими нетерпеливыми руками.

— Видишь? — сказала она. — Я здесь, Томас.

Утром я проснулся в своих собственных комнатах, чувствуя себя отдохнувшим так, словно проспал без малого сутки, а то и двое. Я поднялся, поел и выкупался в пруду с лилиями. Слуга протянул мне толстое полотенце. Я вытерся и отправился в музыкальную комнату (там же хранилась и моя одежда).

На этот раз я выбрал шелка с искусной вышивкой и мягчайший лен, неторопливо оделся, потом подул на кольцо и снова отправился к королеве, чтобы она все это с меня сняла.

Я уже и дня не мог выдержать без нее; ни сады, ни музыка, ни странная природа Эльфийской Земли не радовали меня больше, чем ее голос, ее кожа, ее прикосновения. Моя арфа валялась без дела, я забросил сочинительство, да и зачем складывать какие-то песни, если можешь держать в руках госпожу всех песен?

Однажды мы стояли в густой траве под деревьями, пониже тех лугов, где в умиротворенной грезе вечно бродят древние влюбленные.

— Скажи, мертвые приходят сюда, чтобы обрести счастье после смерти? — спросил я королеву, как никогда ощущая полноту жизни.

— Нет, — ответила она, ласково откидывая мне волосы со лба. — Ты говоришь о рае, Томас. Я уже показывала тебе однажды дорогу туда. В том, другом саду. Помнишь тернистый путь, по которому, как ты решил, никто не сможет пройти?

— А, это... Ты что же, хочешь сказать, что если бы я выбрал ту тропинку, то в конце концов оказался бы на Небесах, среди блаженных святых?

— Да не ты, конечно, — усмехнулась она, — не ты...

Я наседал, пока она не засмеялась в голос, и все-таки заставил ее добавить:

— Мало кому из людей был дан такой ясный выбор еще при жизни.

— Но эти люди, — настаивал я, — здесь, на лугу, разве все они не умерли в Срединном Мире?

— Ах, да, давным-давно. — Она взъерошила мне волосы, на этот раз намотав прядь на палец. — А теперь хватит вопросов, Томас. Хотел бы ты не жить, а провести здесь свою Вечность?

— Я бы не возражал, — пробормотал я ей в ухо.

— Нет, — неожиданно сурово ответила она, — ты ошибаешься. Это совсем другое дело. Здесь плохой край для человеческой души, если она ищет успокоения. Разве что ты стал бы похож на того Короля в лесу, чье последнее дыхание никогда не было принято на Земле... Томас, тебе понравилось бы самому стать песней? И услышать однажды ночью в зале о том, как ты семь долгих лет любил королеву прекрасной Эльфийской Страны и как, в конце концов, вернулся, измененный, в Срединный Мир?

— А я вернусь? — выдохнул я. — И должен буду измениться?

— О, ты уже изменился, — беспечно ответила она. — Тебе и дальше предстоит меняться, до тех пор, пока твое время не кончится.

— Я расскажу тебе, что они будут петь, — поддразнил я ее, выбросив из головы мысли о доме. — Они споют о том, как Томас Рифмач вернулся на Землю, а Королева Эльфов вздыхала и сохла по нему, пока, наконец, не собралась...

Она прижала палец к моим губам, вынудив замолчать. Глаза у нее стали темно-синие.

— Пустозвон Томас. Все другие мои смертные любовники — ветер на холме, пыль в ущелье. А тебе

хотелось бы стать единственным исключением, перечаровать чародеев?

— Конечно, — сказал я. — А почему бы и нет?

— Экий самонадеянный смертный мне попался, — она приласкала меня. — За это я превращу тебя в лесной орех. Хоть какая-то польза будет на оставшееся время.

— Раз моя госпожа думает, что это лучшее, чем я могу служить ей... Раз она совсем совсем уверена... Могу я тогда стать единственным в мире музыкальным орехом?

— Нет, — прошептала она, — не можешь... — и мы перестали говорить об этом.

* * *

Может, меня охраняло кольцо королевы, а может, что-то другое отвлекло его, но как бы там ни было, лорд Охотник не показывался при дворе. Королева молчала, и я, по дурости своей, начал подшучивать над этим.

— Не иначе, кто-нибудь узнал имя Охотника, — сказал я однажды. — Может, хорошенькая нимфа заперла его где-нибудь?

Королева шлепнула меня по щеке, легко, но звонко. В этот момент мы нагие лежали в постели, где могли оставаться часами, без всякого желания покидать ее.

— Кончай-ка, — сказала она, — зту болтовню об именах.

В этот момент я неожиданно отчетливо увидел Элсбет, такую, какой она была в тот день, когда мы поссорились из-за имен Дивного Народа. Память мгновенно растеклась по телу острой болью.

Здесь не считали дни. Только по моим волосам, отросшим до плеч, я мог понять, что дней прошло немало. Однако ни королева, ни ее окружение нисколько не менялись. Живя здесь, с ними, я буду стариться, блекнуть, умирать у них на глазах. Впервые эта мысль ужаснула меня.

— Госпожа, — я сжал ее прохладные, сухие руки в своих. — Посмотри на меня.

Ее глаза, зеленые, как листья, обратились ко мне и выразили удовольствие тем, что увидели.

— Я смотрю, Томас.

— Госпожа, тот ли я, кого ты целовала под Эйлдонским Деревом? Или годы сжигают мою красоту, и в конце концов ты вышвырнешь меня из-за этого вон?

— Никогда, — она поцеловала меня в глаза. — Ты прекрасен и будешь таким еще многие годы. По моей воле Эльфийская Страна не состарит тебя.

Я вздрогнул под ее руками. Даже в этом мое тело зависело от ее воли.

— Пока ты служишь мне, Томас, не бойся утратить свою красоту.

Я поцеловал ее руки.

— А если однажды я не удовлетворю тебя, — пробормотал я, — ты превратишь меня в урода или просто спустишь на меня борзую старость?

Она подергала меня за волосы и погладила по лицу — словно бабочка порхнула возле щеки.

— Скажи-ка мне, когда ты первый раз обнаружил, что твоя красота притягивает женщин?

Я не смог удержаться от улыбки при воспоминании.

— А... Я тогда был очень молод. В общем, в то время мы все начали интересоваться девчонками. Мои друзья всегда жаловались, а я никогда не знал забот.

— И ты пользовался своими преимуществами?

— М-м-м...

— Вид у тебя, как у кота после сливок. И кто она была?

Лежа на спине с закрытыми глазами, я рассказал ей о Карей Мэг, кухарке, и о Лиззи в сыроварне, и о дочери лудильщика из Инвераллоха.

Комната тонула в полутьме; в горле у меня пересохло. Возле постели горели две свечи, в их свете кожа королевы вспыхивала матовым сиянием.

— Продолжай, — сказала она.

— Как? Еще?

— О, ты ведь устал. Бедный Томас, тебе надо подкрепиться.

Виноград из Бордо и корнуольское печенье, а потом поцелуи и еще поцелуи, и вдруг королева отпрянула от меня.

— Нет, нет, — игриво, но твердо сказала она, — еще одна старая любовь, а потом уже снова ко мне.

Я злился, что мои былые привязанности превращают в забаву, в игрушки, но что ей моя злость!

— О чем же тебе еще рассказать? Какую любовь мне еще вспомнить?

— Последнюю. Ту, о которой ты вспомнил, когда подумал о времени.

— Это ты.

— Нет. Ты знаешь, о ком я говорю.

— А... Девчонка, сельская девчонка. Да ничего особенного. Просто последняя, как ты сказала. А вот предпоследняя... это было сокровище.

Вместо Элсбет я подсунул ей Лилиас Драммонд: изгиб губ, родинку на шее, все те отчаянные штучки, которые мы с ней проделывали, и что я обо всем этом думал. Ну, может, прибавил, чего Лилиас и сама не знала.

Казалось, мои истории насыщают ее пересохший родник так же, как и мое тело.

Наверное, я слишком задумался и незаметно уснул, а может, даже и во сне продолжал болтать.

Когда я проснулся, на дворе стояла глухая ночь. Королевы и след простыл. Во рту пересохло, горло саднило от разговоров. Я протянул руку за кубком, который всегда стоял возле кровати, и вздрогнул от ощущения легкости на пальце.

Кольцо королевы исчезло.

Сердце у меня колотилось. Я был один.

— Госпожа, — сказал я громко. Голос мой жалко прозвучал в темной молчаливой комнате. — Госпожа!

Я задержал дыхание. Ни звука, ни дуновения.

— ГОСПОЖА!

Она не пришла, ее здесь не было. Я крепко ухватился за полированный завиток на спинке кровати. Не надо мне кричать таким сорванным, беспомощным голосом. Это голос ребенка, потерявшегося и несчастного.

Я не ребенок. Я сдернул с кровати простыни, швырнул их на пол и принялся трясти, а уши все ждали звука, которого, как я уже знал, не будет. Я пробирался к двери, спотыкаясь обо что-то, чего здесь раньше никогда не было. Я перебирал руками по стене, пока не нашел дверную ручку — бронзовую голову сатира, сработанную горными гномами, потянул на себя тяжеленную дверь и шагнул в зал.

Эльфийские звезды сияли через высокое окно, тени от колонн рассекали пол черными провалами. Там тоже никого не было. Я услышал болезненный тоскливый стон. Он мог исходить только от меня. Я стиснул зубы и задержал дыхание — на миг, еще на миг — надо было во что бы то ни стало овладеть собой.

— Они ушли, — произнес рядом со мной безжизненный голос. — Все ушли. Сегодня Ночь Танцев.

Я даже не повернул головы, там бы все равно обнаружилась лишь пустота. Я и так знал, кто это.

Как ни глупо, я на всякий случай откинул волосы за спину и пригладил их. Я был совершенно раздет и дрожал от холода.

— Нас не взяли, — сказал мой слуга. — Меня они давно уже не берут. Пойдемте, сэр, вы должны лечь.

О, я должен лечь, думал я, и хохотал про себя, а потом смех собрался в какой-то молот у меня в груди, он рвался из горла и вбивал меня в землю. Я услышал свой собственный крик, почувствовал резкие толчки в легких. Я сжался в клубок, вцепился сам в себя, пережидая истерический припадок.

— О, сэр, — встревоженно заговорил мой слуга, — пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не плачьте.

Я почувствовал у себя на плече маленькую руку, теплую и чуть-чуть влажную. Это участливое прикосновение взорвало меня. Я вскочил и бешено замахнулся, чтобы отшвырнуть его прочь.

— Простите! — завизжал мой слуга, и голос у него оказался таким же жалким, как и у меня. — Все хорошо... я не буду больше... простите, пожалуйста, простите...

Только это и могло меня пронять.

Я поднял обе руки умиротворяющим жестом и кивнул, показывая, что все в порядке. Дыхание у меня еще не восстановилось, живот ныл, и я опять дрожал от холода.

— Пойдемте, сэр, — кротко проговорил бестелесный голос. Но, видно, его тоже потрясло происшедшее, и он ушел, не взяв ничего, что показывало бы мне путь. Я ждал, безгласный и терпеливый, как скот, пока, наконец, он не вернулся со свечой.

— Нам нельзя тратить настоящий огонь, — сообщил он, — но сегодня никто не заметит.

Мои комнаты тоже тонули во мраке. Однако со свечой сразу стало уютно. Сначала я отправился в свой гардероб и взял длинный шерстяной халат, чтобы согреться. Хотелось пить, но кувшин был пуст.

— Там ничего нет, сэр, — сказал слуга. Я не знал, что он все еще здесь. — Но вы не беспокойтесь, завтра все опять будет в порядке.

В небе над садом висели огромные, словно игрушечные, звезды. Я взял арфу, единственную вещь, которую на самом деле ощущал своей. И поскольку говорить я не мог, я пропел свой вызов.

Что белее молока,
Что помягче, чем шелка?
Что острей, чем острый терн,
Что звучит мощней, чем горн?

Словно заклятие, я пропел подряд все загадки, какие знал, без отгадок. Бросая вызов эльфийским звездам, я ничего не давал там, где ничего не получал в ответ.

Кто отыщет земли плодородный слой
Между дном морским и морской водой?

Миллер Мозера спросил:
Далеко ли ты ходил?

Кто там, кто, у окошка спальни,
Кто тревожит мой сон печальный?

Я пел до самого рассвета, до угрюмого серого рассвета без красок, без солнца.

* * *

Королева не прислала за мной в тот день.

Я уже привык встречаться с ней, когда захочу, и мне все больше и больше хотелось ее с тех пор, как я потерял кольцо. Без нее я только ел и спал.

Словно клетку, я мерил шагами свои апартаменты и все ждал, ждал ее. Эльфы вернулись, я слышал в залах их голоса. Ко мне никто не пришел.

Мне все никак не удавалось унять беспокойство, и я начал обшаривать комнаты в поисках кольца. Опустошил карманы, смел пыль с верхних полок, поискал среди инструментов... Кольца не было.

Арфа казалась слишком тяжелой, она начала звучать каким-то грубым, визгливым, невыносимым тоном.

Я стоял, уткнувшись лбом в холодную стену, когда, наконец, послышался стук. Сердце заколотилось, кровь ударила в голову.

Мне казалось, что вслед за слугой к Королеве Эльфов шагаю по залам не я, а совсем новый ее любовник.

* * *

Она сидела у себя в спальне, читая книгу. Я и не догадывался, что она умеет читать. Остановясь у двери, я ждал. Она протянула руку; я подошел, опустился на колени и поцеловал ее. Она потрепала меня по голове.

— Томас, ты скучал по мне?

Ее голос пронзил меня, как копье. Оказывается, я успел забыть эту пронизывающую сладость и теперь задохнулся, словно от удара.

— Да. Конечно. Ты же знаешь.

— Я была занята, — небрежно объяснила она.

Я чувствовал, что тону, и только ее рука может меня спасти.

— Я люблю тебя, — сказал я, прижимая к щеке узкую ладонь. — Можно я теперь получу назад свое кольцо, прекрасная госпожа?

— Ах, нет, Томас. Кольцо останется у меня. Я просто дала тебе его поносить.

Я вскочил и навис над этой изящной, утонченной, невозмутимой красавицей, как коршун над цыпленком.

— Будь ты проклята! Дразнишь меня, как болотный огонь. — Я занес кулак и на какой-то миг даже поверил, что ударю ее.

Королева Эльфов рассмеялась мне в лицо.

— О, ты смог бы, Томас? Действительно смог бы?

Рука моя упала.

— Смог бы, — сказал я холодно, чувствуя, как по всему телу разливается оцепенение. — Если бы это помогало, если бы так можно было удержать тебя...

— Ну, ты не смог, и хорошо, теперь ты это знаешь. Иди ко мне, Томас, иди, потеряй себя во мне. — Я отпрянул. — Ты не можешь поступить по-другому. Ты знаешь теперь, что не можешь. В этом нет твоей вины, и так гораздо легче.

Она раскинула руки, и я пошел к ней. Мне было уютней, чем младенцу на руках матери, ибо что может знать младенец о горе мужчины или о голоде мужчины?

— Я люблю тебя, — невнятно пробормотал я.

— Да, — сказала она, — вот теперь все правильно.

И мир опять стал простым.

Да, я любил сидеть рядом с ней, смотреть, как она двигается, слушать ее голос. Иногда мы ласкали друг друга, а иногда она рассказывала мне об Эльфийской Стране или с удовольствием расспрашивала меня о моей родине. Со мной она смеялась так, как ни с кем другим.

Но она не всегда звала меня.

Кольцо с зеленым камнем снова сияло у нее на пальце.

Когда на нее нападала меланхолия, мне приходилось очень тщательно выбирать слова. Когда ей было легко и спокойно, я мог нести любую околесицу. Я ворчал на нее, подшучивал, требовал, как-то раз даже спросил ее настоящее имя.

— Зови меня Мэгги, — она улыбнулась и потянулась так знакомо, по-кошачьи. — Зови меня Лиззи, как любую из девчонок, которые ублажали тебя. Ты же как-то называл меня до сих пор?

— «Госпожа», — ответил я, — или «королева». Не слишком романтично.

— Поверь мне, если бы ты знал мое настоящее имя, было бы не намного романтичней.

* * *

Охотник вернулся. Я играл на пиру, пел, потом сидел и слушал других, и все это время он не сводил с меня глаз. Под этим взглядом я чувствовал себя словно голым, как будто своим молчанием я красноречивее слов объяснял всем, что значит для меня королева. Но я никогда не штурмовал крепостей в лоб, если существовала возможность обойти их, не то бы точно подошел прямо к нему и потребовал объяснений: чего он хочет от меня — на этом свете или на любом другом. Мэг была права: эльфы не похожи на нас. По сравнению с эльфом даже цыган-лудильщик покажется братом.

Он смотрел на меня, но ни разу не заговорил. Мне было не по себе. Я же не знал, чего он добивается, и вот мысли мои поневоле обратились к его истории о рыцаре и вдове-дворецком. Что стало с рыцарем?

В те хмурые дни, когда я сидел в своих комнатах и напрасно ждал зова, я не раз вспоминал рассказ Охотника.

«Не правосудия искала она, а службы. И в конце концов получила должность дворецкого... Был некогда рыцарь. Он женился на прекрасной даме...»

Я не мог выбросить эту историю из головы. Ничего не скажешь, красиво и трагично, только вот конца нет. Может, именно поэтому и красиво. А может, это все та же эльфийская магия. Я уже испытал их чары, когда поцеловал королеву под Эйлдонским Деревом, хотя она и предупреждала меня, что моему телу придется теперь последовать за ней. И ведь знал же я, чем дело кончится, но ослепленный ее красотой забыл, забыл все истории, которые сам же и рассказывал. Странно, что даже в тот момент, на пиру, я не подумал, что и сам стал персонажем подобной истории. То ли Охотник вовлекал меня в нее все дальше и дальше, то ли я просто скучал и томился?

Надо бы мне спросить королеву, но когда я бывал с ней, все это казалось таким неважным.

«И все у них было хорошо, но ее мать наняла шайку разбойников...»

Теперь в одиночестве я думал об этом постоянно. Что стало с рыцарем? Откуда — на земле или под ней — мне это знать?

Но история крепко вцепилась в меня, и тогда я решил поиграть с ней. Из нее могла бы получиться неплохая баллада или хотя бы часть, та, где так грустно говорится о ревности и убийстве. Эти образы трогали меня: юная жена ночью, одна, отправляется хоронить мужа и младенца... ее усталые шаги у королевской двери... Взяв арфу, я начал подбирать слова и музыку.

Мотив пришел быстро, скорбный, но настойчивый. Припомнилась мне одна история — там воины копают мечами могилы для своих собственных товарищей.

Ей не осталось ничего,
Чем рыть могилу для него.
Лишь меч, где запеклась их кровь.
Был муж, был сын, была любовь...
Теперь на саван ей пришлось
Пеленку взять, не смывши кровь.

Мрачновато, но начало положено. Теперь уже хватит телесных бед, самое время для сердечных страданий.

На свете не сыщется горшей доли,
Чем вечная мука сердечной боли,
Когда от могилы уходишь прочь,
И от рыданий дышать невмочь.

Впервые за последние дни мне стало спокойно в этом саду. Я закончу балладу, думал я с мрачным удовлетворением, а потом сыграю ее лорду-охотнику прямо на пиру, перед всем эльфийским двором. Будет знать, как обходится настоящий менестрель с его загадками!

Я вернулся к началу. Начало должно быть таким же крепким, как то, что я уже сочинил, и ему надлежит быть столь же светлым, сколь мрачна смерть.

Любовь подарила ей радостный дом,
Вьюнки и ромашки цвели под окном.
Прекраснее дома на свете нет,
Чем тот, который любовью согрет.

Вполне годится. Дом, влюбленные, предстоящая разлука... Но чего-то не хватало. Может, мне уже не дано? — с беспокойством подумал я. Может, я уже сложил все хорошие песни, которые были мне отпущены? Может, лучшего мне не достичь?..

Конечно, складывать балладу труднее, чем рассказывать историю. Дело не в рифмах. Я искал некий свежий поворот, чтобы захватить внимание слушателя и притянуть его поближе.

Любимый построил мне чудный дом,
Цветами убрали его мы вдвоем,
Красивее дома я не встречала,
Чем тот, где я сына его качала.

Это же так просто! Я должен был знать, что решение лежит на виду. Надо как следует разозлиться на себя, иначе ничего путного не получится. А всего и дел-то: пойти вслед за дамой, жить ее сердцем, чувствовать вместе с ней.

Матери ревность тому виной:
Убийц прислала темной порой,
Слуги в страхе бежали прочь.
Погибли сын и мой рыцарь в ту ночь.

В конце концов это ее история, это ее любовь убивали.

Убили сына, не тронув мать —
Горшую участь едва ли сыскать.
В кровавый лоскут я укрыла его,
Вот так в одночасье лишившись всего.

Я спел раз и другой, пока не удостоверился, что запомнил слова. Я снова и снова наигрывал мелодию, поправляя тональность, а потом отважился даже добавить кое-где аранжировку.

— Сэр... — Это слуга появился у меня за спиной. — Ваш обед, сэр.

Я только головой покачал. Ну не мог я сейчас остановиться.

«Обрезала косы, сменила одежды... надежды... прежде... вежды...» Нет, «сменила платье»... — нет, не бальные же наряды она меняет.

Сменила одежды, сменила имя,
Обрезала косы, подобно мужчине,
... Искать исполненье надежды...

Нет, нет, нет. Я начал петь снова, иногда, если просто споешь то, что уже наработано, следующие строчки приходят сами по себе.

Когда от могилы уходишь прочь,
И от рыданий дышать невмочь.

Обрезала косы, сменила имя... Сменила... что-то на что-то.

Я даже не слышал, как прилетел белый голубь. Сфальшивив, я с досадой поднял голову и увидел, что он сидит на краю фонтана и внимательно наблюдает за мной.

«Любимый построил мне чудный дом, — снова начал я, — его мы цветами убрали вдвоем...»

Я пел, и тут голубь опять заплакал своими жуткими слезами. «Не любишь музыку, — раздраженно подумал я, — мог бы приискать себе другой фонтан». Но играть при этом не перестал. «Сменила имя, сменила одежды... искала надежды... бывшего прежде...»

— Сэр, — снова раздался у меня за спиной настойчивый и даже немножко раздраженный голос слуги, — вы должны поесть.

Яростно обернувшись к подносу, висевшему в воздухе, я хотел выбить его из невидимых рук, но промахнулся, наткнулся большим пальцем на острие ножа для фруктов и затряс рукой от боли. Капельки крови разбрызгались по двору. Пришлось отложить арфу и зажать палец рукой. Меня удивило, что слуга до сих пор не превратился в сплошные извинения и перевязки. Может, он вообще удрал от греха подальше — я что-то не замечал подноса поблизости. Зато голубь мигом прекратил плакать. Он неуклюже соскочил с фонтана и, поддерживая крыльями равновесие, заковылял к одному из пятнышек крови — моей крови! Так вот чем кормится эта птица!

Я встал, собираясь спугнуть его. Отвращение и легкий страх не помешали мне пожалеть о том, что я пытался развлекать этого вурдалака хорошей музыкой.

— Нет, сэр, не надо!

От крика слуги голубь даже не вздрогнул. А у меня в голове от этого крика все мысли разом заледенели. До сих пор мой незримый услужающий не пытался ни мешать, ни указывать мне.

И тут голубь заговорил.

— Горе тому дню... Элеанор... — Это был голос человека, и человека из моих краев. — Элеанор... Горе тому дню...

Уж не знаю, какими силами я сам удержался от крика. Конечно, я забыл о своей раненой руке и опустил ее вниз. Белый голубь ковылял ко мне на своих коротеньких ножках, а я стоял столбом и тупо смотрел, как он приближается. Остановившись рядом со мной, он покивал головой и омочил клюв в крови, продолжавшей капать из моего порезанного пальца.

— Элеанор, Элеанор, любовь моя...

Наконец-то до меня дошло. Моя кровь дала птице голос. Я быстро сдавил ранку на пальце, и еще несколько крупных красных капель сорвались вниз. Голубь пил.

Но он по-прежнему только стенал.

Дико озираясь, я заметил рядом поднос и схватил злополучный нож. Пальцы мне еще пригодятся для игры, поэтому я надрезал вену на руке. Капли застучали по плитам двора, и голубь наконец напился.

— Время! — горестно воскликнул он. — Время мое почти вышло. Я не смогу заставить их увидеть, я не смогу заставить их услышать. Элеанор, любовь моя, радость сердца моего, это ради тебя отказался я от дороги в рай, ради тебя пересек кровавый поток, ради тебя принял этот облик и скоро потеряю свою душу, для тебя, для тебя, для тебя... — Голос перешел в голубиное воркование.

Я сделал еще один надрез на руке, но, пожалуй, это было лишним, я уже знал его историю.

— Слезы Элеанор на моей могиле! Я не мог их вынести. Мой только что отлетевший дух был охвачен жалостью и жаждой мести. Месть, месть... Ее мать должна умереть, умереть; моя Элеанор должна жить, жить... должна вернуть себе молодость и женственность...

«Жил некогда рыцарь. Он женился на прекрасной даме... и они были счастливы».

Обрезала косы, сменила имя,
Из Элеанор я стала...

Вот тебе, Охотник, твои загадки! Что же стало с рыцарем? Ты охотился на него в эльфийском лесу на огромном вороном жеребце, ты, завистливый лицедей!

Я снова выжал кровь.

— На Земле я могу только плакать, но не могу говорить... Я мертвый, Элеанор, я не могу помочь тебе, мертвый и навеки пропащий, нет больше времени...

— Есть у тебя время! — Это опять был голос моего слуги, но уже звенящий, взволнованный и совсем не бесполый. — Ты не понимаешь. Возвращайся в Срединный Мир, там время течет медленней.

Что толку этому бедняге даже от вечности, подумал я, если он не может говорить? «Бедный, бессловесный голубь... Ты бы смеялась до колик, если бы его видела... Одолжим ему голос Томаса...»

Я бы с радостью одолжил ему свой голос, но мне и самому позволено лишь петь. Но я мог бы сложить для него песню. И, возможно, она дошла бы до короля, которому служит Элеанор. Злая мать была бы разоблачена. Тогда рыцарь обрел бы покой, и судьба его свершилась бы сполна.

Не в силах сказать ему это, я снова взял арфу и заиграл. Мне казалось, он поймет...

— Да, — взволнованно проговорил мой слуга (а может, все-таки служанка?), — именно так. А теперь возвращайся. Томас закончит твою песню. Не отчаивайся.

Вот, значит, как... «Томас»? Этот голос принадлежал уже не столько слуге, сколько другу. И, конечно, он знал мое имя. Королева или даже Охотник должны были сказать ему. Это неважно. Отныне мы были заодно, кому бы он ни подчинялся.

* * *

Теперь я знал ответ на загадку Охотника, да только вопросов у меня не убавилось. Охотник жаждет добраться до голубя, это ясно с тех самых пор, когда мы с королевой встретили его в лесу. Он хотел, чтобы рыцарь не справился со своей задачей, чтобы душа его навеки осталась в голубином

обличье, игрушкой для его охотничьих забав.

А дух убиенного рыцаря, видно, сам отыскал путь в Эльфийскую Страну, заключил сделку со здешними силами, желая отомстить. Либо у него не было выбора, либо ему обманом навязали обличье немого голубя и отвели сколько-то времени, чтобы восстановить справедливость. Если он не уложится в срок, то не обретет покоя и станет добычей эльфа. Я и думать не хотел, что случится с его душой, если краснобровый Охотник все-таки пристрелит голубя.

Но с какой стати вздумалось эльфийскому лорду посвящать меня в свои развлечения? Может, он заодно решил позабавиться и моей неудачей? Ведь если бы не голубь, мне бы век этой загадки не разгадать.

И что я могу сделать? Только слушать да складывать песни. Я не чародей, нет у меня ни эльфийских чар, ни времени. А оно нужно мне, нужно, чтобы закончить песню Элеанор. Я невольно пытался представить, хорошенькая ли она?

— Король любит ее, — внезапно сказал голубь. — Я ночевал у нее за окошком. Она плачет по ночам. Элеанор, нет у меня времени...

Склонив голову на бок, он сразу стал похожим на обычного лесного голубя и улетел.

Я медленно поднялся на ноги. Голова кружилась, видно, от потери крови. Я поболтал рукой в фонтане, и скоро холодная вода остановила кровь.

Я собирался снова заняться песней, но вдруг почувствовал, что устал, так устал, что едва могу двигаться. Пристроив арфу в безопасное место, я разделся, собираясь залечь спать.

И тут за мной прислала королева.

Я завернулся в длинный халат и пошел за посланцем. Мы добрались до какого-то помещения, то ли беседки, то ли спальни, то ли огороженной части сада, где розы и вьюнки, жимолость и жасмин стояли стеной, образуя живой, благоуханный занавес. Королева полулежала под ним, одетая в накидку легчайшего шелка. Она раскрыла объятия, и я упал в них с тем яростным взрывом страсти, который предшествует полному изнеможению.

Ее прикосновения и мои ответные ласки мигом вытеснили у меня из головы всякие мысли о голубе и его бедах. А потом я неожиданно заснул, зарывшись лицом в ее волосы.

Долго спать мне не дали. Королева чувствительно пощипывала меня за руку над локтем. Ее пальцы быстро прошлись по засыхающим струпикам на порезах.

— Томас, — сказала она твердо, но пока еще нежно, — мне это не нравится. Или кто-то из моего народа обманул тебя, или ты кормил призраков, Томас?

Я не знал, что отвечать. Но ее руки продолжали похлопывать и поглаживать меня, вроде бы и не требуя немедленного ответа и все же ожидая его.

Призрак бедного рыцаря казался мне в тот миг далеким-далеким. Трудно было думать о нем, вдыхая аромат сияющего тела, касаясь нежнейшей, шелковистой кожи.

— Я люблю тебя, — твердил я снова и снова, пока слова не стали просто еще одним ощущением, ничего не значащим звуком. Во мне не осталось никакой гордости; я никогда еще не любил сильнее ни одну женщину. Впрочем, женщиной-то она как раз и не была.

* * *

Она безжалостно вытряхнула меня из забытья и резко проговорила:

— Томас! Ты должен сказать мне, кому давал свою кровь!

— Нет, — попытался я отбиться, — не могу, не хочу.

— Не пытайся обманывать меня. Не вздумай вести со мной двойную игру. Ты здесь — только мой союзник. Это *мне* ты должен служить, никому больше. Ты не забыл об этом, Рифмач?

— Нет, госпожа.

— Ты думаешь, я желаю тебе зла? Твоя судьба — в моих руках. И если ты мне не доверяешь, то кому же еще ты можешь доверять здесь?

Все это верно. Но вот Король, который ждет, — я подумал сейчас о нем потому, что он назвал меня братом. Мы двое, и голубь, бедный, коварно умерщвленный наш соотечественник. Я зависел только от нее, и ни от кого больше, но это не делало ее одной из нас.

Имя Охотника так и вертелось на кончике языка. Обвинить во всем его; предоставить ей разбираться с ним, и пусть себе сражаются по своим собственным, сверхъестественным правилам. Нет, это мой вызов, не ее.

Я вспомнил, как она говорила в лесу: «Эта птица — одна из моих». Значит, рыцарь заключил сделку с королевой? Значит, это моя прекрасная госпожа облекла его неприкаянную душу в птичьи перья? Вряд ли это намеренная жестокость: кому, как не мне, знать, что она видит мир иначе, чем смертные. Я слыхал, у магии строгие правила. Даже если она сама определила его участь, то это вовсе не значит, что она может изменить ее.

— Ну, Томас?

Спасение оказалось простым. Королева изучала хитрости смертных, но я-то знал их с рождения. Сжавшись самым жалким образом, я зарылся в ее объятия.

— Я только тебе доверяю, госпожа, — я судорожно сглотнул. — Ты мне так нужна... Пожалуйста, не сердись на меня, я не вынесу этого!

— Ладно, — сказала королева помягче, — ладно... но ты не должен лгать мне, ненаглядный мой...

— Госпожа моя, — сказал я, — прекрасная моя леди, как могли вы подумать, что я хоть словом, хоть жестом захочу прогневить вас? Чтобы я по собственной воле сотворил такое, что разъединит нас?

Тогда, помнится, ничто не мешало нам целый эльфийский день, или целую ночь. Я сужу по тому, что, вернувшись в свое всегдашнее утро, нашел на месте порезов только едва заметные шрамы. Раны мои успели зажить.

Я снова принялся за песню. Мотив меня все еще устраивал, а это — хороший признак.

Обрезала косы, сменила имя,
Элеанор превратилась в Виллима,
Ушла ко двору послужить королю,
Как редкий цветок меж придворных живу.

А потом на меня явился поглядеть Охотник.

Он пришел под руку с оленеглазым эльфом, но особой любезности я меж ними не заметил. Когда я вышел из сада, Охотник как раз закатил своему спутнику оплеуху.

— А ну, Зяблик, обожди-ка снаружи. Ты никогда не умел держать рот на замке.

Юноша двинулся прочь, легкий, как воздух, но остановился на пороге.

— О Пламень, как же я могу оставить тебя с этой тварью?

— Не беспокойся, Томас защитит меня. — Как

всегда, Охотнику нравилось называть меня по имени. Интересно, если «эта тварь» — не я, то тогда кто? Мой бедный слуга? — Иди-ка отсюда, но жди меня где-нибудь поблизости.

Стоило Оленеглазому выйти за дверь, как невидимая рука (мой слуга?) с треском ее захлопнула. Я улыбнулся: кажется, они не ладили.

— А теперь, Томас, — Охотник без приглашения устроился в одном из кресел, — скажи-ка, удалось тебе справиться с моей загадкой?

Я рассердился, но тут же и спохватился, чтобы не проболтаться ненароком, и только покачал головой.

— И думать забыл? — лениво предположил Охотник. — Я знал, что он не может повредить мне. Королева не позволит повредить мне, а, Томас?

Он здорово напоминал зануду-учителя, проводившего душеспасительную беседу с каким-нибудь сорванцом. Никто его сюда не звал, я давно не мальчишка, и мне не нравится, когда меня донимают в моих собственных комнатах.

Дверная ручка вспыхнула, едва я коснулся ее.

— Немного позже, — благодушно произнес Охотник. — Разве тебе не интересно узнать, где я был?

Между его руками возник стеклянный шар. В шаре появилась картинка. Подумаешь, просто раскрашенная эльфийская игрушка! Но пока я смотрел, картинка вдруг обрела подвижность. Я увидел молодого человека с мягкими чертами лица. Он спокойно стоял в розовом саду и держал золотой кубок. Пепельно-каштановые волосы падали почти до плеч, а дорогая одежда не скрывала очертаний стройного тела. Внезапно он взглянул вверх, словно услышал что-то — прямо в шар, так, что на мгновение его широко открытые серые глаза встретились с моими. Потом показался всадник в охотничьем наряде, в сопровождении многочисленной свиты. Юноша встретил господина, протянул ему кубок, мужчина принял его и выпил. Чем-то он был возбужден, размахивая руками, видимо, описывал юноше перипетии охоты. Порой мужчина, словно для убедительности, клал руку на плечо юноши (на мой придирчивый взгляд, чаще, чем нужно). Все это время юноша твердо глядел на него ясными, серыми глазами.

Наконец, вельможа со свитой уехали, оставив юношу в саду одного. На миг он задержался, глядя вслед кавалькаде, потом вошел внутрь не то маленького замка, не то большой башни, отдал кубок слуге, поднялся по ступенькам в маленькую спальню и начал раздеваться. Я задохнулся от неожиданности.

Под одеждой слуги скрывалось тело женщины; оказывается, она недаром проверила, хорошо ли заперта дверь. Она боялась чужих глаз. Да, рыцарь-голубь не солгал, Элеанор была прекрасна, и она, без сомнения, любила короля.

Тронутый до самого сердца, в досаде на Охотника, посмевшего нарушить ее целомудренное уединение, я отвернулся. Но эльфийский лорд протянул руку, схватил меня за запястье, а другой рукой сунул свой шар прямо мне в лицо.

— Хорошенький кусочек плоти, правда? Или твой собственный род больше не прельщает тебя?

В ярости я выхватил у него шар, пальцы мои закрыли обнаженную Элеанор, и я запустил проклятую игрушку в угол.

Грохнуло сильно. Стекло обычно бьется не так громко.

— Ну-ну, потише, Томас, — пальцы Охотника попрежнему сжимали мое запястье. Он медленно притягивал меня к себе.

Я толкнул его так, что он перевернулся вместе с креслом. Когда он встал на ноги, обычно невозмутимое лицо искажала злобная гримаса, а красные брови торчали дыбом, как у кота.

— Нет!

Охотник словно застыл, не закончив движения. Я не сразу понял, что он борется с кем-то невидимым, наверное, с моим слугой. Охотник швырнул своего незримого врага через всю комнату — я проследил полет тела по хлопающим столам и падающим стульям, треску в конце и глухому удару по стене, недалеко от осколков волшебного шара.

— Да как ты смеешь! — яростно зарычал Охотник. — Как ты смеешь касаться меня своими мерзкими лапами, ты, отвратительное, уродливое чудовище! — Он повернулся ко мне. — О да, мой прекрасный певец, знаешь ли ты, что тебе служит страшилище, на которое никто в Эльфийской Стране и взглянуть-то не в силах?

Откровенно говоря, меня это мало заботило. Я пробрался среди поваленной мебели к пустому месту у стены, нащупал тело и подхватил под руки, помогая встать. Мне хотелось утешить беднягу.

— Коснулся... — словно не веря своим глазам, проговорил Охотник.

Совсем близко я слышал тяжелое, прерывистое дыхание, кто-то явно сдерживал рыдания. Я почувствовал под рукой грубую ткань рукава, вспомнил, как, потеряв кольцо королевы, я чуть не ударил слугу за то, что он посмел участливо коснуться меня, вспомнил и вздрогнул от стыда, но справился с собой.

— Знаешь, что ты пытаешься удержать, Томас? Показать тебе?

— Нет! — Пронзительный, теперь уже точно женский визг. — Господин мой, ты обещал!

— Обещал. — В холодном, жестоком голосе Охотника звучало злое торжество.

Бедное создание на ощупь представлялось мне вполне нормальным; мои руки обнимали слабые, покатые плечи. Я все еще поддерживал его.

— Ты, некогда такое прекрасное существо... — с презрением цедил Охотник.

Тонкие плечи теперь тряслись от рыданий.

— Мое обещание, — продолжал Охотник, — должно было оставаться в силе, пока ты не предашь меня. Ну а теперь? Хочешь, чтобы пригожий Томас увидел тебя?

Рыдая совсем по-детски, служанка вырвалась у меня из рук и убежала.

— Ну, Томас, — сказал мне Охотник, — и что же стало с рыцарем?

Сказал бы я ему... Оставалось повернуться спиной и нарочито неторопливо отправиться в сад.

Услышав, как за ним закрылась дверь, я вернулся в комнату. Расставил мебель, вымел остатки разбитого шара. Они были тусклые, как грязная вода. Потом я снова вышел в сад, нарвал ирисов, засунул в середку еще какой-то желтый цветок и поставил их в кувшин на столе, чтобы слуга сразу увидел букет.

Этой ночью мне снился сон, первый из моих снов в Эльфийской Стране, который я запомнил. Прекрасная Элеанор, вся в лунном свете, шла по синевато-серебристой крыше замка, держа в руках мальчишескую рогатку. Она стреляла в белого голубя осколками тусклого стекла. Во сне этим голубем был я, и, когда острый, как стрела, осколок полетел прямо в меня, я вскрикнул и сел на постели.

Моя комната была полна звездным светом. Цветы на столе шевелились, кто-то переставлял их в кувшине.

— Ох! — Моя служанка явно не ожидала, что я

проснусь. Я перекатился на бок, сердце все еще колотилось после сна. Теперь, когда я вспоминал его, все там казалось таким красивым: лунный свет Срединного Мира блестел на осколках, серебрил острую черепицу и белую рубашку Элеанор... Но это был ужасный сон. Не скоро я смог уснуть снова, но перед тем запомнил робкую руку, нежно и осторожно отводящую волосы от моих глаз; птичье прикосновение пальцев, едва ощутимо гладивших меня по голове до тех пор, пока я наконец не уснул.

* * *

Поскольку Охотник не удосужился рассказать королеве о своем визите, это удовольствие досталось мне. Когда она в следующий раз прислала за мной, я официально преклонил колена у ее ног.

— Ты что это, Рифмач? — развлекаясь, спросила королева. — С чего бы?

— Госпожа, — произнес я в своей лучшей придворной манере, — один из ваших подданных ударил моего слугу без малейшей на то причины.

— Охотник, — уверенно сказала она. — Я запрещу ему входить в твои комнаты, Томас. Не бойся.

— Но мой слуга...

— Это дело Охотника и твоего слуги. Не вмешивайся.

От досады я прикусил губу. Говорить дальше было небезопасно.

— Твои слуги — это и мои слуги тоже, ты же знаешь, — сказала она ласково. — В конце концов, за их благополучие не ты отвечаешь.

— Охотник был жесток, госпожа. Он сказал, что мой слуга раньше был так прекрасен, а теперь так уродлив, что на него никто и смотреть не в силах. Он сказал, что мне нарочно дали в слуги урода. Я убью этого заносчивого мерзавца. Если ты попросишь.

— И умрешь, пока будешь собираться. Я еще не готова потерять тебя, миленький мой. Не ищи участи героя, мой Рифмач, мой красавец. Все мои герои мертвы: блестящий Оссиан и нежный Мананнан...

— Я присоединюсь к ним в аду, — пробормотал я ей в ухо, опьяненный самой мыслью об опасности.

— Нет. Этого не случится, — вздохнула она. — А если случится, значит, нет справедливости на Небесах. У тебя иной путь.

Она произнесла это с такой уверенностью, что я замер.

— Что ты имеешь в виду под «моим путем»?

— Я не «имею в виду». Я знаю. — Затаив дыхание, она резко пригнула мою голову, требуя поцелуя. — Чем больше ты рассказываешь мне, тем больше я знаю. Твое прошлое становится для меня твоим будущим...

— Я не понимаю...

— Тебе и не надо понимать...

Я оттолкнул ее на подушки.

— Хватит! Хватит с меня твоих загадок!

Ее глаза широко раскрылись, стали странными, невидящими, желтыми.

— Знаешь ли ты час своей смерти, Рифмач?

— Я...

— Я буду тогда с тобой, Томас...

Я ощутил жуткий озноб. Дикая королева наклонится надо мной и поцелует в холодеющие губы, высасывая мой страх смерти, как нектар. Это ее право, это моя плата за некогда брошенный ей вызов.

— Томас, — сказала она, — меня так мучит жажда.

Она касалась меня до тех пор, пока я не поднялся, и я любил ее так, как только может мужчина любить женщину.

— Радость моя, — сказал я, гладя ее волосы.

— О Томас, — она крепко прижала меня к груди. — Что я буду без тебя делать?

— У нас еще есть время, — утешил я. — Целые годы.

Но ее молчание красноречивее слов сказало мне, что это не так.

— Возвращайся со мной, — выпалил я бредовую мысль. — Выходи за меня замуж.

Она широко раскинула руки. Между ними засияла радуга и обернулась вокруг нас; от переливов красок кружилась голова. Заблудившись в красках, я не чувствовал ни рук, ни ног.

— Никто еще не предлагал мне выйти замуж, — сказала она. — Ты странный человек, Арфист.

— И я никому раньше не предлагал этого, — ответил я сухо. — Наверное, чтобы решиться сделать предложение, мне потребовалась Королева Эльфов, не меньше. Какая жалость, что ты отказала мне; могу спорить, за тобой дали бы неплохое приданое.

И тут, к совершеннейшему моему изумлению, королева спросила:

— А что такое приданое?

Я объяснил.

* * *

Я снова грезил об Элеанор, о голубе и рыцаре. Королева могла преградить Охотнику доступ в мои комнаты, но его загадка уже успела войти. Мне снилось, что я закончил балладу. Каким-то образом Элеанор узнала о ней и теперь ночами сидела в одиночестве с арфой на коленях и пела. Эта арфа была в моих руках: я был Элеанор, мое тело — ее телом, мои пальцы — ее изящными маленькими пальчиками. Я мог чувствовать, как ее слезы катятся по моему лицу. Я проснулся, чтобы выплакать их.

Печальная Элеанор, преследующая меня во снах... сумеет ли она узнать мою песню?

Моя служанка снова укрылась за пустой почтительностью. Я старался теперь быть особенно учтивым в ее присутствии. Когда я играл или пел в саду, то ощущал, как она движется где-то позади, особенно когда я работал над песней Элеанор. Воздух становился тревожным, выжидающим. Такое ожидание менестрелю — что дрова костру, но сущее проклятье, когда хочешь поработать в одиночестве. И все-таки я не прогонял ее.

Я достойно служу своему королю,
Он мне званье дворецкого дал.
Говорил мне: «Как сына, тебя я люблю»,
Драгоценным цветком называл.

Я рыдаю ночами, оставшись одна,
Я печально пою у окна,
Что в недобрый час оказалась я
Любимым цветком короля.

Вот оно, наконец! Теперь об Элеанор сказано все: ревнивая мать и ее жестокое дело; похороны рыцаря и превращение; почет короля и ее полуночные слезы. Настало время вернуться к голубю.

Я заиграл «Беспокойную могилу», и он появился, трепеща крыльями. Я накормил призрак бедного рыцаря своей кровью, и он заговорил:

— Они охотились за мной. Гнали меня по лесам. Я здесь, я там, я ушел. Скоро король услышит обо мне и поймет. Скоро, скоро, скорррро...

Голос перешел в курлыканье, но я не давал ему больше крови. Я сел и сыграл ему всю песню, добавив в конце экспромтом:

Король на охоту собрался опять;
Ни слуг, ни придворных не хочет он брать.
Таинственный голубь летит перед ним,
По-прежнему близок и недостижим.

Холмы и дубравы, овраги и терн —
И слышит король приглушенный стон.
«Любовь моя стала в недобрый час
Усладой для королевских глаз!»

Ну, их еще придется дорабатывать, но я по крайней мере положил на стихи ответ на загадку. Теперь предстояло добиться эффекта рассказываемой истории. Потому что мы с голубем были неразделимы; его гнали через леса, пока король не поймает его, а я давал ему песню и голос, чтобы петь.

Конечно, я бы куда охотнее спел королю сам; но легче голубю добыть голос, чем мне до срока вернуться в мир людей. От меня требовалось только победить Охотника: ответить на его загадку и спасти от него душу этого рыцаря.

Справиться с этой двойной задачей можно только в пиршественном зале. Все должно быть по уговору: если королевский арфист будет там петь, то Охотник получит ответ при всех... а я буду торжествовать вдвойне, когда уведу голубя у него на глазах, добуду там крови и освобожу его!

Я, конечно, имел в виду напиток, которым они утоляют свою Красную Жажду. Если это и не человеческая кровь, то уж точно что-нибудь смертное; может, оно сгодится и призраку?

Любовь подарила мне радостный дом...

Голубь сидел тише гальки, пока я пел. На этот раз глаза его были сухими. Я пел снова и снова. Я так жалел, что не могу сказать ему самого главного: не забывай о повторах, не вздумай переводить дыхание как раз перед последней строчкой. Я мог действовать только примером.

Служанка принесла мне вина. Я еще раз спел все от начала до конца. Голубь пошелестел крыльями, наклонил голову, соскочил с фонтана и запрыгнул обратно. Я резанул себя по руке, подождал, пока голубь обретет голос, и вслушался в его пение.

У меня мурашки пошли по коже. Это был голос не человека, но и не птицы. Казалось, флейта ожила и обрела речь наравне с музыкой. Спев все до конца, он начал плакать.

Говорят, человек знает, когда его ведет судьба. И я не стал дожидаться, пока меня позовут.

Я шел через темные залы вслед за синим светом факела.

Служанка моя от волнения трещала без умолку, что было совершенно на нее не похоже.

— Не знаю, есть там сейчас кто или нет. Нас ведь туда не звали. Конечно, там то и дело устраивают пиры; что ж, подождем, если придется ждать. Надо заметить, выглядите вы чудесно — вам такой наряд к лицу.

Нет, Майская ночь еще не пришла, и эльфы в зале были. Крылатые существа сидели под потолком, напоминая причудливые украшения раскрашенных стропил. Двое спланировали вниз, заметив нас. Хрупкие крылья отливали серебром в тусклом свете.

— Сыграй нам, арфист, — рядом со мной опустился еще один, высокий, с курчавыми лиловыми волосами.

Я покачал головой. На сегодня у меня была только одна песня.

К этому времени внизу уже начали накрывать на стол.

Я стоял в центре комнаты и смотрел, как собирается эльфийский двор. Я стоял, не выпуская из рук арфы, и не шевелился, а они проходили мимо, любопытствующие, но ничуть не удивленные. Уже разошелся слух, что я здесь.

Рослые и карлики, забавные и жуткие, веселые и печальные — всем нашлось место за столами, расчертившими зал. Последними пришли те, кто сидел за главным столом, — высокие элегантные эльфы, приближенные королевы, называвшие ее «сестрой», хоть и не состоявшие с ней в родстве. Охотник сегодня был в красном, под цвет бровей и губ, волосы его на этом фоне казались чернее ночи. Рядом с ним королева в золотых одеждах сияла, как солнце.

Я не отводил от них напряженного взгляда, пока они поднимались на помост. По сравнению с ними я чувствовал себя деревенским увальнем, и даже эльфийские одежды висели на мне, как мишура.

Охотник выглядел чуть ли не счастливым. Я встретился с ним глазами раз, другой, третий — в них сияла чистая радость. И та самая загадка. Меня так и подмывало немедленно выкрикнуть ответ ему в лицо.

Королева не смотрела на меня. Что ж, ее право. На публике она может вести себя как ей угодно.

Я устал стоять. Мысль о том, сколько смертного времени утекло за то время, что они ели, вызывала ненависть. Но хороший менестрель умеет выбирать нужный момент.

С первой переменой было покончено, со столов унесли грязную посуду, и эльфы уселись поудобнее, готовые внимать. Я взял табурет, уперся в него, чтобы поудобнее пристроить арфу, и начал.

С первой же ноты в зале воцарилась тишина; на этот раз мне не требовалось завоевывать внимание публики. Я запел в полный голос, и первые же слова песни ясно и насыщенно зазвучали в самых отдаленных уголках зала.

Любовь подарила мне радостный дом,
Вьюнок и ромашки цвели под окном.
Прекрасней, чем в очарованном сне,
Был дом, что любовь подарила мне.

Я весь ушел в песню и только старался не глядеть на Охотника. Я рассказывал эльфийскому двору историю Элеанор. Обычно я волнуюсь, когда пою новую песню, но на сей раз в этом не было нужды. Цель моей песни была повыше, чем желание развлечь или вызвать восхищение, и я не боялся неудачи.

Король не поверил своим ушам:
«О белый голубь, поведай же нам,
Почему слезинки текут рекой,
Почему безутешен дворецкий мой?»

Мать ревновала ее без границ,
В недобрый час подослала убийц,
Погиб ее сын и разрушен дом,
И суженый спит беспробудным сном.

Голубь снова пересказывал королю всю историю Элеанор, до самого конца:

Обрезала косы, сменила имя,
Элеанор превратилась в Виллима,
И дивный цветок украшает с тех пор
Твой королевский двор.

Песня замыкалась в кольцо, заканчиваясь тем же, с чего началась. Насколько я понимаю, Дивный

Народ предпочитает именно такое построение стиха. Здесь я остановился; я рассказал историю Элеанор, а конец ее будет зависеть от того, что произойдет теперь.

Я почувствовал, как отпускает давившая меня до сей поры тяжесть.

Эльфы молча выслушали меня и так же молча теперь пили тот самый запретный напиток.

Первым заговорил Охотник. В мою честь он поднял золотой кубок:

— Хорошо отгадано, Томас.

С этими словами он перевернул кубок. Красная жидкость полилась на пол, под помост.

Тут поднялась Королева Эльфов, и надо сказать, это была разгневанная королева.

— Брат мой, — сказала она, — этого делать не подобало.

Охотник поглядел на нее, скривив в усмешке угол красных губ.

— Тем не менее, сестра моя, это сделано. — Он обернулся ко мне:

— Томас, ты отгадал и можешь требовать награды.

Но я смотрел только на королеву, на мою госпожу. Красота ее была холодной и чистой, как мрамор. В первый раз позволил я своему голосу прозвучать в этом зале.

— Госпожа, — произнес я. Я обращался только к ней: на мне было заклятье, и я не мог его нарушить. — Я не приму ничего от владыки серебряных стрел. Но ради моей службы тебе, позволь мне одну просьбу.

— Смертный, — величаво проговорила она, — не проси об этом.

— Пожалуйста, — обратился я к своей возлюбленной, — позволь мне взять кувшин, что держишь ты в правой руке. Мне нужен напиток из этого кувшина.

Королева улыбнулась, словно сама весна посмотрела на меня ее глазами.

— Изволь, — и она подняла золотой сосуд.

Но Охотник перехватил кувшин.

— Рифмач, — сказал он, — ты плохо выбрал. Не этот ответ тебе нужен.

И он перевернул кувшин, и снова по полу полилась красная жидкость. Эльфы вокруг затаили дыхание. Красная струйка приближалась к моим ногам. Королева не шелохнулась; на белом лице темнели глубокие глаза.

— Брат, — сказала она снова, — и этого не подобало делать.

— Тем не менее, — опять ответил он, — это сделано. Кубок — за обещание, которое ты дала мне в лесах, что я могу убить белого голубя, если он не справится со своей задачей, а кувшин — за арфу, которую ты взяла у меня и изменила, прежде чем отдать Рифмачу.

— Томас, — королева подалась вперед, не сводя с меня глаз. Ей нравилось звать меня по имени, но никогда раньше она не называла меня так при всех. — Томас, ты уже получил от меня награду. Тебе пора уходить.

— Госпожа, — сказал я, — это время еще не пришло.

— Томас, — сказала она, — ради моей любви, поворачивайся и уходи.

— Госпожа моя, — сказал я, — ради моей любви к тебе, я не могу уйти.

Она медленно выпрямилась и величаво повернулась, потом подняла свой кубок.

— Твой вызов принят, брат, — сказала она, — игроки определены. Начинай. Но знай, если проиграешь — гнев мой будет ужасен.

— Значит, я уже выиграл, — улыбнулся Охотник, и вместо него вспыхнул язык пламени, который заговорил голосом Охотника: — Ты сама выбрала игроков, сестра, и собственными словами определила их участь. Последние годы твоего правления были отмечены несколько неестественным интересом к смертным. Они не умеют играть по нашим правилам; они даже не понимают, что идет игра. У них есть свои правила! Я осмелился бросить тебе вызов лишь затем, чтобы показать: в конце концов смертные предадут тебя.

Я ошеломленно смотрел на пламя размером с человека, горевшее в воздухе, сверкавшее синим, оранжевым, красным, когда Охотник начинал говорить.

— Мы не дети, чтобы учить нас, — сказала королева. Золотые волосы рассыпались вокруг ее головы драгоценным венцом, их развевал какой-то нездешний ветер. — Говори.

— Что ж, тогда спорим, что ты не выполнишь настоящее желание Томаса.

— Томас, — на этот раз совершенно спокойно сказала мне королева. Так порой ведут себя люди перед лицом крайней опасности или за шахматной игрой. — Томас, назови мне свое истинное желание.

Вопрос застал меня врасплох. Мое истинное желание... Любовь, любовь к ней, конечно же, а еще музыка, какой никто никогда не сочинял, а еще — вернуться домой и снова стать настоящим человеком, и сколько еще всего! Стать самым великим, богатым, нужным... И всегда быть самым великим из менестрелей, и чтобы мое имя стало легендой, а мои песни пели и помнили. Голос обещал все: недаром я стоял пред Королевой Эльфов, и она обещала выполнить любое мое желание.

Ну и дурнем оказался бы я, если бы стал просить обо всем этом! Я был здесь ради убитого рыцаря. Всего остального я сумею добиться и сам — или не сумею вообще ничего.

— Я хочу, — сказал я, — дать голос белому голубю.

— Почему же тогда ты не попросил меня об этом сразу, а просил о кувшине?

— Я боялся отказа, — сказал я. — Попросить кувшин казалось мне легче. — Вообще-то я наполовину солгал. Я подумал: а вдруг она не сможет вернуть голубю голос из-за какого-нибудь другого заклятья. Не знаю, как принято у эльфов, но для земного короля пообещать награду и не дать ее, даже по не зависящим от него причинам, серьезное поражение. Я надеялся избежать именно того, к чему так упорно подталкивал меня Охотник.

— Призрак может заговорить только после великой жертвы кого-нибудь из смертного рода, — сказала королева. — Ты знаешь, что для этого нужна кровь, и ее нужно много больше, чем один человек может отдать и остаться в живых. Только тогда сможет он рассказать то, что ты сочинил, спеть твою песню.

Я сглотнул. Пальцы, вцепившиеся в арфу, стали ледяными. Умереть за рыцаря, за его даму и за свою песню я был не готов. Но я сам навлек на себя свою судьбу, трижды не вняв ее предостережениям. И все же я не верил, что умру; не так должна была закончиться эта история. Час еще не пробил.

Я закрыл глаза и стал думать, забыв о дворце, золоте, пламени, красоте и уродстве, мрачных огнях.

Меня выбрали игроком. Охотник — за мою слабость, королева — за силу. Я не должен проиграть; а моя смерть — ее проигрыш. Она не должна потерять голубя.

— Сестра, — заговорило пламя, — твой певец молчит.

— Он просто помнит запрет и цену его молчания

в этой стране. Он всего лишь осторожен, — сказала моя королева.

Воспоминания обрушились на меня, как удар. Перед закрытыми глазами развернулась сцена в лесу, и мне захотелось, чтобы я тоже смог пролить чашу в счет второго обещания королевы.

Она только что подсказала мне, как быть, но говорить предстояло мне. Я должен был сказать это, постаравшись не проиграть ни очка. Ради своей чести и чести королевы; потому что судьба, глупость и Охотник загнали нас сюда, а подвести королеву я не согласился бы ни за что на свете. Я чувствовал слабость, потому что едва избежал смерти, и противный холодок, потому что уже понял, чем придется за это поплатиться. Но если уж это — последний подвиг в моем менестрельстве, то пусть он будет великим...

— Госпожа, — начал я высоким стилем, принятым у меня на родине. В пышных одеждах стоял я перед блестящим эльфийским двором и впервые чувствовал себя настоящим принцем, посланником Земли, а не слугой. — Давайте изберем такой путь, при котором голубь сумел бы заговорить и исполнить свое предназначение, а ваш покорный слуга сохранить свою жизнь. Не выскажете ли вы свое высочайшее соизволение напомнить ваши собственные слова, произнесенные в том самом лесу, где господин Огонь затеял это дело?

— Соизволяем, — проговорила она.

— Пусть же голубь не принимает печальных даров от живых соплеменников, чтобы вернуть свой умерший голос, а примет от меня в дар мой!

Королева Эльфов всплеснула руками и победно рассмеялась.

— Так глаголят уста, не знающие лжи!

Охотник снова обрел свой эльфийский вид; надо сказать, угрюмый и растерянный.

— К чему смех, сестра? Компромисс — все же не победа.

Она все еще улыбалась.

— Брат мой, ты воистину ничего не проиграл. Это я проиграла голос своего Рифмача, и я смиряюсь перед твоим искусством и мастерством. — Вот только выглядела она отнюдь не смиренно — горделивая и явно довольная. — Я смеюсь тому дару, который выиграл для себя сегодня сам Рифмач, и тому, как ты помог ему в этом.

— «Уста, не знающие лжи?» — фыркнул Охотник. — Вряд ли он поблагодарит тебя за это!

Я так и не успел спросить, пока голос еще был при мне, о чем они говорят. Госпожа моя призвала голубя, и он пролетел к ней через весь зал. Он опустился на мою арфу, как раз туда, где много-много пиров назад был вырезан голубь.

— Друг, — сказал я ему, — не позабудь слов, а то и голос тебе не поможет.

— Друг, — ответил он мне, и сердце у меня упало, едва я услышал свой собственный голос, — не сомневайся во мне.

Я закусил губу, чтобы сохранить достоинство. К такому повороту событий я не был готов.

Королева не просила меня остаться и поиграть. Я поклонился только ей — не Охотнику — повернулся и вышел из зала.

Все коридоры казались мне одинаковыми, одинаково разными. Наконец, я сел, привалившись к стене. Рядом никого не было. Я поднял арфу и заиграл. Звучала она так сладко, что я решился открыть рот. Словно железную палицу волочили по галечному берегу...

Я долго плакал, но наплакавшись, все-таки успокоился.

Я встал, поднял арфу и потащился дальше. Сумерки сменились утренним светом. Я услышал знакомое журчание фонтана и понял, что добрался домой.

Оказавшись в своих комнатах и закрыв дверь, я впервые после пира почувствовал себя в безопасности.

Даже снять плащ у меня не хватило сил. Потом служанка принесла вино и сыр. Она молчала, и я был благодарен за это.

Наверное, я спал. А когда проснулся, по саду уже протянулись предзакатные тени, а у моей постели стоял Охотник.

— Я ухожу, — сказал он без всяких предисловий, — отправляюсь путешествовать на некоторое время. — На нем был широкий черный плащ в точности под цвет волос. — Но за мной остались кое-какие долги.

Я с трудом поднялся на ноги, готовый встретиться с чем угодно. Но Охотник только рукой махнул.

— Это долг искусства, Рифмач. Я не могу оставить в мире незавершенную песню — это против всякой совести. Слушай, как было дальше.Король услышал песню голубя и преисполнился жалости, но вместе с тем и обрадовался. Он повернул назад, чуть не загнал коня и весь в мыле влетел во двор. А когда дворецкий вышел ему навстречу с кубком, король подхватил Виллима в седло и поцеловал в губы свой Прекрасный Цветок. Придворные просто онемели. Но вскоре все разъяснилось, и Элеанор без долгих уговоров согласилась остаться при дворе. Они с королем поженились в тот же день, когда ее мать спалили на костре за все ее злодеяния. — Охотник откинул волосы со лба и отвернулся. — Теперь за мной остался последний долг, — тихим, неприятным голосом произнес он. — Иди-ка сюда, дитя мое.

Наверное, моя служанка могла бы и не подчиняться Охотнику, но тихое позвякивание ключей показало, что она послушалась.

— Ты не имеешь права, — сказала она тонким, прерывающимся голосом. — То, что со мной случилось, не причинило тебе вреда.

— Да тебе-то откуда знать? — оскалился Охотник прямо-таки по-звериному. — Стой, где стоишь, Томас, — бросил он мне, не оборачиваясь, — не подходи, обожжешься.

Я готов был броситься на него, но все же остановился.

— Томас, — произнесла служанка с мужеством отчаяния, — пожалуйста, уходи.

— Томас собирается остаться здесь и защищать тебя, — сказал Охотник. Злобное рычание в его голосе испугало меня не на шутку. — Это его последнее увлечение — присматривать за всеми. Ну, пускай теперь на тебя поглядит...

— Мой господин, пожалуйста...

— Только тебе было известно о голубе и о том, как заставить его заговорить. Но я догадался, где живет твоя нынешняя любовь.

— Не надо! Уходите! — донесся до нас испуганный шепот.

— Что тебе стоило не стареть! — О, как мне хотелось ударить Охотника, заставить умолкнуть этот страшный голос, но что толку! — Как я ошибся, когда разделил с тобой постель ради нескольких лет твоей красоты, как не подумал о том, что потом ты непременно предашь меня.

— Ты мог бы попросить королеву помочь, — послышались жалобные рыдания. — Вспомни мои мольбы...

— Какое дело королеве до такой гадости! Мы из милости убрали тебя с глаз долой... И вот благодарность! Что ж, я готов расплатиться с тобой.

Охотник воздел руки, черный плащ реял за ним,

как ночь. Руки задвигались, словно он связывал в воздухе невидимые нити. Я ждал удобного момента, чтобы броситься на него, если он еще что-нибудь ляпнет — и не дождался.

Передо мной прямо из воздуха возникло создание, настолько отвратительное, что ни один эльф не мог вынести его вида. Посреди комнаты стояла женщина, земная женщина лет пятидесяти, предавшая Охотника тем, что состарилась. Я увидел, как она взглянула на меня. Наверное, в моих вытаращенных глазах она прочла то, чего там не было.

С криком боли и отчаяния она метнулась из комнаты. Я бросился было следом, но у порога остановился. Не будь я безголосым, окликнул бы ее, вопреки всем заклятьям... Бесполезно. И тогда весь мой бессильный гнев обрушился на Охотника.

Я ударил его в живот — и ощутил, как кулак охватило живое пламя.

— Ха, ха, — издевательски проговорил он. — Как же ты потом станешь играть, арфист?

В пламени не было жара, это был сплошной обман, как и все ухищрения Эльфийской Страны. Я ненавидел его магию, она могла породить дюжину личин, а вот сохранить девушке молодость оказалась бессильна. Я развернулся и двинул его другой рукой, надеясь найти в пламени сердцевину, добраться, наконец, до самого Охотника.

И тогда пламя охватило меня со всех сторон — наверное, я все же шагнул в него, хотя по-прежнему ничего не чувствовал.

— Хочешь поторговаться, арфист? Что ты дашь за мое имя, за возможность причинить мне вред? Еще семь лет в Эльфийской Стране? Побудешь семь лет форелью в ручье, если я стану медведем? Семь лет лесной пташкой, а я — ястребом? Сколько ты дашь за мое имя, Рифмач?

Он сумасшедший, если думает, что я стану с ним торговаться. Гнев человеческий слишком скоротечен по сравнению с семью годами человеческой жизни.

Каким-то образом я все же выбрался из пламени. Оно вспыхнуло в последний раз и исчезло; исчез и Охотник.

Я почувствовал холод и понял, что стою совершенно голый. На полу возле моих ног лежала кучка пепла — моя одежда сгорела. Пламя оказалось настоящим, но такой же настоящей оказалась и защита моей королевы.

Я бросился в озеро и плавал, пока окончательно не заледенел.

* * *

В следующий раз я проснулся уже ясным утром. Эрмина стучала тарелками. Мой прежний слуга никогда не будил меня так.

Но даже Эрмина казалась необычайно мягкой — для Эрмины.

— Ты замечательно все это провернул, Рифмач, — болтала она, накрывая на стол. — Мы и не знали, что смертные тоже умеют так играть. Королева и Пламенный поднаторели в этом, когда тебя еще и на свете не было. Надо сказать, она не ошиблась, поставив на тебя.

Я чувствовал себя просто несчастным, не в силах задать единственный вопрос. Что стало с той женщиной, которая прислуживала мне?

* * *

Я понял, что совершенно не хочу играть. Я думал о том, как голубь поет мою песню в Срединном Мире. Но почему все-таки он плакал кровавыми слезами? Что за сделку заключил дух павшего рыцаря с Королевой Эльфов? И почему она даровала ему так много — и так мало?

Время, устало думал я, время. Охотник рассказал мне окончание истории — настанет день, и я завершу свою песню. Сколько мне осталось служить? Почему мне не вернули голос, как только рыцарь обрел покой? И что это еще за «уста, не знающие лжи»?

Я увидел отражение Эрмины в воде. Она стояла позади меня.

— Тебе надо сменить одежду, — сказала она, указывая на мои лохмотья. — Эта уже никуда не годится.

В моем гардеробе были теперь вещи только чистого зеленого цвета, простые и вместе с тем элегантные. Я оделся, словно облекся в цвета одного из великих домов: в цвета эльфийского царства. Я хотел взять арфу, но Эрмина остановила меня, и я понял, куда нам предстоит пойти.

Беседка в саду, где мы встречались с королевой, была пуста. Розы и жимолость с бездумной щедростью расточали благоухание. Я направился к ним, собираясь присесть и подождать — и остановился. Нет, в беседке кто-то был.

Среди цветов спала женщина с длинными каштановыми волосами, в простом зеленом платье из льна. Я долго стоял и смотрел на нее. Рот чуть приоткрыт, ладонь под щекой, как у ребенка. Морщинистое лицо так спокойно, и так легко вздымается и опадает грудь.

Неужели она любила меня? Неужели Охотник был прав? Я вспомнил, как она касалась меня в переходах, вспомнил отогнанный кошмар и все ее заботливое, беззаветное служение, которое я принимал беспечно и слепо, потому что цена его, равно как и источник, оставались скрыты от меня.

Я опустился на колени и поцеловал ее в щеку. Веки задрожали и приоткрылись, она туманно взглянула на меня, словно я ей лишь снился. Все так же по-детски она потянулась ко мне, я подхватил ее на руки и прижал к груди.

Когда я бережно опустил ее на прежнее место, она долго смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Томас, — прошептала она, — я не думала, что ты придешь.

Я только молча смотрел на нее.

— Я любила его, — продолжала она, словно грезила наяву. — Он не хотел мне зла. Просто они — *такие*, всегда такими были и такими останутся. Когда я ребенком попала сюда, я была его ненаглядной; и потом он любил меня, хоть и недолго. Я ничего не могла поделать с собой, когда постепенно становилась тем, чем стала сейчас, и он тоже ничего не мог с собой поделать, верно ведь?

Я покачал головой.

— Может, в мире людей это все по-другому.

Да, хотел я ей сказать, совсем по-другому — хотя нет, не совсем. И в мире людей все в точности так же. Я взял ее руку, поцеловал и тут же почувствовал, что другой рукой она гладит меня по волосам.

— Ты похож на него, — сказала она, — кое в чем...

«Нет». — С моих губ не сорвалось ни звука.

— Я очень страшная, Томас?

«Нет», — беззвучно шевельнулись мои губы.

— Я понимала, что ты не захочешь меня, — продолжала она тем же дремотным голосом. — Если бы он был со мной, я тоже не захотела бы тебя...

Станет ли она снова прекрасной? Я припомнил истории о волшебных превращениях: о Белом Мед-

веде, о свадьбе Гавейна, о Психее и Амуре... Я наклонился и поцеловал ее в губы долгим, мягким, нежным, свободным от страсти поцелуем.

Ее веки затрепетали и закрылись. Легкая улыбка играла на ее губах; она спала, словно и не просыпалась. Я оставил ее там, простую женщину, спящую среди роз.

* * *

Семь полных лет прослужил я в Эльфийской Стране. Я играл на эльфийских пирах и спал с королевой эльфов.

Она послала за мной вскоре после той игры. Она сама открыла мне дверь, не произнося ни слова. Она молчала всю эту ночь, отказывая себе в том, в чем было отказано мне. Она умела быть доброй, когда хотела. За все оставшиеся годы здесь я не произнес ни звука.

Эльфы с тех пор относились ко мне уважительно, обращаясь ласково как умели, а кое-кто даже почтительно. И вместе с тем они разговаривали между собой, никогда не стесняясь моего присутствия, словно я был кем-то вроде любимой гончей. Молча, все время молча, слушал я слова эльфов, их загадки и поэмы, их ссоры и споры, их игры и кокетство. Теперь я знал загадку Чаши Короля; я вообще знал теперь о них куда больше, чем они предполагали. Я знал тайны их мира и их труды; но это знание совсем ни к чему человеку Земли. Теперь я знаю, кто тот Король в лесу, и знаю о его последней битве; но если я вплету это знание в свои песни, кто поверит мне?

Я научился в присутствии королевы терпению и сдержанности. Когда исчезла иллюзия, что слова — мое оружие против нее, я узнал, что значит брать ответственность за чужой выбор и не иметь собственного. Это она выбирала темы будущих историй; это она рассказала, что моя служанка на самом деле была подменышем, что ее вырастил Охотник, а после его ухода о ней «заботились», но кто и как, я так и не узнал, а спрашивать знаками мне не позволяла гордость. Я узнал, что голубь справился со своей задачей, что душа рыцаря теперь свободна вплоть до Страшного Суда, что Охотник не солгал мне, поведав окончание истории Элеанор. Но в какой земле и когда жил этот король, узнать мне так и не довелось.

Тело королевы служило мне великим утешением, но вся сладость ее плоти не могла заменить былых бесед с ней.

Я гладил ее лицо, ее волосы, ее шею, позволяя рукам говорить за меня. Ночами, касаясь ее, мои руки ощущали глубже и полнее, чем днем, когда прикосновение только сообщает, горячий предмет или холодный, гладкий или шершавый. Ее тело говорило со мной языками самых разных, удивительных ощущений.

— Томас, — она поймала мои руки и расцеловала их — и ладони, и пальцы, и мозоли от струн. Я скользил сквозь нее, как форель сквозь горный поток, прокладывая путь сквозь свет и тьму в тихую мирную заводь.

Чуть погодя она ускользнула, а я лежал и чувствовал, как прохлада овевает разгоряченную кожу.

— Пора, — сказала она. — Вставай, Томас.

Я смахнул пот с груди шелковой простыней и надел свои зеленые одежды. Она взяла меня за руку, подвела к двери комнаты и распахнула ее. Я увидел прекрасный сад, в котором времена года на моих глазах быстро-быстро сменяли друг друга...

— Ох, — прохрипел я. — Нет.

— Путешествие окончено, — проговорила королева, держа меня за руки и неотрывно глядя в глаза. — Дорога вернулась к своему началу.

— Госпожа, — сказал я, — ты навеки останешься моей музыкой.

Только горестно улыбнулась Королева Эльфов.

— Это сейчас ты говоришь так, мой Томас. Но скоро тебя увлечет подлинная жизнь, а эти семь лет окажутся лишь сном, пригрезившимся тебе на Эйлдонском Холме; ты не из тех, кто, вернувшись домой, тоскует и сохнет по прекрасной Эльфийской Стране. Но прежде чем ты уйдешь, мне хотелось бы наградить тебя, Томас.

Я не раз представлял себе этот момент и теперь точно знал, чего просить.

— О прекрасная королева, — сказал я, — лишь об одном прошу, позволь мне взять с собой эльфийского подменыша, ту женщину, которая прислуживала мне.

Но королева только покачала головой.

— Нет, Томас, не бывать этому.

— Госпожа, я готов заботиться о ней, — горячо заговорил я. — Готов смотреть, чтобы она не осталась одна, чтобы не знала нужды и голода...

— Томас, Томас Рифмач... — ответила она мне с неприкрытой болью, — эта женщина не может покинуть Волшебную Страну, как бы ни просил ты об этом. Она с самого детства ела пищу эльфов. Она не сможет вернуться на Землю. — Я молчал растерянно и только горестно смотрел на нее, и она добавила: — Я сама, как сумела, наградила ее за службу. Все оставшиеся годы ей будут сниться только добрые сны. А пробуждение будет встречать ее только заботой и лаской.

— Спасибо, — выдавил я. — О большем я не смею просить.

— Тем не менее ты получишь мой прощальный дар.

С удивлением смотрел я, как королева срывает яблоко с ближайшего дерева.

— Все в порядке, — успокоила она, — ты его заслужил. Семь лет молчания подготовили твой язык к правде, к великой Правде. Прими этот плод, съешь его и обрети уста, не знающие лжи. А за твой дар убитому рыцарю сила моего нынешнего подарка возросла десятикратно.

Я подержал плод в руке. От него шел крепкий запах вина, гвоздики и свежей зелени летнего утра. Да, с земным яблоком его ни за что не спутаешь.

— Неужели ты думал вернуться домой таким же, как ушел?

— Нет, — сказал я. — Я, конечно, не тот, что был.

— А вот я — все та же. — Она небрежным жестом отбросила волосы со лба, словно не хотела мне этого говорить. Но ты будешь меняться, даже когда узнаешь будущее, как знаю его я. Это — твоя природа, так же как неизменность — моя.

Я отступил на шаг от этой печальной красоты и сказал то, на что никогда раньше не осмеливался:

— Вот почему ты не можешь любить меня? Потому что это значит — измениться?

Королева серьезно и печально смотрела на меня.

— Для этого мне незачем меняться, Томас.

Я смотрел на нее во все глаза, не в силах поверить услышанному.

— А теперь делай, что велено, — приказала королева, — бери и ешь.

Я вонзил зубы в сочную белую мякоть. Я не помню, как жевал или глотал, помню только аромат и вкус плода и то, как в руках у меня осталась крошечная сердцевина.

— Ничего не произошло, — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Хочешь — считай так, — усмехнулась она, —

пока у тебя не появится повод убедиться, — и пошла меж деревьев. Я отправился следом и скоро увидел ее белого коня и мою Молли, мирно щиплющих травку на поляне.

Мы скакали бок о бок. Мы вместе миновали голую пустыню и вместе спустились в пещеру, по дну которой течет река, разделяющая миры. На берегу стоял человек. Он смотрел на воду и повернулся к нам, только когда мы приблизились почти вплотную.

Я узнал его.

— Приветствую тебя, Королева Эльфов, — голос его раскатисто прозвучал под сводами пещеры.

— Приветствую тебя, Король Грядущих Лет, — отозвалась она.

— Человек с Земли, — молвил Король, — я рад, что ты возвращаешься. Поклонись от меня солнцу и луне, и зеленому листу, когда снова ступишь в Срединные Земли. Не забывай меня, Рифмач, ибо мы еще встретимся.

— Я не забуду тебя, брат, — ответил я.

Мы оставили его на берегу реки, пересечь которую ему не суждено пока, смертной реки, шептавшей о тепле, старых битвах и старых ранах. Теперь и я слышал их — все песни, что когда-либо пели мужчины и женщины моей родины — слышал и понимал, и забывал их за время этого пути сквозь дни, годы, удары сердца.

Мы пересекли реку, а когда начали подъем, навстречу нам пахнуло холодным воздухом. Я задохнулся от неожиданности, едва узнал его.

То был запах Земли.

Часть третья

МЭГ

В зеленый шелк обут был Том,
В зеленый бархат был одет.
И про него в краю родном
Никто не знал семь долгих лет.

Не люблю я, когда замечают, что слух у меня уже не тот, но куда же денешься, правда, она правда и есть. Хотя старый человек и по-другому может узнать, что да как. Пес у огня напрягся, уши навострил, но не встревожился и к двери пошел спокойно, так я поняла, что не чужой пришел, еще раньше, чем гость в дверь колотить начал.

Распахиваю я дверь и вижу, на что уж и надеяться перестала: стоит мой Том, Томас Рифмач, жив-здоров и разодет в зеленое, ровно князь какой. И я, дура старая, стою перед ним и плачу.

— Том, — говорю, — Том, а мы уж думали, ты мертвый!

А он молчит, только объятия мне навстречу раскрыл. Я и забыть успела, какой он высокий, щекой к нему прижалась, и пахнет от него травами, каких я за всю жизнь не встречала. Теплый. А сердце стучит часто-часто.

Наконец я из объятий его высвободилась. Но он, все одно, не отпускает меня, за руки держит и рассматривает то так, то эдак. А я на него смотрю, а вид-то у него странный, нездешний, и от роскоши прямо глаза слепит.

— Мэг, — говорит, — какая ж ты красивая!

— А ты все такой же! В холмах сгинул, и ни словечка от тебя за все годы, а теперь подлизываешься, чтоб я тебя, значит, так вот и простила.

Я болтаю себе без умолку, а сама думаю: странный явился, тихий, то ли ошарашенный, то ли изголодавшийся какой. Страшновато: а ну как дух, Врагом насланный. Где был — неведомо, да и вообще ничего не сказал толком. Ну в свое время сам все расскажет. И я решила говорить с ним, как со всяким гостем. Когда б и откуда ни шел — с холмов или из замка — пришел он ко мне, и я уж буду такой, какая есть.

— У нас только овес и остался, вот, если хочешь, можешь помочь месить, тут ты как раз вовремя. Только одежду смени, а то больно хороша она у тебя. Вещи твои старые я сберегла, не все, правда, вон, в дубовом сундуке лежат. Смейся, коли хочешь, только не смогла я с ними расстаться.

— Над чем же смеяться? — это он мне. — Я ведь не сказал, когда вернусь. И не было меня, наверное... довольно долго?

Я прямо похолодела, заслышав такие речи.

— Полных семь лет прошло, сердечко мое, — отвечаю, — семь лет, до денечка, с той поры, как ты ушел в Эйлдонские Холмы и не возвратился больше.

— Полных семь лет, — повторяет он. — А не семь дней, часом? И не семь недель? Она сказала, что выполнит обещание, но она плохо понимает, что такое время... Я все надеялся, что она ошибется.

«Она сказала»! Очень мне не хотелось спрашивать, но куда денешься.

— Том, — говорю, — милый мой, где ж это тебя носило?

Он сжал мои ладони в своих.

— Она сказала, все тамошнее покажется мне сном, а я не мог понять, почему, раз я прожил там столько времени. А как только вернулся, вдохнул запах палых листьев на склонах холмов, увидел тебя и твои руки в морщинах, и стол этот, а в трещины мука набилась... и тамошнее стало ненастоящим, словно его и не было никогда — нет, словно его и быть не могло.

— Может, так оно и есть, — осторожно говорю я. Он всегда был скор на выдумки; а после этих приключений, гляжу, у моего Рифмача мудрость прорезалась, как у настоящего поэта. — Ну, сделанного не воротишь. Иди-ка, садись. По-моему, поесть чего-нибудь тебе не помешает.

Не знаю, что тут смешного, только он расхохотался. Сел, а потом опять как вскочит.

— Дай-ка я сначала сниму эту нелепую одежду.

— Очень даже красивая одежда, — одернула я его, — и на диво тебе к лицу. Погоди, пусть Гэвин на тебя поглядит — то-то глаза вытаращит.

— Ох, слава Богу, — Том мой вздыхает облегченно, — значит, он жив. А я спрашивать боюсь — ты ведь ничего про него не сказала — вдруг, думаю...

— Или ты смотреть разучился? — говорю, а сама подаю ему сыр, овсяные лепешки и яблоки. — Вот же его палка, на виду стоит, и корзинка, значит, он плетет, я-то не умею.

Если бы Гэвина не было, все стало бы по-другому. Томас мог бы вообще вернуться к пустому дому...

— Мэг, — говорит он, — прости меня. Конечно, все было бы по-другому.

— За что простить-то? — отвечаю я сердито. Я не то, что Гэвин, зря ворчать не буду, только кому же понравится, коли его мысли читают. — Чем по пустякам прощения просить, ешь-ка лучше.

Он послушно начал резать яблоко. Изрезал тоненькими ломтиками, а есть не торопится.

Он, наверное, раньше меня услышал, что Гэвин идет. Плечи расправил, крошки с колен смахнул и вообще жевать перестал.

Гэвин идет себе, насвистывает «Не опоздай на свадьбу», это из старых песенок Тома, открывает

дверь и мне кричит. А Тома он, значит, пока не видит, глаза у него со света еще не привыкли.

— Мэгги, ты же сама сколько раз говорила, что если одна дома, так запираться будешь.

— Так не одна я сегодня, — отвечаю, а Томас на нас обоих глазами так и зыркает.

— Кто у нас? — Гэвин поворачивается и замирает, как громом пораженный, а потом говорит тихо-тихо, словно какую зверушку в холмах выслеживает:

— Томас, это ты, паренек?

— Кому же еще быть, — Томас стоит, не шелохнется. Гэвина он всегда побаивался. Муженек мой меж тем поближе подбирается.

— Долгонько же тебя не было — набралось, поди, чего нам порассказать. Знаешь, что мы-то думали...

— Да, — голос у Тома напрягся, — знаю. Мэг мне рассказала. И за это тоже прошу прощения. Я непременно послал бы вам весточку, если б мог.

— Ну годы не слишком плохо с тобой обошлись, — Гэвин ворчит немножко, сердится, что Томас от рассказа увернулся. Не каждый день воскресают из мертвых; каждому интересно узнать, как это делается. Гэвин повесил плащ сушиться и сел к огню руки отогреть.

— Спасибо, — только и сказал Том и опять принялся за яблоко.

— Женщина, поди? — вроде как между прочим спрашивает Гэвин.

— Да. Женщина.

— Красивая, надо полагать?

— Очень.

— И богатая.

— Точно.

— Чего ж тогда ты от нее ушел?

— Мне домой хотелось, — тихо говорит Том.

— Домой, — повторил Гэвин и вроде помягчал малость. — Она, что же, чужая была?

— Гэвин, — перебила я его, — оставь мальчика в покое. Том, ты вроде хотел переодеться. Пойдем-ка. — Я вынула его вещи из сундука, сунула их ему и выпроводила за дверь.

Гэвин сидит, ему вслед смотрит.

— Так-так, — говорит. — Вот оно как, значит.

Я принялась его уговаривать, быстро и тихо, чтобы Рифмач не слышал.

— Понимаю, миленький, тебе это против шерсти, только дай ему в себя прийти. Ты ж не хуже меня Томаса знаешь. Для него слова — и еда, и питье. Подождем, еще наслушаемся его рассказов.

— Да не в рассказах дело, — грустно отвечает мой Гэвин, — где он шлялся все это время, ты мне скажи?

— Гэвин, — сказала я, сжимая его руку, словно так будет больше веры моим словам, — он говорит, что был в Эльфийской Земле.

— Значит, его дама... — Гэвин задохнулся. И тут же подскочил на месте, даже испугал меня. Со стороны холмов донесся топот копыт. Этим летом в наших краях кое-кому стало мало своей земли, вот они и начали отнимать добро у соседей, нет чтоб своим хозяйством жить.

Мы подошли к двери и смотрели, как эта шайка идет по нашей земле. Том тоже вышел и ждал их, совершенно безоружный.

— Томас, — сказала я, и горло у меня перехватило, — иди-ка ты в дом. Этим людям закон не писан — пусть заберут, что им надо, и уходят.

— Заприте дверь, — говорит нам Том, — и ждите меня внутри.

Но мы остались стоять, где стояли, Гэвин только покрепче свою дубину перехватил.

Вожак осадил коня перед Рифмачом. Огромный такой верзила, средних лет с черной бородой, а за ним — десяток конных, и все вооружены.

— Это еще кто? — спрашивает. — Принц с холмов или герольд чей, а может, и вовсе поэт?

— И то, и другое, и третье, — спокойно так отвечает наш менестрель. — Горе тебе, Блэквел, ибо не пойдет награбленное тебе впрок, и ты умрешь прежде, чем увидишь Карлейль. Младший из сыновей твоих, что сидит сейчас на коленях у няньки, станет главой рода твоего, ибо только его сыновья обретут твое имя.

Вожак позеленел, что головка сыра.

— Тебе бы так, колдун подзаборный! Отвороти от меня свои проклятья.

— Поворачивай коня и поезжай своей дорогой, — говорит ему Томас. — По эту сторону реки ноги твоей больше не будет. Так говорят уста, не знающие лжи.

Вожак поднял руку в кожаной перчатке, вся ватага повернулась и начала подниматься на холм. Рифмач стоял и смотрел, пока они не скрылись с глаз.

Гэвина любопытство одолело, он страсть как чудеса любит, ну и спрашивает мой муженек:

— Чего ж ты нам сразу не сказал, что провидцем стал?

— Я не знал, — с радостным облегчением говорит Томас. — Блэквела я просто узнал, я его видел как-то раз в Роксбурге. Петух да и только!

— А остальное?..

— Остальное — правда. Он едет в Карлейль на какую-то встречу; да только конь его упадет и сбросит его раньше, чем он туда доберется.

— «Уста, не знающие лжи», — повторила я его собственные слова. — Ну да ладно! У тебя ведь, поди, дела в этих краях? Погостишь у нас?

— Я... я не знаю.

— Так мы тебе всегда рады, — гудит Гэвин.

Том усмехнулся:

— Спасибо на добром слове.

— Пошли-ка в дом, — заворчала я на них. А ты, Томас, пошел бы переоделся, а то греха не оберешься.

Томас переоделся и стал совсем прежним Томасом. Я свернула его красивый наряд и прибрала на самое дно сундука.

Мы вдвоем занимались хлебами, и вдруг он проговорил:

— Хорошо! — и долго нюхал теплое тесто. — Ты не представляешь, как это хорошо — делать что-нибудь настоящее, когда рядом горит настоящий огонь, а вокруг — настоящие люди.

Время от времени он забывался и начинал напевать. Мы с Гэвином тут же настораживали уши, думая про себя: «Может, это музыка эльфов», да только каждый раз это оказывалось что-то знакомое. А он, заметив наше внимание, тут же замолкал. Только один раз послышалось что-то действительно новое — про девушку, которая переоделась мужчиной и стала слугой короля, и мотив был странный. Когда Том замолчал, Гэвин не выдержал.

— Что это за песню ты сейчас мурлыкал? Новая?

— Наверное, новая. Ее последней я пел ... — он не договорил и принялся яростно месить тесто, словно ненароком проболтался.

— Где пел-то? — спросил Гэвин. Таких страданий он отродясь не ведал.

— В зале. Где пришлось петь.

Рифмачу явно не нравились подобные расспросы. Я начинала догадываться, в чем дело, и не очень-то меня радовали эти мысли.

Гэвин зашел с другой стороны.

— А знаешь, тут твой приятель цыган пару раз

заходил, все про тебя спрашивал, никак не хотел верить, что мы не знаем, куда ты подевался. Даже грозился власти на нас напустить, — Том улыбнулся. — А когда и это не помогло, предложил нам серебряное кольцо, чтобы мы показали ему твое убежище, а еще лучше — кое-что тебе передали.

— Помочь мы ему ничем не могли, но он все равно оставил кольцо у нас, — объяснила я. — Сказал, что следующей весной заглянет. Только с тех пор прошло четыре года.

Я вымыла руки и пошла к печке — у нас там в закутке кирпича не хватает, вроде как тайник — вытащила тряпицу. Серебро потемнело от времени.

— Мрачнее ада, — проговорил Томас, едва коснувшись его. — Оно — с руки Лилиас Драммонд. В несчастье, в скорбях, беременная четвертым ребенком, думая о том, что Эррол ее не любит, а семья его убила меня, отдавала она это кольцо... — Он стиснул кольцо в кулаке и поднял голову. Лицо у него стало пепельно-серым. — Она мертва.

Я высвободила кольцо у него из пальцев и быстренько убрала с глаз, засунула в карман фартука, и все.

— Ты точно знаешь? — спросила я, лишь бы он ответил что-нибудь и вышел из своего столбняка.

— Конечно, точно. Она умерла родами. Это была девочка. Проклятый Бевис!

— Он же не знал, — сказала я, сама удивляясь тому, что защищаю цыгана. — Он хотел помочь ей.

— Зато теперь знает. Понятно, почему он не возвращался больше — зачем, раз Лилиас умерла? Вы ведь сказали ему, что я пропал, почему же он не поверил? — Томас почти требовал ответа.

— Из-за арфы, — объяснила я. — В первый раз как пришел, он увидел твою арфу. Ну и решил, что ты, значит, неподалеку. А потом пришел второй раз, арфа все еще здесь была, не могли же мы ее продать...

— Да только я-то ему сказал, что продали! — встрял Гэвин. — Но этот разбойник никому на слово не верит...

— Ты — честный человек, — сказала я мужу, — вот он и понял, что ты пытаешься соврать. Да-да, Том, здесь твоя арфа. Я ее завернула, чтобы холод или сырость не попортили.

Я поднялась на чердак и, пока по лестнице лезла, все время ощущала кольцо этой бедной Лилиас Драммонд. Том сначала принял у меня арфу, словно дитя малое, и только потом попридержал лестницу, чтобы мне способней слезать было.

Он осторожно развернул свое сокровище, зажмурился и чуть-чуть подержал арфу на коленях, потом поднял руки и заиграл.

Звук был ужасный: слабые, провисшие струны завыли не в лад. Томас вскочил, как ошпаренный.

— Она расстроилась! — в ярости крикнул он. — Проклятая деревяшка никуда не годится!

— Что ж, у тебя и ключа для настройки при себе нет? — раздумчиво спросил Гэвин.

Глаза у арфиста вспыхнули.

— Конечно, нет! Сколько лет он мне вовсе не нужен был!

У меня аж сердце заболело, когда он начал проклинать арфу, которую раньше так любил.

Он поднял инструмент над головой, словно в арфе была причина всех его бед. Я протянула руку, удерживая его.

Внезапно Томас повернулся и посмотрел в окно на далекие холмы.

— Только не сейчас, — с болью заговорил он. — Зачем же сейчас? — Мы сидели, как ледяные. — Вам, поди, нравится, — заговорил он снова, и в голосе еще звучала ярость. — Или вы ничего не слышите?

— Слышим? Нет, ничего.

— Трубы! Эльфийские трубы! Всадники гонят какую-то добычу. — Он наклонил голову, словно прислушиваясь. — Может, чью-то бедную душу травят.

— Том, милый, — сказала я, поднимаясь, чтобы откинуть с его с лица непослушные волосы, — это же морок. Дай-ка мне арфу и посиди спокойно.

Он только головой качает.

— Тут вы ничем не поможете.

— Запру двери, — с угрюмым видом говорит Гэвин. — Во второй раз они тебя не получат.

— Вы не понимаете... оно все еще со мной. Я ушел, но все такое чужое... О Мэг, — он вдруг взял мое лицо в ладони, но, по-моему, даже не видел меня, — Мэг, у меня были фонтан и сад, полный цветов... И такие одежды, и лошади, и драгоценности, и огни, каких вы отродясь не видывали...

— Все прошло, — я своими руками прижала его ладони, — все уже прошло. Оставайся с нами.

— Мэг, — он взглянул на нас почти с мольбой, — Гэвин, вы и правда хотите, чтобы я пожил у вас?

Гэвин глядит на меня, а у меня в глазах слезы, вот-вот разревусь, как девчонка.

— Мне всегда хотелось, чтоб ты жил с нами, — сказала я и поняла, что человек, который говорит одну правду, по крайней мере знает, когда и другие ее говорят.

* * *

После ужина Томас час с лишним все арфу настраивал, но играть не стал. Мы даже обрадовались, когда он, наконец, забрал одеяла и улегся спать на свое старое место у огня.

Уже в постели Гэвин мне шепнул:

— Как ты думаешь, он не свихнулся?

Я рассердилась, кулаком его в бок ткнула.

— Вот сам у него и спроси.

Я отвернулась, спать собралась, даже говорить не стала, что Томас на лицо ничуть не изменился. Гэвина этим не проймешь.

На следующее утро Томас куда больше походил на человека. Волосы спутанные, глаза припухшие, щеки явно требуют бритья. Он встал вскорости после меня и побрел к ручью. Вернулся продрогший.

— Иней так и лежит на траве, — говорит он, вытираясь. — Очень красиво. Только почему же здесь так холодно?

— Заморозок, — бросил Гэвин.

— А? — заморгал Томас. — И правда. Послушайте-ка, я хотел сказать, что мне очень стыдно за то, как я вчера...

— За вчера, — сказала я и брякнула на стол перед ним миску с кашей, — ты и так наизинялся больше, чем за всю прошлую жизнь. Если извинишься еще раз, смотри, окуну в кашу.

— Мне почти тридцать, — говорит он вдруг, не поднимая головы от миски.— Разве не странно?

— Вообще-то, странно, — сухо говорю я. — И что же сохранило твою юношескую красоту?

— Заклять... О черт. Хватит об этом.

— Хватит, — подтвердила я. — Давайте-ка без вопросов.

— Не тревожься, — мрачно говорит он. — Ты ведь тоже не особо изменилась.

Он снова задрожал: отвык от холода, а ведь сейчас только осень. Я подкинула в огонь еще торфа. Надо поискать ему одежду потеплее.

День был пасмурный, в воздухе пахло зимой. Мы втроем все утро возились в доме, Гэвин ткацкий

станок налаживал, Томас пытал свою бедную арфу, так что даже мне ее жалко стало, и тут Гэвин откладывает челнок и говорит:

— Вставай-ка, парень. Как раз успеем добраться до «Серебряного Петуха» и к полуночи домой вернуться. Я бы не отказался от глотка чего покрепче, да в хорошей компании.

Два-три раза в год на Гэвина находит желание до таверны прогуляться. Может, и сейчас нашло. Только Том говорит: «Нет, я лучше останусь», да так тихо, я еле разобрала.

— Ты что же, не хочешь послушать, что в мире делается? — гудит Гэвин еще настойчивее. — Ни в жизнь не поверю!

Гэвин уже дверь отпирает.

— Да ты же мужчина, — говорит, — а не сопливый подменыш. Вот и веди себя, как положено.

Оно верно, да только Рифмач, с этим его затуманенным взором и длинными волосами, на эльфа куда больше похож, чем на человека. Он повернулся и в упор посмотрел на Гэвина, стоявшего возле двери.

— Я — провидец, — говорит. — Этих ты куда относишь?

— Тем лучше, — как ни в чем не бывало, отвечает Гэвин. — К людям, которые знают чуток поболе других.

— Только и всего? — переспрашивает Томас и начинает заводиться. — Спроси-ка меня о чем-нибудь. Что с тобой будет, например. И я скажу правду.

— Этого мне ничего не надо. Я про тебя хочу знать, где ты был, с кем и зачем.

Вот оно и случилось. В первый раз с тех пор, как он пришел, мы спросили его напрямик. И, судя по тому, как напряглись у него плечи, мы должны были получить ответ.

— Я был у Королевы Эльфов, Гэвин. Она увезла меня с собой под Холмы, и там я служил ей семь лет, на пиру и в постели. Она обрекла меня на эту службу и на молчание, а потом освободила, наградив даром истинной речи, и вот я здесь, перед вами.

— Здорово, — сопит Гэвин, — а ежели я теперь тебе скажу, что ты врешь?

Томас вскинулся, но заставил себя сдержаться и четко ответил:

— Я рассказал тебе все, как было! Как ты думаешь, не проще ли мне было сочинить для тебя историю позабористей, дуралей ты старый.

Гэвин так и стоит, где стоял, ни на волосок не сдвинулся.

— Выходит, я старый дурак?

— Нет, — помотал головой Том. — Прости меня, Гэвин.

— Да я просто выяснить кое-что хотел, — мягко так говорит мой муженек, подходит поближе и кладет руку Тому на плечо. — Ты и правда мужчина, Томас. Мужчина, который немного вышел из себя. Бывает. Давай-ка выпьем.

И они на пару распечатали лучшее виски, какое в доме было.

— Не знаю, чем это поможет, — сказал Томас, опрокидывая чарку. Его все еще трясло. — Может, я хоть спьяну смогу приврать...

— Приврать ты в любое время сумеешь, — сказала я, очищая стол от муки. — Только волю дай.

— Посмотрим. Может, пообвыкнусь потом.

Только не пообвыкся он ни в этот день, ни на следующий. Каждый случайный вопрос его словно врасплох заставал.

Мы старались держать его поближе к себе и учились понимать заново, а он в это время заново учился понимать мир.

Потихоньку-полегоньку он начал привыкать и к своей здешней арфе. Он еще поругивал ее, но уже ласково. Он даже начал понемногу играть для нас, особенно если мы оба возились в доме, и тогда знакомые мелодии сменялись совсем странными. Казалось, сам он не знает, которые из них — здешние, а которые — из Волшебной Страны. Да ему-то ведь все одно — музыка.

И он ни разу не спросил про Элсбет, словно знал, что не готов объяснить ей все про разлуку, что сначала должен себя найти — да и вообще-то, как и большинство мужчин, когда им случается походя обидеть женщину, малость трусил.

* * *

Был пасмурный осенний день, когда Рифмач отправился побродить по холмам в одиночестве. Конечно, мы с ним выбирались наружу, да и Гэвину он много помогал с овцами, но я ужас как боялась отпускать его одного после того случая в Эйлдонских Холмах. Я даже незаметно обмотала кисточку рябины красной шерстью да сунула ему в карман. Это хорошее средство от фей.

Я считала нитки основы для большого полотна, когда послышался знакомый стук, и я поняла, что скучать не придется. Элсбет знала: мне надо стучать погромче.

Она принесла в подарок пару утиных яиц и прихватила вязанье, явно рассчитывая и на этот раз за работой просплетничать все утро.

— Ну вот, думала, помогу тебе, пока время есть, — говорит она, — но такие станины я никогда заправлять не умела. Вечно у меня нитки путаются, пока считаю.

— Ничего, — говорю, — мне не к спеху. Расскажи лучше, как ты.

Она уселась на лавку и с решительным видом достала вязанье.

— Спасибо, ужасно. Как всегда. Они еще не знают, что я ушла, а когда узнают, так такой вой поднимут, что мы и здесь услышим.

— Тебе, значит, надо поскорей возвращаться, — тихонько говорю я.

— Еще чего! Пусть полают, глядишь, разбойников распугают.

Я пыталась представить, какой она покажется Томасу, семь-то лет спустя. Девическая округлость лица исчезла; она превратилась в женщину, еще хорошенькую, но уже усталую, с обветренной кожей, выступающими скулами и узким, заострившимся подбородком. Руки вечно в трещинах, даже летом. Глаза до сих пор слишком быстрые, а губы уже вытянулись в упрямую ниточку. Копна рыжих волос потемнела, теперь она закручивала их в узел.

— Элсбет, — я наклонилась к ней и положила ладонь на ее тонкое запястье, останавливая мелькание спиц. — Почему бы тебе не вернуться к брату, там с тобой хоть считаться будут?

— Не хочу сидеть на шее у Яана и его выводка. Я ведь тебе еще тогда, четыре года назад, говорила, когда замуж пошла.

— Портишь себе кровь из-за собственной гордыни. Жизнью своей бросаешься...

— Да мне ее и бросить некуда, — спокойно так говорит она. — Мир — скучное место, а жизнь — сплошной тяжелый труд. Что же мне, по-твоему, за солдатами бегать?

Я так и села.

— Да, — говорю, — если уж ты себе в голову чего забрала, тебя никто не своротит.

— Мэг, милая! — улыбается она, только улыбка у нее сухая, холодная. Лучше расскажи мне, как Гэвин, или расскажи сказку, ну хоть что-нибудь расскажи.

— Ага, что хочешь болтай, только советов не давай. Ладно уж. Слушай, мы тут надумали Томову арфу продавать.

Она вздрогнула.

— Нет. Не сделаете вы этого.

— Почему? — В меня словно бес вселился. — Его уж семь лет как нет. Умер, поди, а если жив, так не вернется.

— А ну как вернется все-таки? Арфа же ему понадобится, наверняка понадобится.

— Если он зачем и вернется, так не за арфой.

— Но она же не ваша, как вы можете ее продавать?

— Ну а чья тогда? — вздохнула я. — По-моему, пусть уж лучше на ней играют. Чего она торчит тут попусту, а ведь когда-то она скрасила столько холодных ночей...

Мне показалось, Элсбет в обморок грохнется. Я видела, как оживает в ней память об этих ночах, поднимается и гаснет, точно костер, в котором слишком много дров.

— Наверное, вы правы, — говорит она и смотрит на свои загубленные работой руки.

— Я сон видела, ночей пять назад. Снилось мне, как он с холмов спустился и пришел к вам, одет весь в зеленое, а при нем — ни арфы, ни других вещей. Я его со спины видела, но это точно он.

Дверь внезапно распахнулась, в комнату ворвался холодный ветер. Мы обе вздрогнули. Могу поклясться, я не забыла ее запереть, когда Элсбет вошла.

— Мэг! — донесся снаружи голос. — Погляди, что я нашел!

И Томас протискивается в дверь, держа на вытянутых руках птичье гнездо, а в нем — два голубых яйца, странное дело по осени.

Он осторожно положил гнездо и тут увидел Элсбет. Она вцепилась в вязанье и сидит, не шелохнется. Потом говорит:

— Так ты вернулся.

— Да.

— А мне никто не сказал.

На меня не смотрит, словно меня и нет в комнате, словно весь мир существует только потому, что они в нем живут и смотрят друг на друга, совсем как той ночью, семь лет назад.

— Никто и не знал. Я недавно тут.

— Ты... надолго?

— Не знаю пока.

— Вид у тебя хоть куда, — говорит она, — тебе скитания явно на пользу.

Он тепло улыбнулся.

— Если бы ты знала, как далеко...

— И знать не хочу.

— Элсбет, — говорит он ей, — я должен тебе кое-что сказать.

Она ждет, и я тоже.

— Ты была права. — Он усмехнулся смущенно. — Чудеса есть. Я не очень-то верил, а ты точно знала. Там, в Эльфийской Стране, есть колодец, старый родник посреди зеленого леса. Рядом с этим колодцем стоит чаша. Ни одной птицы не слышно в этом лесу, только...

— Прекрати, — сказала она, не поворачивая головы. — Хватит с меня твоего стихоплетства.

— Хорошо, — покорно сказал он, — в другой раз. Но я столько должен рассказать тебе...

— А с чего ты взял, — говорит она и принимается за вязанье, — что я хочу тебя слушать? Я замужняя женщина, Томас, у меня теперь нет времени для всякой чепухи.

Он быстро взглянул на нее и побледнел, как смерть. Неспособный кривить душой, он словно забыл, что остальные к этому еще не готовы.

— Когда? Зачем?

— Давным-давно. Женщине положено выходить замуж, Томас. Я нравилась Джеку, а его сиротам нужен был уход.

— Понимаю, — пробормотал он, хотя ничего не понял. Чувства, должно быть, подсказывали ему, что дело нечисто, но он утратил способность оценивать слова и поступки. — Только все равно позволь рассказать тебе, где я провел эти семь лет; это мой долг перед тобой, если хочешь.

— Я и так знаю, где ты был, раз лицо у тебя осталось таким же свежим, а руки нежные, значит, ни дня за семь лет не проработали.

— Элсбет, выслушай же меня! Я был там — очарованный...

Почему-то ему очень хотелось рассказать ей об эльфах, не то что нам с Гэвином.

— Ну, пожалуйста, выслушай. Я так долго ждал — я думал, что во всем свете только ты и поверишь мне. Я думал, ты поймешь.

— Я давно поняла, — отвечает она, — что ты сгинул куда-то на семь лет и словечка нам не сказал, а теперь думаешь уладить все парой красивых фраз. Тебе не приходило в голову, что мы могли и устать от твоей лжи?

Он хрипло рассмеялся.

— Лжи? Я больше не могу лгать. Это тоже эльфийский дар.

— Мне или тебе? То-то славный подарочек! Уж лучше бы ты вернулся с парой семимильных сапог или с сундуком золота. Но ты, видно, решил, что мы — люди простые, с нас и этого хватит. Не стесняйся, Томас, я готова выслушать историю и похлестче, раз уж тебе пришла охота выговориться.

— Про что же хочешь ты услышать? Как пошел погулять на Эйлдонские Холмы, а там красавица на белом коне с серебряными колокольчиками пообещала мне все богатства земные, стоит мне только отправиться с ней, бросив все, что мне дорого? И как я ушел, бросив арфу, оставив девушку, которую называл любимой, подчиняясь безумной прихоти, на которую только поэт и способен? Если ты семь лет помнила меня таким, что же удивительного в твоих нынешних речах.

Теперь и у Элсбет лицо было, как мел, только на скулах горели два красных пятна.

— Так вот в чем дело, — сказал он, поглядев на нее, — конечно же. Ты считала меня мертвым. А я — вот он, жив-здоров, чем и разочаровал тебя, верно?

Она замерла, словно обратилась в камень и вот-вот рассыплется от любого движения, а не то — испепелит его гневом.

— Мне бы хотелось, — говорит, — один-единственный раз услышать правду из твоих уст.

Он поклонился ей низко и учтиво.

— Как изволишь. Вряд ли она тебе понравится, но ты ее услышишь. — Теперь слова его лились без усилий, напряжение отпустило его. — Семь лет назад я лежал на зеленом холме, и ко мне приблизилась дама на белом коне с серебряными колокольчиками.

Так встретил я Королеву Эльфов. Вместе с ней, в одном седле мы понеслись быстрее ветра, пока не оставили позади пределы смертных. Мы пересекли

реку, в которой текла кровь со всей Земли, мы миновали безжизненную пустыню, и белая дорога привела нас в Эльфийский Край. Я вспоминал тебя и Гэвина, и Мэг, и даже короля со всем его двором словно во сне, но вы-то были настоящие, это я жил в грезе, семь лет служа Королеве Эльфов.

По лицу Элсбет катились слезы и капали на пряжу. Борясь с подступающими рыданиями, она едва выговорила:

— Ты невыносимый лгун, Томас. Любой из нас так мечтает — мечтает, что в один прекрасный день к нам приедет кто-то на белом коне, украшенном лентами и колокольчиками, и увезет в золотой дворец, и назовет своим любимым. Всем хочется этого, Томас, а вот гляди ж ты, приезжают, конечно, за тобой! За тобой, арфистом, поэтом, красивым парнем с изящными манерами — за кем же им и ехать, если не за тобой!

Он все еще смотрел куда-то вдаль, как все рассказчики, а тут вдруг словно вспомнил про нее и умолк.

— Я не могу, — нерешительно начал он. — Во мне... Во мне ничего больше нет. У меня нет другой истории. — И он повернулся ко мне, такой молодой, неистовый. — Я не знаю другой истории, Мэг! Мэг, где же я тогда был, если не там? Что со мной приключилось?

Я только покачала головой.

— Элсбет, — повернулся он к ней, — чего со мной только не было! Тебе бы понравились мои рассказы, я точно знаю, что понравились бы.

— Хватит с меня сказок, Томас, — ее лицо припухло и покраснело от слез, но говорила она твердо. — Мне и своих хватает: о холодных зимах в Ридже, о детях, которые вечно орут, о бесконечных грязных горшках, о занозах от неструганого дерева и о том, как каждую ночь на тебя наваливается мужчина, потому что ты связана клятвой, и тем, что он дает тебе еду, чтобы не подохла с голода, и тряпье, чтобы прикрыть спину...

— Понимаю, — мрачно говорит Томас. — Но теперь с этим покончено. Оставь его.

Ее рука метнулась к горлу, она откинула голову и невесело рассмеялась.

— Ради кого? Ради тебя? Ты собираешься зарубить его своим блестящим мечом? Или я должна отравить его мозговыми костями?

— Все равно. Оставь его. Ты уже была хорошей женой, теперь можешь побыть и плохой. Я уверен, тебе понравится такая перемена.

— Джека уже нет. Он умер прошлой зимой. Но его родня предложила мне жить у них. Чего ради мне уходить?

— Ради меня, — сказал он. — Ради развлечения, ради мести, ради шутки, ради прихоти. Ради историй, которым ты не веришь, ради песен, которые забыла, ради приключения, которого у тебя никогда не было.

— Ради лжи.

— Что с того? — он схватил ее за руки и держал, хоть она и пыталась вырваться. — Называй как хочешь, пусть для тебя это ложь. Я солгал тебе только раз, когда говорил, что не создан для любви одной женщины.

— Ты хочешь унять свою совесть. Ты, правда, жалеешь меня, потому что я могу рассказать грустную историю не хуже тебя...

— Я знаю, что ты нужна мне, — сказал он. — Ты нужна мне, чтобы мои губы забыли вкус Эльфийской Земли.

И он поцеловал ее, поцеловал отчаянно, горячо, а я только ошеломленно смотрела на них.

Когда он отпустил ее, она так и осталась стоять, вся дрожа, и то краснела, то бледнела прямо на глазах.

— Грубо ты стал ухаживать, — проговорила она, — так тебе ни одного девичьего сердца не завоевать. А когда-то ты был обходителен, мой пригожий, красивый Томас. Если ты этому у эльфов научился, то лучше бы тебе к ним и вернуться, а нас оставить в покое. До свидания, Мэг, спасибо за чай.

— Элсбет, погоди...

Да только она была права. Семь лет назад у него получилось бы куда лучше. Зачем ей теперь его правда?

— Пожалуйста, Элсбет, — он еще пытался преградить ей путь, но она только глянула своими огромными глазищами, и он тут же отступил.

Томас так и стоял у двери, подставив лицо холодному ветру, когда вернулся Гэвин. И началось.

— Хоть кол на голове теши, — тут же завелся он, — совсем, что ли, из ума выжили? Выстудили весь дом и дела нет. Наверх сейчас поднимался, почудилось мне или в самом деле Элсбет навстречу пробежала?

Том смотрел на нас, не в силах слова вымолвить. Я накрыла к ужину, но он к еде и не притронулся, все в окно поглядывал. Снова взгляд у него был отсутствующий и настороженный, как будто он снова слышал звуки рогов там, где только ветер шумел в сухих травах.

Мы не пытались останавливать его, когда он вышел из дому, прихватив с собой плащ, а заодно и свои страдания. Но когда спустилась ночь, а его все не было, мы забеспокоились и решили, что с рассветом пойдем искать.

Едва начало светать, мы прихватили плащ, посох, немного еды и отправились к Эйлдонским холмам. Я измочила все юбки, лазая по мокрым от росы камышам да осоке.

Наконец мы добрались до травянистого склона под Эйлдонским деревом. Кто-то побывал под ним: трава была примята.

Мы нашли Томаса с западной стороны Бурахского кургана. Вымокший, грязный, он сжался в комок и дрожал во сне. Когда мы его разбудили, он вскрикнул и заговорил с нами так, словно не признал.

Гэвин набросил на него свой плащ взамен его мокрого, а я дала воды.

— Ни к чему это все, — пытался протестовать Томас, выстукивая дробь зубами. — Я не могу вернуться. Я все равно не принадлежу здешнему миру.

— Поднимайся-ка, — Гэвин говорит. — С мороза да на пустой живот не много надумаешь.

И мы втроем побрели к дому.

* * *

Томас отогрелся и обсох, но мрачное настроение не покинуло его и к вечеру, как ни пытались мы его растормошить.

— Никому я не нужен, — тусклым голосом повторял он снова и снова. — Такой жизни мне не вынести. Я слишком стар, чтобы учиться торговать. Я не знаю, с какого конца за мотыгу берутся...

— Лучшему арфисту во всей стране простительно не знать, как держать мотыгу!

— Лучший арфист в стране — просто сумасшедший! — вспылил он. — Как я теперь буду говорить с людьми? Как появлюсь перед королем или хотя бы перед Дунбарским графом после семи лет отсутствия и расскажу им, где меня носило? Задай они хоть

один вопрос — и я окажусь дурак-дураком! Я не вынесу, если окажусь общим посмешищем, — горестно закончил он.

— Мне так думается, — говорю я ему, — что тебе пора в путь. Возвращайся-ка в мир и посмотри сам, так ли он плох, как ты боишься. Что прорицателям порой приходится нелегко — это верно, да ты-то не при одном дворе успел послужить. А пение да игра на арфе никуда ведь от тебя не делись. Насочиняй новых песен, вот тебе и почет. Чего им от тебя еще ждать?

Том улыбнулся.

— Поглядим. Хорошо хоть, учиться пахать не придется.

— Попробуй, — гну я свое. — Вернуться всегда успеешь. Кстати, и у Элсбет будет время подумать.

— Ага, — поддакивает Гэвин, — а у тебя будет время серебром разжиться. Кому охота замуж за нищего выходить.

— Прямо как в одной из твоих историй, — размечталась я, глядя в огонь. — Принцесса со Стеклянного Холма, или Черный Конь и сын Короля Ирландии... Я скажу Элсбет, что ты пошел за удачей.

— Только если сама спросит, — мнется Том.

* * *

Как водится, Томас знал все обо всех, кроме себя. Там, в мире, его музыку еще любили и помнили.

Мы поняли, что с ним все в порядке, когда до нас стали доходить слухи о новом провидце, который объявился в здешних краях. Говорили, это он предсказал наводнение Варка и судьбу юного Трэнвайра. Этим летом слухи не намного опередили его. Еще не начинали убирать урожай, как он явился, озолоченный королями да князьями. До того дошло, что кто-то из них даровал ему старую башню в Лермонте, недалеко от Эрсилдауна, во владениях графа Дунбара и Марга. Юный граф, как раньше его отец, был добрым другом нашему Рифмачу; графский замок был как раз по другую сторону от Эрсилдауна, и Томаса всегда приглашали играть, когда граф бывал дома.

Мы про все узнали, когда Томас явился проведать нас с охапкой подарков и заново обретенной уверенностью на физиономии. Он показал нам несколько локтей зеленого шелка, гребень из слоновой кости и тяжелое кольцо, сплетенное из полос желтого и красного золота.

— А белого коня так и нет, — вздохнул он. — Как, по-вашему, это сгодится?

— Ты вроде свататься идешь, а не на рынок, — бурчит Гэвин.

— Оно конечно... да только кому охота замуж за нищего!

Ну в первый день он схлопотал пощечину, но гребень все-таки вручил. Во второй день гребень полетел в него, зато он ее рассмешил. А на третий день Элсбет заявилась к нам с тем самым кольцом на пальце и ворохом зеленого шелка на свадебное платье.

— Колечко-то волшебное, — объяснила она нам. — В тот день, когда Томас изменит мне, камешек в нем почернеет и треснет.

— Погоди-ка, тут же вообще камня нет, — углядел Гэвин.

Элсбет знай себе улыбается, а Томас выглядывает у нее из-за спины и поет.

Сошьем тебе платье из лилий,
А туфельки — из лапчатки.
Из нежных фиалок перчатки,
Из черемухи — плащ для милой.

Плеск вина и веселье зимних ночей,
В них услада души моей и очей,
А любезность прелестной девы
Дарит сердцу любви напевы.

А потом:

Не говорит она «да»,
Не дает от ворот поворот.
Улыбается, как всегда,
Сидит и спокойно шьет.

Год еще не кончился, как она снова принялась шить, а он — петь, но только теперь уже колыбельные.

Так оно и идет с тех пор. В Лермонте скучать не приходится: дети да няньки, да странники — из самого Ская ведь идут, чтобы с Рифмачом потолковать, успевай поворачиваться! Эта суета не про нас с Гэвином. Нам куда приятней, когда малышня к нам играть приходит. Томас говорит, ремесло его детям на пользу, так что обучены они и печь, и вязать, и за овцами ходить, и все прочее по хозяйству.

И Томас, и Элсбет все твердят нам, что если, дескать, зимой в холмах совсем уж холод одолеет, так нас ждет комната, где всегда топится очаг и перины пуховые.

Часть четвертая

ЭЛСБЕТ

Жизнь краткосрочную и долгое ученье,
Боль испытаний, тяжкий груз побед,
И радость скорбную, что так недолговечна —
Все это именую я Любовью...

(Джеффри Чосер. «Птичий Парламент»)

«ERSYLTON. Omnibus has visuris vel audituris Thomas de Ersildoun filius et heres Thomae Rymour de Ersildoun salutem in Domino...» *

(Грамота, дарованная сыном и наследником Томаса из Эрсилдауна, «Trinity House»**, Солтры).

В последние дни Томас совсем затосковал. А тут как раз в деревне пошли упорные разговоры, да такие странные, вот мне и захотелось, чтобы он послушал.

Молодой Тэм отправился навестить своих монахов в Мелроузе; он учился у них. Этот мальчишка умеет и читать, и писать, а вот как он разбирается, что прилично, а что — нет, я понятия не имею. Не знаю, чего ради ему торчать неотлучно у постели умирающего отца лишь потому, что он — наследник Томаса Лермонта.

И так ясно, что ждать осталось недолго. Наверное, я эгоистка, слишком уж мне хочется в это время побыть с Томасом одной. Даже когда умирали дети, мне было легче. У меня на глазах мой муж с каждым днем становится все слабее, я видела, как постепенно гаснет в нем то, что делало его моим и только моим, и он тратит последние остатки сил на то, чтобы оставаться человеком.

Первым умерло лицо: на смену то и дело меняю-

**«Эрсилтон. Во имя Господа, я, Тэм из Эрсилдауна, сын Томаса-Рифмача из Эрсилдауна, готов встретиться с тобой и выслушать тебя...» (лат.).*

***Trini-ty House — маячно-лоцманская корпорация Великобритании; основана в 1514 году; в течение нескольких веков пользуется особыми правами и привилегиями; находится в Лондоне.*

щимся настроениям пришло и застыло выражение упорного терпения, глаза чуть затуманились, глядя в те немыслимые дали, где боли уже нет.

Младшие мальчики стали мне поддержкой и утешением, хотя «помощь» их, что Эвина, что Кэя, сводилась все больше к опрокинутым подносам и разлитым бутылям с горячим поссетом, но ведь это потому, что головы у них заняты более важными вещами: что такое жизнь, да что скажут их приятели, да как улыбалась вчерашняя девчонка и улыбнется ли она завтра. Лучше уж это, чем причитания взрослых.

Нас всегда утешало, что в своих прозрениях он будто обходил знание о смертном часе кого-либо из нас. Даже Мэг и Гэвин ушли сами; Томас знал достаточно, чтобы оказаться рядом с ними в этот час, но не больше. Но потом, примерно год назад, он повернулся ко мне в постели и сказал:

— Ты увидишь, как я уйду, Элсбет. Мне совестно, но я рад этому.

И тогда, впервые за двадцать лет, я обозвала его лжецом.

О, я частенько поддразнивала его, мне всегда хотелось все знать. Понимаете, я думала, что смогу выдержать что угодно; что я готова разделить с ним все его знание... Я хотела разделить с ним все тяготы и радости, ради любви я хотела доказать, что не слабее его, хоть меня и не благословляла Эльфийская Королева, что у меня хватит и сил, и разумения.

И я обещала себе, что никогда не стану бранить его за правду, потому что знала: женщины на такое способны, а мне так хотелось показать, что я — не как все, что он не зря считал меня особенной.

Да только все выходило, как в той сказке про женщину, которая превращалась в печать, и ее мужа, который клялся ни разу не поднять на нее руку и, конечно, нарушал обещание... Нет, конечно, Томас никогда не превращался в печать и не исчезал никуда; и все-таки так оно и было, потому что невозможно твердо исполнять великие обеты в мирской жизни. И мне за эти годы не раз случалось делать как раз то, от чего я зарекалась — не раз и не два, а много... наверное, этим и отличается сказка от настоящей жизни. В сказке нет ничего неожиданного.

Мы и двух лет не были женаты, когда Томаса призвал Роксбургский король, и на этот раз я отправилась с ним. Но рассказать хочется совсем не об этом.

* * *

Это случилось уже после того как мы побывали в замке у короля. Канун Св. Мартина в тот год выдался снежным. Тэм был совсем маленьким. К нам во двор заявился какой-то бряцающий оружием отряд. Край лежал в запустении, и мы привыкли, что люди предпочитают путешествовать хорошо вооруженными. Я шила у себя в комнатах; я была хозяйкой дома, поэтому считалось, что я обучаю своих девушек ведению хозяйства, но, сказать по правде, многие из них обращались с иглой куда увереннее! Мы пели за работой. Бетси только что закончила очередную рубашку и рвалась помочь мне; мы как раз препирались по этому поводу, когда внизу послышался топот копыт, почему-то показавшийся нам особенно громким.

Я и головы не подняла, думала, граф приехал, я уже слышала, что он вернулся от королевского двора в Джедбурге, а ему нравилось посидеть с нами у очага, удрав от суматохи, царившей в его замке. Но Бетси вскочила, быстро выглянула и тут же закричала:

— Хозяйка, гляньте, какие цвета! — Поле недавней битвы осталось за мной, правда, победа оказалась бесполезной, потому что когда я выглянула сама, то разом забыла про всякое шитье.

Я видела раньше эти зеленые и желтые знамена, может, на большом пиру в Роксбурге, где мы были вместе с графом. Цвета наших друзей я уже выучила наизусть, а в Роксбурге просто рябило в глазах, словно ты на ярмарке красильщиков. Новых имен оказалось столько, что сама не знаю, как мне удавалось их не путать.

— Отправляйся-ка в кухню, — приказала я Бетси, — скажи, пусть согреют вино для гостей. А ты, Нэн, попроси Вилли разжечь камин в зале и присмотреть за лошадьми. Я сейчас спущусь к ним, только чепец новый надену.

Я нашла Томаса в спальне. Он забавлялся с Тэмом, любимым сыном и наследником, таким же хорошеньким и упрямым, как и любой шестилетний мальчишка, выпрашивающий у матери кусок пирога... но даже и тогда он временами бывал чересчур серьезным. Они строили страну из пуховой перины.

— Том, — спросила я, — желтый с зеленым — кто это?

— Яд, — ответил он, — или змея. Стой спокойно.

— Нет, это не загадка. Там люди во дворе.

— Тогда не змея. Это Эррол, — сказал Томас.

Я поглядела на мужа, думала, он догадается отослать мальчишку, но Томас не смотрел уже ни на сына, ни на меня. Я знала этот взгляд, обращенный внутрь себя, взгляд провидца, но теперь лицо его осунулось и помертвело, словно видел он дурные вещи. Когда он в и д е л, лицо у него всегда делалось ясным, как стекло. Я коснулась щеки — она была ледяная.

— Том, — сказала я, — я должна спуститься вниз, встретить их.

— Пусть граф Эррол пошлет за тобой и представится, как подобает лорду.

— Том, — запротестовала я, — я так не могу. В здешних краях так не принято. Том, даже супруга герцога из Роксбурга выходит встретить его у себя в зале. Ты хочешь, чтобы я важничала больше ее?

Сказать по правде, я и сама не знала, как правильно поступить. Семь лет замужества не такой уж долгий срок, чтобы освоиться с ролью жены Рифмача, хозяйки дома, где живет провидец.

И вообще обычно Том куда радушнее принимал посетителей. Если бы он не дурачился так с Тэмом, я бы встревожилась. Что-то в появлении Эррола то ли пугало его, то ли просто не радовало. С тех пор, как он вернулся из того, Другого места, да и потом, после нашей свадьбы, он иногда уходил побродяжить. И разве его правдивый язык не мог оскорбить кого-нибудь из этой своры принцев и знатных дам? Он был нужен им всем, только от него они могли услышать то, чего им хотелось, а заодно и то, чего не хотелось вовсе.

Вот почему они приходили теперь к нам, в Эрсилдаун, посоветоваться с Рифмачом. Одни отправлялись в обратный путь радостные, другие — грустные, третьи — просто озадаченные его загадочными ответами. Томас говорил мне, что честно отвечает на все вопросы, если вообще считает нужным отвечать, но не всегда говорит все, что знает.

Если появление Эррола грозит бедой, Томас предвидел бы ее и рассказал бы мне. Чего бы ни боялся мой муж, нас эта беда не касалась. Я схватила его за руку, чтобы вытащить из постели.

— Томас, пойдем со мной.

Тэм попытался ухватиться за нас обоих разом, но я отправила его к няньке и спустилась по лестнице, крепко держась за руку его отца.

Наш маленький зал не сравнить ни с королевским, ни с графским, и теперь он оказался битком набит людьми, грязными с дороги. Они блаженно отогревались у очага и потягивали горячее вино, поданное нашими слугами. Их зелено-желтые куртки казались странно весенними среди зимы, словно к нам не ко времени пожаловал Майский кортеж.

Когда мы вошли, все повернулись, разглядывая нас со смешанным выражением учтивости и любопытства.

— Добро пожаловать, — сказала я, — мы рады разделить этот кров со всеми, пришедшими с миром.

Словно пшеница зашелестела под ветром — нам указали на человека, стоявшего ближе всех к огню. Я ожидала увидеть грозного лорда Эррола, а увидела всего лишь пригожего темноволосого мальчишку.

— Госпожа, — обратился он ко мне, — я благодарю вас за вашу любезность. — Держался он гордо, и накидка его была оторочена мехом. — Я привез приветствия Томасу Рифмачу, Эрсилдаунскому провидцу, и его госпоже от графа Эррола.

Когда он заговорил, то показался мне старше: лет четырнадцати-пятнадцати, вполне подходящий возраст для графского посла.

Я почувствовала, как Томас рядом со мной словно окаменел. Я мельком взглянула на него, стараясь не привлекать внимания, и мое сердце тоже превратилось в холодный камень. Он смотрел на мальчишку с отчаянием, смешанным с ужасом. Никто ничего не заметил, да ведь никто и не знал его так хорошо, как я. Выражение лица, напряженное тело кричали мне об этом, а все прочие видели только обычную учтивость.

Так что мне самой пришлось отвечать посланцу, предоставив Тому хранить глубокомысленное молчание. Я не знала, то ли сердиться, то ли и правда пугаться, поэтому решила просто ограничиться своей ролью хозяйки дома. Оказалось, что юный посланник Эррола привез достаточно дичи для своих людей. Я показала ему комнаты для гостей и уговорила разместить людей в соседней деревне, вместо того чтобы укладывать их спать в нашем зале.

— Вот и славно, — заключила я. — А теперь, если вам будет удобно подождать здесь, юный... сэр, — и я осеклась, потому что этот неожиданный гость до сих пор не представился.

Он заметил мою неуверенность и сразу понял причину. Мальчуган вскинул голову, скрывая за надменностью робость.

— Я Хью Драммонд Карнеги, сын Эррола, графа Эррола. Мой отец граф шлет дары и просит совета у Рифмача.

— Добро пожаловать, — снова сказала я. Внезапно меня пронзила уверенность, что я уже видела его раньше. Только это никак не мог быть он: тот, кого я смутно припомнила, был старше. Но мысль сидела во мне занозой. Если не он, то, может, какой-нибудь родич? Но мы не знали никаких других Эрролов, или Драммондов, или Карнеги.

Я попрощалась с юным Эрролом, покрепче ухватила Тома за руку и вытащила за дверь.

— Очнись! — зашептала я ему в коридоре. — Сын Эррола гостит под твоей крышей! Тебе нечего бояться, какие бы темные тайны ты ни прятал. И не смотри так, словно тебя загнали в угол!

Томас вздернул голову и посмотрел на меня сверху вниз.

— Разве я говорил тебе, что тревожусь? Если будет какая-то опасность, я тебе сразу скажу.

Когда стол был накрыт, в зале появился наш Тэм, таща за собой Эррола и болтая без умолку. Похоже, продолжалась история про Тоби, мифического пони, которого Тэм уже несколько лет лелеял в своих мечтаниях и временами скакал на чем-нибудь подходящем по залам и коридорам, словно по полям. Эррол легко вошел в игру.

— Конечно, лошади побольше, чем пони, — донеслись до меня его слова, — но это вовсе не значит, что сердца у них больше.

— Тоби будет скакать, пока я не скажу, — говорил Тэм. — Я всегда даю ему яблоки. А твой конь ест яблоки? Мой — всегда ест.

Сын Эррола улыбнулся, и снова меня пронзило воспоминание. Я знала этот самодовольный взгляд... кого же мне так напоминает сын графа? А как отнесется Рифмач к тому, что фантазия его сына опередила правду отца? Вот уж действительно, яблоко от яблони!..

* * *

Когда ужин закончился, люди Эррола попросили разрешения присоединиться к нам. За едой играл деревенский скрипач, но мы всегда рады послушать что-нибудь новенькое, вот один из гостей и спел про Человека с Луны, который влюбился и с неба свалился. Потом поднялся еще один из гостей и исполнил для нас красочную, с прыжками, джигу, которой научился на севере. Я захлопала в ладоши от восторга. Он поклонился мне и сплясал еще раз.

Я только удивлялась, откуда у них силы берутся скакать после целого дня дороги. Но они не сдавались, к общей радости нашей челяди. Может, надеялись, что Том сыграет для них? Надо бы предупредить, что он сегодня не в духе. Я уже приготовилась подняться и объявить о конце пира, когда один из них, разгоряченный вином, крикнул:

— Давай-ка, Эррол! Где твоя арфа?

Том резко обернулся к мальчику, а тому явно стало не по себе. Но все же Эррол нашел в себе силы беспечно ответить:

— Арфа моя там, где я ее оставил, дома. А тебе никак мало нашей поклажи для присмотра, а, Дэйви?

Мужчины засмеялись. Ясно, что мальчика любили, и на язык он был остер. Тем бы и кончилось, если бы Томас вдруг не сказал:

— У меня найдется для тебя арфа.

Это был открытый вызов, и мальчуган понял. Я только прикусила губу; ну уж, потом я Тому все выскажу! Чем бы ни досадили ему Эрролы, мальчик не виноват, и нечего вымещать на нем обиду.

Хью Эррол перевел дыхание, помедлил, размышляя, и осторожно проговорил:

— Как могу я осмелиться играть на арфе в вашем доме, господин?

— Вот и мне интересно, — угрюмо проворчал Томас, — как ты сможешь?

Эррол чуть приподнял голову. Ростом он был невелик, но успел научиться вздергивать подбородок, создавая впечатление, что смотрит на собеседника свысока, хотя на самом деле смотреть ему приходилось снизу вверх.

— Раз вы просите, — сказал он, — я готов.

— Хорошо, — кивнул Томас и добавил погромче, чтобы слышали в зале:

— Ты сам выберешь арфу, которая тебе по руке.

Слуг отправили за арфами; люди Эррола довольно переглядывались, а я молила про себя: он должен быть хорошим арфистом, просто обязан! Но Томас смотрел на эти вещи по-другому — и внезапно я почувствовала в нем чужака, странника, которому довелось повидать слишком много разных залов.

Принесли арфы; он послал всего за двумя, хотя у него их было куда больше. Одна — совсем новая, большая, в новом стиле, а другая — его старая дорожная арфа. Я помнила ее: она была с ним, когда мы впервые встретились, на ней он начал играть, когда вернулся из Эльфийской Страны.

Даже не взглянув на первую, Эррол взялся за старую и начал ее настраивать. Он умел это делать, не то, что большинство рыцарей, годных только на то, чтобы протренькать пару песенок в угоду даме. Но когда она была наконец настроена и зал начал затихать, готовясь слушать, он вдруг протянул инструмент Томасу со словами:

— Не сыграете ли сначала вы, господин?

Его выдержке можно было лишь позавидовать. Лучший арфист всегда играет вторым. Томас протянул руку к арфе, и несколько мгновений они оба держались за обод, не принимая и не выпуская ее. Мальчик начал заводиться и с вызовом бросил:

— В детстве я часто слышал от матери рассказы о вашей искусной игре при дворе.

Теперь Томас вздернул подбородок и посмотрел на него сверху вниз. Мальчик тоже задрал голову, и тут я воочию увидела то, чего никак не могла вспомнить: две руки на арфе, вздернутые подбородки, длинные носы и высокомерный взгляд — Боже, как они были похожи!

Я пискнула, не громче мыши в углу, и тут же умолкла.

— Играй, — только и сказал Томас.

Никто, кроме нас троих, не понял истинной основы поединка. Люди Эррола с удовольствием смотрели, какая честь оказана их молодому господину. Эррол сел, примостил арфу — рядом с его щуплой фигуркой она казалась больше, чем в руках Тома, — взял несколько нот.

Я не думала, что замечу, но в его руках арфа звучала по-другому. Он взял еще несколько нот, так медленно, словно грезил наяву. Но постепенно начала складываться мелодия — я узнала мотив, хоть он и звучал иначе, — словно об одном и том же событии рассказывают два разных очевидца. Это был «Тонущий Ис». Эррол играл медленно и внимательно, проверяя, как отражается звук от стен и кровли, поддразнивая слушателей паузами. Потом начали вздыматься волны, зазвонили городские колокола, игра его стала по-юношески горячей, так что последние крики чаек звучали почти диссонансом, а сокрушительные удары последних волн гудели, как погребальный колокольный звон.

В восхищенной тишине, встретившей его, он помедлил, смахнул со лба темную прядь, словно других забот у него и не было. Никто не шелохнулся. Он поглядел на Томаса.

— Петь можешь? — потребовал тот.

— Случалось, — ответил мальчик, и голос его чуть запнулся. Но он отважно начал новый мотив: легкий речитативный аккомпанемент и негромкий, но чистый голос:

Вы все, чей шелком шит подол,
А косы — льна светлей,
Не смейте бегать в Картерхолл —
Там молодой Тэмлейн.

Дженет зеленый свой подол
Повыше подняла
И золото тяжелых кос
Потуже заплела,
И побежала по тропе,
Что в Картерхолл вела.

Но лишь цветок, что всех пышней,
Взяла за стебелек,
Явился рыцарь перед ней.
И строен и высок.*

Слушатели тревожно перешептывались.

— Неподходящая песня, чтоб петь в доме у Рифмача, — донеслись до меня чьи-то слова. Мы все знали эту песню про Тэмлейна, рыцаря, которого освободила юная Дженет из Картерхолла, носившая под сердцем его ребенка, про Дженет, спасшую Тэмлейна из рабства у Королевы Эльфов.

Но страшно вымолвить, Дженет:
Здесь, в сказочной стране,
Приносим каждые семь лет
Мы жертву сатане;
Достойней рыцаря здесь нет:
Назначат жребий мне.

«Семь лет», — подумала я и внезапно поняла, что оказалась внутри рассказываемой истории. Мы женаты как раз семь лет... Мне стало холодно, и не просто холодно. Кто этот мальчик? Он считается сыном графа Эррола, но кто его мать? Придворная дама? Из какого двора?

Теперь все смотрели не на певца, а на Томаса, гадая, что он будет делать. Рифмач сидел и спокойно слушал, как слушал бы любого менестреля.

Как мне узнать тебя, Тэмлейн,
Как мне тебя узнать,
Когда поедет по земле
Та неземная рать?

Дай вороным пройти, Дженет,
И пропусти гнедых,
А снежно-белого хватай,
Не выпускай узды!

Вот тогда и я почувствовала, что меня захватила песня, что я думаю о Дженет и Тэмлейне, и вижу перед собой блестящую эльфийскую кавалькаду, и слышу, как звенят в ночи колокольчики на конской сбруе — в дремучем лесу, а не в нашем зале, — и тут я поняла, как много мальчик унаследовал от своего отца.

Дала дорогу вороным,
Дала пройти гнедым,
Вдруг видит: снежно-белый конь
С Тэмлейном молодым.

Музыка вдруг стала богаче, глубже, гармоничнее. Это Томас начал подыгрывать.

Они играли вместе: мальчик пел, а Томас вел основной аккомпанемент. Я никогда не слышала ничего подобного и вряд ли когда услышу.

А потом вступил сильный голос Томаса.

На землю всадника она
Стащила в тот же миг,
Плаща зеленого волна
Укрыла их двоих...
И молвит Королева Фей —
О, как была та зла —
«Из свиты царственной моей
Ты лучшего взяла!

Тэмлейн, когда бы мне понять,
Что ты уйдешь сейчас,

**Баллада «Молодой Тэмлейн» в переводе М. Ковалевой.*

Земное сердце камнем стать
Заставила б тотчас».

Песня кончилась, но музыка еще продолжалась. Они играли все тот же мотив, вплетая в него все новые вариации, казалось, от начальной мелодии уж и следа нет, и все же она была тут. Ни разу музыканты не взглянули друг на друга; да им это ни разу и не понадобилось. Словно орел, кругами поднимающийся все выше и выше, а потом медленно парящий на воздушных потоках и планирующий вниз, они постепенно вернулись к основной теме, простой и без всяких прикрас. Обе арфы смолкли одновременно.

По одному, по двое люди медленно поднимались из-за столов, тихо желали друг другу доброй ночи и отправлялись к своим постелям и тюфякам, словно их сны уже начались. Мальчик глядел отсутствующим взглядом, не понимая происходящего, не зная, что сказать. Наконец он подошел к нам и просто протянул арфу.

— Нет. — Томас взглянул на него словно из неизмеримой дали. — Оставь себе.

— Но я...

— Оставь.

Томас опустил свою арфу, нет, просто уронил на пол, словно забыл о ней. Он поднялся и, пошатываясь, словно пьяный или измученный, двинулся по залу, нашел нашего Тэма, посапывающего в обнимку с гончей, осторожно поднял малыша на руки, покачал и понес в постель.

Пожелать Эрролу доброй ночи он предоставил мне.

Когда в спальню вошел Томас, я притворилась, будто сплю. Он знал, что это не так, но кое с чем даже Честному Томасу приходится считаться. Я не сердилась: может, он и об этом знал. Я думала. Я подсчитывала годы, прибавляла и отнимала. Семь лет назад он вернулся от Эльфов. Еще семь лет он провел там, и еще два — когда я его впервые встретила. Шестнадцать. Может ли этому мальчику быть шестнадцать? Когда это случилось — до или после нашей встречи с Томом на склоне холма?

В бессонной темноте все кажется возможным, чем хуже — тем вероятнее, чем чернее — тем зримей. Можно было бы потрясти его, спросить на ухо: «Что случилось? Кто он?» И спросонок Томас отверз бы уста и изрек правду.

Я молча протянула к нему руки, пробежала пальцами и ладонями по безответному телу и ласкала, пока чувства не вернулись к нему, а вслед за ними — желание, не требующее слов.

* * *

Хью Эррол застенчиво попросил разрешения войти в мои комнаты. Он хотел подарить мне кое-что перед уходом, а до приезда гонца времени оставалось совсем немного.

— В следующий раз, когда вы увидите Элизабет Драммонд, госпожа, она уже будет моей женой. И она обязательно родит мне сына. А вы приедете на крестины.

— Нет, — в комнату неожиданно вошел Томас. — Мы не приедем туда. Поэтому подарок я отдам тебе сейчас. — И он вынул простое серебряное кольцо, которого я никогда прежде не видела.

— Откуда, — начала я и остановилась по давней привычке недоговаривать вопросы.

— Рифмач, — запротестовал Эррол, — я и так получил от вас слишком много и не стоит...

— Это не тебе, — непреклонно заявил Том, — а твоему сыну, — и он положил кольцо на ладонь Хью.

Я перевела дыхание, но мир вокруг оставался таким же черным.

— Томас, — не выдержала я, — откуда ты взял это кольцо?

Он тяжело поглядел на меня.

— Получил от Мэг, — сказал он, — семь лет назад.

Только так и мог теперь мой муж соврать мне, а я перед графом не посмела продолжать расспросы. А потом прибыл гонец из Роксбурга.

Я накормила гостей напоследок. Они ели стоя, торопясь выехать, чтобы попасть в Роксбург до заката. Я не знала, что скажу Томасу, когда мы останемся наедине.

Я поглядела на него. На миг он перестал следить за собой, и лицо утратило суровую холодность, став тоскующим и печальным. Я раскрошила свой хлеб на куски.

Эррол прижимал к себе арфу, подаренное кольцо было у него на пальце. Он стоял перед Томасом и, казалось, не находил слов. Со мной он распрощался подобающе учтивыми словами, а Тому сказал напоследок:

— Мой отец послал дары прорицателю, но я сам должен сделать подарок арфисту. — И он отстегнул от плаща золотую заколку с рубиновой головкой и протянул моему мужу. — Моя мать любила говорить, что ваша музыка зачаровывает. Но теперь я знаю не только это.

Томас принял брошь.

— Благодарю. Похвала истинного арфиста — лестна. Я буду носить это у сердца и всегда помнить дарителя.

Я не осталась даже посмотреть, обнимет ли он сына на прощание. Я спустилась с башни, прошла через весь город и углубилась в холмы, как любила делать в девичестве. Ветер ярился на открытых пространствах, колючий терн стлался у самой земли. Вдали виднелся отряд Эррола — сверкающий и призрачный, как далекая весна, он уходил в сторону Роксбурга.

Я вернулась домой, вымокшая и окоченевшая.

Томас пришел в мою комнату, когда я пыталась отогреть у огня замерзшие ноги.

За каминной решеткой потрескивал огонь. Его длинные волосы касались моих коленей.

— Почему ты ничего мне не сказал? — спросила я.

Может, он решил сделать вид, что не понял меня.

— Я не знал, что у меня есть еще один сын. Я узнал об этом, только когда увидел его. А ты поняла все за обедом.

— Но ты не перестал бояться после того, как увидел его. А когда вы играли, хотел унизить...

— Нет, — быстро сказал он. — Нет, не так. Я только хотел посмотреть, насколько... насколько он и вправду мой.

— Что ж, ты получил ответ. Доволен?

Он промолчал.

— Неужели ты считаешь меня способной обидеть мальчика, который тебе дорог?

Его рука остановилась, стискивая мою лодыжку.

— Пожалуйста, не надо. — Говорил он тихо, но я хорошо его расслышала.

— Почему не надо? Что ты от меня скрываешь? — я боялась, поэтому начала злиться. — Чего нужно бояться? И кого ты собрался защищать? — я схватила его за волосы. — Чей он бастард? Какой-такой незамужней девицы? В чьей постели ты его сделал?

— Это важно? — взмолился он. — Она мертва.

— Важно, потому что я спрашиваю, — яростно выкрикнула я. — Разве я тебя когда-нибудь о чем-нибудь спрашивала? Укоряла в чем? Днем или ночью, часто я тебя расспрашивала? Томас, я столько раз прикусывала язык, чтобы уберечь тебя от ненужных вопросов, а теперь, когда это действительно важно, ты молчишь, как каменный!

— Мы что, на рынке? — взорвался он. — За каждую сотню незаданных вопросов ты требуешь права задать один по своему выбору? По каким правилам мы с тобой играем в эту игру?

— Это не игра! — крикнула я. — Или для тебя все на свете — только игра? Вот как ты всех нас видишь? Мы для тебя игрушки?

— Нет, — сказал он, и кончик носа у него побелел от ярости. — Но я намерен оставлять кое-что при себе, когда сочту нужным.

— Ну и пожалуйста, — отозвалась я. — Сколько угодно. Спи один и ешь тоже. Мне и смотреть на тебя опостылело.

Он поднялся и вышел из комнаты. Мы не разговаривали два дня. На вторую ночь даже до меня дошло, что любая правда все равно лучше моих выдумок, что чудовище, в которое я превращала его днем, не может быть тем самым Томасом, который прижимал меня к себе по ночам. Я встала и отправилась на розыски.

Он сидел один в моей пустой комнате, наигрывая на арфе и напевая «Прекрасную Анни»:

Коль зайцами станут семь сыновей,
Я гончей по следу пойду.
Мышатами станут семь сыновей,
Я кошкой их норку найду.

Я поплотнее запахнулась в стеганый халат и открыла дверь. Томас поглядел на меня поверх арфы.

— Прямо как в балладе, — сказал он. — Ты так и рассчитывала появиться, когда я буду петь свою исповедь?

— Нет, — сказала я, — просто не могла заснуть.

— Я пойду к себе, если хочешь.

— Нет, не хочу.

Арфа вздохнула, когда он откладывал ее.

— Ты все еще сердишься из-за Хью?

— Я никогда не сердилась из-за Хью, — виновато проговорила я. — Глупый же ты, если и вправду так думаешь.

Я села рядом с ним. Мы оба дрожали; камин почти потух. Он обнял меня, а я накинула халат на нас обоих.

— Она была придворной дамой, — заговорил он, глядя на краснеющие угольки. — Я так и не узнал тогда, что она понесла от меня, а ее обручили с Эрролом сразу после того, как... мы были с ней, той весной. Она была не глупа; она вполне могла пустить его к себе и до свадьбы, как только поняла, что произошло, чтобы ребенок мог сойти за его.

— Она любила тебя?

Он пожал плечами.

— Не думаю. Она хотела меня. А я — ее. Хотя когда мне пришлось убраться оттуда, удовольствия вроде как поубавилось. На нас начали обращать внимание.

А бежал он, конечно, к Мэг и Гэвину. Я не стала спрашивать, в какой его приход все это случилось. В общем, теперь мне уже и не хотелось это знать.

— Перед смертью она пыталась сообщить мне о Хью, но меня не было на Земле. Она отослала это кольцо с Норасом Бэвисом. Я решил, будет лучше, если оно останется у Хью.

Я кивнула.

— Он хороший паренек, Томас. Я рада, что мы знаем, кто он, даже если он сам не знает. Ты еще будешь гордиться им.

— Я бы хотел никогда не встречаться с ним, — сказал Том. — Никогда не знать.

— Ради Бога, Том, почему?

— Потому что он умрет меньше чем через год.

Холод пробрал меня до самых костей.

— Ох, Том, нет.

— Да, — хрипло сказал он. — Да. Как будто я в этом виноват. Как будто я мог сказать по-другому. — Он сглотнул, тяжело вздохнул. — Он заболеет и умрет, скажу я об этом или нет.

— Прости меня, — прошептала я, как девочка, разлившая молоко.

— Он пришел спросить у меня, сможет ли Элизабет родить ему здорового наследника, если он женится на ней, — слезы текли у него по лицу. — Я сказал ему: да. Но он так и не увидит своего сына. Этого я ему не сказал.

Я задала вопрос и получила ответ, но такого вопроса и такого ответа даже представить себе не могла. Зато теперь ему стало посвободнее в моих объятиях. Он пытался нести это скорбное знание в одиночестве; хорошо, что мне удалось облегчить для него хоть это бремя.

Оставался последний вопрос, который я никак не могла не задать, потому что каким бы ни был ответ, теперь я должна была его получить. Я знала, что мы можем никогда больше не вернуться к этой теме; и я знала, что эта рана должна стать чистой для нас обоих. Я тихо сказала:

— Кем была эта дама, когда ты ее знал, пока она еще не стала женой Эррола?

Томас сидел у моих ног, положив голову мне на колени. Он поднял лицо, мокрое от слез.

— Ты не могла ее знать. Она умерла, пока я был у эльфов.

Он страдал из-за сына; теперь он должен страдать еще и из-за его матери.

— И все же скажи.

Снова смотрел он в умирающее пламя.

— Лилиас, — сказал он. — Ее звали Лилиас Драммонд.

«Лилиас». Я тогда была девчонкой и насмехалась над темноволосым ухажером в домике Мэг. «Все, кроме одной, которую звали Лилиас». Та единственная из всех швей королевы, которая сумела не заснуть из-за любви к красивому арфисту.

* * *

Этой осенью все словно сговорились переплюнуть друг друга, лишь бы ублажить твой желудок. И про охоту забыли, и про медведей. Варенье у нас — от графини Мар, дичь на суп — из Дунбара с наилучшими пожеланиями; Дункан из деревни прислал флягу со своим знаменитым пивом и собственноручного изготовления овечий бальзам.

Сейчас ко мне пришли двое деревенских с рассказом о двух странных белых оленях, явно надеясь, что Рифмач прольет свет на это загадочное явление, но из вежливости не решаясь прямо попросить об этом. Я заверила их, что непременно передам это мужу, и сдержала слово. Слишком уж красивое было зрелище: обычное деревенское утро, и внезапно — два белоснежных оленя, он и она, бесстрашно и гордо шагают посреди главной улицы, а народ толпится за ними и глазеет, пока они не скрываются в лесу.

Рассказ походил на пьяную болтовню, я расхохоталась (когда они ушли), как давно уже не смеялась.

Они сочли это предзнаменованием. Для них все было предзнаменованием — от стаи ворон до собственного чиха. Наверно, жизнь с провидцем из Эльфийской Страны научила меня так прозаически относиться к предсказаниям. Я надеялась, что Томас посмеется тоже.

* * *

Я подхватила поднос с разогретым бульоном и понесла наверх.

Дверь была распахнута, я с удивлением расслышала голоса. Входить туда кому бы то ни было без моего ведома строжайше запрещалось. Там был не один Томас, бормочущий так, как он иногда бормотал в бреду — я отчетливо слышала и женский голос.

Я поставила поднос на подоконник и приготовилась учинить разнос, в которых поднаторела за двадцать один год супружеской жизни с Рифмачом — но меня остановил странный аромат. Я не сразу узнала его, а когда узнала, не поверила: свежий ветерок ранней весны, запах сырой земли и быстро текущей воды, и благоухание цветущих садов.

Я стояла ни жива, ни мертва и не могла заставить себя распахнуть дверь. Весенний запах шел из комнаты Томаса, оттуда же слышались голоса.

Я узнала его голос, слабый, но более уверенный, чем за все последние недели.

— Если бы я был мертвым, то чувствовал бы себя лучше, чем сейчас. Если это сон, то ты, наверное, превратишься в розу или, скажем, в стул. Поэтому буду радоваться пока тому, что есть. Я уже забыл, как ты прекрасна.

— Вот, — в голосе слышалось свежее тепло весны. — Чувствуешь, Томас? Я — не сон.

— Нет. Не сон. А ты понимаешь, что я женатый человек?

— Я знаю, что вы обещали друг другу перед деревенским приходом. Но смерть все равно разлучит вас.

— Почему ты пришла? — голос его звучал хрипло. — У меня больше нет... больше нет песен.

— О Честный Томас, разве ты забыл мое обещание? Я пришла помочь тебе.

Послышался сдавленный стон.

— Все хорошо, — сказала она, и голос ее звучал так утешающе, что даже я почти смягчилась. — Осталось недолго. Еще чуть-чуть, мой любимый..

— Помоги мне...

— Да. сейчас...

Он стонал так, как никогда не позволял себе, если я была рядом. Я прижала костяшки пальцев к губам.

— Уже скоро, — шептала она, — окончится твой срок. Окончатся ожидание и печаль, и ты пойдешь по прекрасной дороге, которую сам для себя выбрал. Тихонько, тихонько, Рифмач мой, все будет так, как я сказала.

— Я не могу...

— Все хорошо. Я с тобой. Держись за меня... Вот так... Еще чуть-чуть...

Больше я не могла этого вынести. Я распахнула дверь в комнату. Ослепительно прекрасная женщина сидела на кровати и обнимала Томаса. Его лицо исказилось от боли, тонкие кисти рук судорожно метались. Он словно потемнел и стал меньше, полускрытый ее длинными золотистыми волосами; осунувшееся лицо прижимается к ее зеленому плащу.

Женщина повернулась ко мне и улыбнулась. Потом бережно опустила его на подушки.

По крайней мере, так это выглядело. Но я видела, что другая рука ее согнута в локте, что складки зеленого плаща обрисовывают призрачную мужскую фигуру рядом с ней. Потом они исчезли. Запах цветущих яблонь еще миг висел в воздухе.

А холодное и безжизненное тело моего мужа осталось мне.

Я разглядывала его лицо, знакомое до малейших подробностей, замершее в восковой неподвижности смерти.

Все правильно. Должны же они были оставить что-то взамен?

Я рада, что знаю об этом. Скорбь моя не стала меньше, но я все равно рада. Я рада, что она пришла на помощь, как пришла бы и я, если б могла; пришла снова любить его, как пришла бы любая из тех, кого он любил раньше.

Моя любовь пребудет с ним до самой моей смерти. И, может, мы еще встретимся с ним в каком-нибудь краю за смертной рекой. А может быть, он был сужден мне всего на трижды семь лет. Не знаю.

Наверное, он бродит сейчас под цветущими яблонями в старом-старом саду. Наверное, играет для эльфов.

И, наверное, поет.

Перевели с английского
Наталья ГРИГОРЬЕВА,
Владимир ГРУШЕЦКИЙ

Техника молодежи

В издательском доме «Техника-молодежи» выходит «Энциклопедия техники»

В ней описаны типовые и уникальные образцы военной и гражданской техники, отечественное и зарубежное оружие; рассказывается о его создании и совершенствовании в контексте всемирной истории. Издание снабжено многочисленными цветными иллюстрациями, используются фотоматериалы, отснятые в запасниках Московского Кремля, Историческом и других российских музеях, а также в закрытых экспозициях «силовых» министерств и специальных служб.

Запланирован выпуск 25 томов семи основных серий:

1.Стрелковое оружие. 2.Авиация. 3.Бронетанковая техника. 4. Артиллерия. 5.Флот. 6.Автомототехника, городской транспорт. 7.История войн, сражений, боевого искусства.

Как подписаться на «Энциклопедию техники»?

Сделайте почтовый денежный перевод, эквивалентный (по курсу ММВБ) 5 долл. США на р/с 13345520 в АКБ «Бизнес», МФО 201638, уч.83, к/с 478161600 в РКЦ ГУ ЦБ РФ. Вышлите квитанцию о переводе по адресу: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, «Техника — молодежи». Укажите обратный адрес. Под этот залог вам вышлют один из первых томов «ЭТ». Чтобы получить следующий, переведите на указанный счет рублевый эквивалент (по курсу ММВБ) 2 долл.США. Объем и стоимость томов различна, но вы не прогадаете.

Телефон: (095) 285-72-94 Факс: (095) 285-16-87

И не забудьте подписаться на журналы «Техника — молодежи» (каталог АПР, индекс 70973; тел.285-16-87) и «Горные лыжи/SKI» (каталог «Книга-сервис», индекс 73076; тел. 285-88-96).

Елеазар Мелетинский,
доктор филологических наук

ЗОЛОТЫЕ ОКОВЫ МИФА

РЕЗУЛЬТАТ

«Это произведение — ярчайший пример того, как наш современник представляет себе сознание средневекового человека, заполненное мифологическими представлениями, не менее реальными, чем кров и еда» — писал о романе Э. Кашнер критик Л. Харт. То есть автор статьи проводит четкий водораздел между «детьми и отцами» именно по линии мифотворчества как основы миропонимания. Наши авторы (Л. Сараскина, Вик. Ерофеев, В. Розин) уже пытались ответить на вопрос, способен ли человек XX века создать новую мифологию. Свою версию предлагает нашим читателям директор Института высших гуманитарных исследований при Российском гуманитарном университете.

Мифы рождаются по общей схеме. Из древних мифов выросли волшебная сказка и героический эпос. На архаической стадии эпос глубоко мифологичен. Затем история вторгается в эпос. И появляются эпические произведения, повествующие о реальных событиях: Троянская война древних греков, битва на Косовом поле у сербов, Реконкиста в Испании. Но даже если предание возникло на основе исторического факта, все равно последний постепенно обрастает мифическими элементами и стилизуется по достаточно однотипным моделям. Исторические персонажи — короли и князья — занимают места мифических героев, враги — уже не чудовища, а иноплеменники: половцы, татары, мавры.

Возьмите легенды о самозванцах, они отражают реальность, но последняя оказывается подчиненной мифическому содержанию. Миф как бы становится жизнью. Ведь сами исторические события того же Смутного времени возникали, опираясь на миф.

Новые мифы рождаются каждый день. Но одни из них, индивидуальные, будут значимы лишь для конкретного человека или узкого круга лиц. Так, детально сконструированная мифология мира Средиземья, которую создал Толкин в своем «Властелине колец», продолжает жить среди его почитателей, но не выходит за рамки их круга. Другие, в создании которых принимало участие большое количество людей, могут оказаться устойчивыми. Но об этом мы поговорим чуть позже.

А ПОКА ВЕРНЕМСЯ к «классическому» мифотворчеству. Существуют стандарты мифологического мышления. В известной степени мировосприятие здесь не различает общее и конкретное, начало и конец, пространство и время, коллективное и индивидуальное. Ассоциация легко превращается в тождество. Одни исследователи, как Леви Брюль, считали мифологию иррациональной, алогичной по своей природе. Другие, например, Клод Леви Стросс, оценивают мифологичное мышление как архаично-громоздкое, но тем не менее рациональное. Оно работает с помощью медиации (не путать с медитацией), когда противоречия между полюсами уничтожаются тем, что находится промежуточный вариант. Или другой термин «бриколяж» — игра в бильярд «от борта». Это косвенная рациональность, когда между точкой отсчета и результатом какого-то действия лежит промежуточное звено, нами не учитываемое, но прямо воздействующее на поведение человека. Дело не в том, что люди оказываются верными мифу, а в том, что они мыслят, частично опираясь на него.

В массовом сознании архаические формы мышления позволяют с легкостью поверить в образ врага, в идеальное прошлое. И этого не избежать. Нельзя отказаться от мифологизма напрочь и ввести какую-то рациональную альтернативу. Ведь любое абсолютизирование рациональности, даже в науке, уже содержит элемент мифологизма. Более того, ритуально-мифологическое поведение играет очень большую роль в укреплении общества.

В ЧЕМ ИСТОРИЧЕСКАЯ суть мифа? Человек должен представлять себе окружающий мир таким образом, чтобы найти себе осмысленное, естественное и уютное место. Он видит вокруг себя элементы стихии, хаоса. Но человеку массовому трудно смотреть в лицо хаосу. Поэтому миф стремится представить целостную, гармоничную картину мира. В определенном смысле мифология — колыбель человеческой культуры, предшественница литературы, религии, научных воззрений.

Для мифа характерно представление о «раннем» времени, когда все пребывало в первозданном хаосе. И миф уделяет большое внимание борьбе рождающегося космоса с какими-то островками хаоса, которые обычно выступали в виде монстров. По мере развития патриархата носители хаоса часто приобретали черты «матери»-чудовища как носительницы женского демонического начала.

Миф связан, конечно, и с религией, одной из функций которой является упорядочивание существования человека в мире и придание миропорядку регулярного, повторяющегося характера. Даже наука, которая развивалась в процессе демифологизации, также исходит из присущего мифу преувеличенного представления о целесообразности, закономерности и осмысленности.

Если мы возьмем любую идеологию, в том числе самую антимифологичную, утверждающую строгий атеизм и научность — марксизм-ленинизм, например, — то увидим, как она повторяет самые типичные элементы мифологического мышления, только наоборот. Для мифа характерно представление о времени хаоса — здесь это период до Октябрьской революции. Ленин и Сталин — культурные герои, которые борются за превращение капиталистического хаоса в космос, социалистическую гармонию. Для религиозно-мифологической практики характерно, что какие-то события «раннего времени» потом повторяются в ритуалах, чтобы магическим путем закрепить и обновить победу космоса над хаосом. То же самое существовало и в советской идеологической сфере — праздники Октября и Первомай, торжественно оформленные партийные съезды, когда подтверждалась, «оживлялась» советская «космогоническая система».

Более того, хотя советской истории всего 75 лет, все «вожди» рассматривались не как преемники друг друга, а как некий продукт превращения первого «культурного героя» — Ленина: «Сталин — это Ленин сегодня». И даже в отношении Брежнева бытовало представление, что он является современным воплощением «отца-основателя», идеального вождя всех времен и народов. Культивировалось представление о враге как об образе непреодоленного хаоса, который сохранился где-то на периферии мироздания. Враждебные великаны и чудовища трансформировались в «бесчеловечное капиталистическое окружение», которое необходимо победить хотя бы в

«исторической перспективе». Обратим внимание и на эсхатологичность советской системы. Так же, как и христианская религия, она была подчинена движению к конечной цели. Только вместо «Второго пришествия» — коммунизм...

ЧТО ПРОИСХОДИТ сейчас, когда мы отказались от советского мифологизма? Куда мы движемся: к основам научности или обратно, в плен новой мифологии?

В основе новых моделей часто лежит тезис: «новое — хорошо забытое старое». Но это чисто мифологическое предствление, связанное с идеализацией прошлого. В эпосе, который вырос из мифа, существует представление о «золотом веке». Это империя Карла Великого, Киевская Русь Владимира Красное Солнышко и т.д. Говоря словами Стругацких: «Когда все были равны, и у каждого было одинаковое количество рабов». Сейчас таким «золотым веком» представляется «Россия, которую мы потеряли».

Присущие нашей российской ментальности соборность, обязательность общего решения для всех, непреодолимый коллективизм, когда все делается разом и хором (и во время первомайской демонстрации, и во время антипервомайской демонстрации), сочетаются с каким-то общим неуважением к интересам, чувствам, интеллектуальным потребностям и моральной позиции отдельной личности. Попытки представить эту особенность как необыкновенную национальную ценность, отличающую один народ от другого, имеют непосредственную мифологическую основу.

Я не хочу сказать, что возможно полностью вычеркнуть миф из нашей жизни и найти какой-то идеальный вариант. Это утопично. Такая попытка уже делалась — марксизм-ленинизм, система, основанная якобы исключительно на научном мышлении. Попытка эта завершилась созданием новой мифосистемы и лишь подтвердила прочность мифологизма массового сознания. Сейчас, в очередной раз, все выворачивается наизнанку. Вместо мифа о светлом коммунистическом будущем пояаилось не менее утопичное представление о светлом капиталистическом завтра. И по-прежнему мы живем не по законам нормального общественного устройства, а по законам мечты.

Если говорить об идеологиях, то любая из них носит в себе элементы мифологизма. Марксизм я привел как крайний пример, когда формальный отказ от мифа обозначил лишь смену символов.

Все в конечном счете определяется тем, что в народе, конечно, сохраняются остатки всех прошлых мифов — православных и языческих, советских и антисоветских. Может быть, наличие этих осколков мешает людям трезво взглянуть на реальность. Что касается реальной политической жизни, то она упирается в самый факт грандиозного переворота, который произошел за последние годы и сопровождался страшным хаосом.

СОЗНАНИЕ МАСС ЛЮДЕЙ представляет собой кашу из различных мифологических построений, искаженных и упрощенных. К тому же людям хочется жить в нормальной обстановке. Я не думаю, что есть какой-то особый путь, с помощью которого мифологизм масс можно преодолеть.

Нв Западе эти мифологические линии тоже существуют, но ограничены социальными и политическими структурами. Их носители, будь то религиозная секта или какая-то лево-радикальная организация, в основном остаются на периферии устойчивых общестаенных структур. В России эти структуры складывались в условиях деспотического правления, а социально-экономическое развитие российского общества шло достаточно аморфно — у нас не было цехов, сеньората с его феодальной лестницей. Поэтому на Западе, где это состоялось, общество сложилось в более отчетливую, продуктивную структурную систему. Сейчас они держатся на этом. Появились новые трудности социально-экономического характера, но там они пока преодолеваются, хотя тоже существуют различные идеологические течения, правда, в менее напряженном хаотичном движении. И главное — личность на Западе выделена в значительно большей степени, чем в России.

У нас, может быть, лучшая в мире интеллигенция, но составляет она очень небольшую часть общестаа, и к ней всегда недоверчиво и несколько презрительно относились и правящая элита, и массы. Уважение к индивидуальности, свойстаенное Западу, отсутствует у нас так же, как и во многих других странах Востока. Хотя я не считаю Россию восточной страной, она вполне европейская, как и когда-то Византия. Но эта недостаточная выделенность личности еще долго будет препятствием дальнейшему разаитию циаилизации. Именно она консервирует всякого рода мифологические пережитки, сохраняя их привлекательность и соблазнительность.

Вместо преодоления советской мифологии по всем возможным линиям происходит полный отказ от рационализма в сторону иррационализма. Это проявляется в возаращении к церковно-религиозному мышлению, причем в самых примитианых формах, где на первый план выступают соблюдение внешней обрядовости и национализм. А это совершенно непереносимо для любого мыслящего человека, в том числе и для глубоко верующего.

Мы живем в период кризиса культуры, один из элементов которого — необыкновенное распространение культуры массовой. Все-таки элитарная культура всегда развивалась обособленно. Так было и в XIX веке, когда параллельно с Пушкиным, Гоголем, Тургеневым существовал лубок. А сейчас «лубок» захлестнул почти все.

Продукция массовой культуры глубоко мифологична, возьмем ли мы рекламу или шоу-бизнес. Леня Голубков с его сапогами для любимой выступает носителем отечественного варианта «американской мечты». «Звезды» кино и эстрады вытеснили святых с их места в массовом сознании.

Мифы хорошо себя чувствуют и а науке. Яркий пример — произведения Льва Гумилева. Чистая мифология. И это, естественно, философия обобщает, но не останавливается перед неисследованным и движется дальше, дополняя недостающие звенья воображением.

Иррациональность проступает и в распространении «технических» мифов, например, об НЛО и инопланетянах. Я не берусь утверждать, что «тарелок» не существует, но вот рассказы об общении с инопланетянами типичны с точки зрения мифологической культуры. А истории о «снежном человеке» идентичны аналогичным рассказам о леших, домовых, русалках и строятся по той же примитивной языческо-суеверной модели. Доходит до абсурда, когда по радио говорят, что, скорее всего, Ломоносоа был сыном инопланетянинв, поскольку у простого крестьянина такого талантливого ребенка родиться не могло. Вульгарная идеализация прошлого сводится к утверждениям, что египетские пирамиды хранят необыкновенные научные тайны или что в Ригведе заключены данные по квантовой механике.

Или вот из передачи ТВ. В одном доме появились духи. Вызвали специалиста по аномальным явлениям, тот покрутил верньерами приборчика и заявил: «Даю гарантию на два месяца, что духов не будет».

И таких примеров мы встречаем бесконечное множество. Уж не говорю об астрологических прогнозах, которые не имеют ни малейшего научного основания. Даже с точки зрения классической астрологии это носит комический и шутовской характер, когда с «голубого экрана» вам сообщают о том, как в какой день себя вести, с кем общаться.

ЧТО КАСАЕТСЯ ПРОГНОЗА, то у меня нет осноааний для оптимизма. Знаете, самая вктуальная формула, которую сегодня можно почерпнуть из фольклора: «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»... Я думаю, что переживаемый Россией хаос настолько велик, что его преодоление, если найдутся рациональные силы, потребует очень длительного времени. В «Трех сестрах» Чехова, помните: «Через 300-400 лет жизнь будет прекрасна...» Посмотрите, с какой легкостью современное общество отступает от цивилизации (не только в России). Такое ощущение: еще немного, и завтра опять на дереао полезем. Нас захлестнули военные конфликты. Куда там первобытным схваткам — даже те были человечнее. Даже героический эпос, который все гиперболизирует, в том числе и взаимную ненависть, описывая войны христиан с мусульманами, не дает той картины ожесточения, того дикого садизма, которые есть где-то на Кавказе или в Таджикистане, на Балканах или в Африке.

Общество в целом не способно подняться над мифом. Но это может сделать отдельный человек. И только тогда, когда у нас в стране будет накоплен достаточный потенциал личной свободы, можно будет говорить о возрождении России.

Век мечей и секир,
треснут щиты,
век бури волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

Прорицание Вельвы. "Старшая Эдда".

Кирилл Королев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

В предыдущем номере «Если» публикацией работы Кингсли Эмиса мы открыли новую рубрику «Система координат». Окончание книги Эмиса будет опубликовано в следующем номере журнала, а сегодня, учитывая тематику произведений, мы хотим поближе познакомить вас с персонажами, полюбившими жанр фэнтези. В этом нам поможет известный переводчик, исследователь фольклора К.Королев, подготовивший «Англо-русский толковый словарь мифологических и фольклорных реалий и персоналий».

В романе Клиффорда Саймака «Город» несколько раз упоминаются создания, именуемые писателем гоблинами, как следует из текста, обитающие в некоем параллельном измерении, откуда совершают вылазки в наш мир. В других произведениях именитого автора встречаются не только гоблины, но и бэнши, гномы, брвуни и прочие, скажем так, сказочные существа. Все они в итоге оказываются обитателями либо иных измерений, либо иных планет. Подобная гипотеза о происхождении сказочных персонажей представляется достаточно правдоподобной — по крайней мере, имеющей право на существование. Во всяком случае, для меня она предпочтительнее той, которая все сводит к суевериям невежественных предков, чье воображение, дескать, и населило мир эльфами и гоблинами. На мой взгляд, она вполне объясняет многие факты действительности, которые с давних пор относятся к разряду «необъяснимых».

Схожие представления о сказочных существах как об обитателях иной плоскости бытия обнаруживаются не только в фантастике. Они зародились в глубокой древности. Мифы самых разных народов повествуют о том, что время от времени среди людей появляются загадочные создания — то злобные, то доброжелательные, наделенные чудесными способностями, прекрасные или, наоборот, чудовищные. Они — неизменные спутники человека на всем протяжении мировой истории: они присутствуют рядом с нами, незримые или не замечаемые. Они — наши соседи, соседи по планете. Соседей же, как убедительно свидетельствует житейский опыт, желательно хотя бы знать в лицо. Давайте попробуем заглянуть в лица тех, кто населяет измерение, известное под многочисленными названиями, самое распространенное из которых — Волшебная Страна.

Пожалуй, сразу стоит оговориться: основное внимание в дальнейшем будет уделено персонажам германо-скандинавской мифологии и английского фольклора (под английским разумеется фольклор не только собственно англичан, но и шотландцев с ирландцами). Причин тому несколько. Во-первых, эти персонажи — наиболее частые гости на страницах литературных произведений. Во-вторых, мы, европейцы, как ни странно, довольно слабо знаем европейскую мифологию — естественно, если не принимать в расчет древнегреческую и римскую. В-третьих, германо-скандинавская фольклорно-мифологическая традиция — одна из наиболее разработанных, с четкой иерархией система, в которой каждая группа, каждое сообщество сказочных существ обладает особыми характеристиками, позволяющими без труда отличить брауни от бэнши, а эльфа от гоблина. Правда, в литературе, да и в обиходе, волшебных созданий часто путают, а то и намеренно отождествляют: в результате возникают диковинные гибриды. Впрочем, об этом позже.

Большинство людей, если задать вопрос: «Кого из сказочных существ вы знаете?» — первыми почти наверняка назовут эльфов. Эльфы приходят к нам в детстве вместе с волшебными сказками. Мы привыкли воспринимать их как крохотных созданий, которые питаются росой, на ночь укладывают своих детей в чашечки цветов и водят хороводы на лесных лужайках. Однако нынешний образ эльфов, сложившийся благодаря Шекспиру, Перро и другим авторам XVI — XVIII вв., имеет мало общего с первоначальным. Редьярд Киплинг называл нынешних эльфов «летунишками с крыльями бабочек и палочками вроде учительской указки в руках». Что же привело к подобной «деградации» некогда гордого и воинственного народа?

Эльфы — потомки скандинавских альвов. Последние делились на две категории — светлых и темных. Альвы невысоки ростом, весьма ловки, проворны и склонны ко всякого рода проделкам и злым шуткам. Темные альвы, вдобавок, искусные ремесленники. В частности, именно темные альвы, которых порой также называли цвергами, выковали для богов-асов оружие и чудесные украшения.

Скорее всего, альвы проникли в Британию заодно с викингами, которые покорили часть территории острова, а позднее, по-видимому, произошло слияние двух фольклорно-мифологических традиций — германо-скандинавской и кельтской. Альвы объединились с сидами: так возникли эльфы, которые впоследствии «переселились» на континент. Сиды — божественные существа, обитавшие под землей, в холмах (отсюда одно из обозначений сказочных существ — «Народ Холмов»). Они величественны и прекрасны, наделены магической мудростью, живут необычайно долго, часто соперничают и воюют друг с другом. Они как будто бессмертны, однако бессмертие заключается в том, что им не страшна старость, — эльфы умирают, лишь получив ранение на поле брани.

Как уже было сказано, представление о высоких и прекрасноликих эльфах, во многом схожих с людьми, бытовало до начала XVI в., а затем постепенно сошло на нет, и эльфы сделались теми крохами, какими мы их знаем сейчас.

В средневековой европейской демонологии эльфами именовали элементалов, то есть стихийных духов, к которым принадлежат духи воздуха (сильфы), огня (саламандры), воды (ундины) и земли (гномы).

История гномов столь же запутанна, как и история эльфов, и изобилует множеством темных мест. Начнем с того, что русский язык отождествляет гномов с карликами, хотя это, мягко выражаясь, не совсем верно. Собственно гномов вряд ли можно отнести к фольклорно-мифологической традиции. Они — своего рода гомункулусы, так же, как сильфы и саламандры. Первое описание гномов содержится в трактате прославленного средневекового ученого Парацельса (1493 — 1531). Само слово «гном» происходит, по всей вероятности, от латинского «genomus» («живущий в земле»). Гномы способны проникать сквозь землю с такой легкостью, будто плывут по воде или летят по воздуху. Главная их задача — охранять сокровища земных недр.

Карлики встречаются в мифах не только европейских, но и многих других народов. Чаще всего они изображаются как целый народ, который живет в пещерах, а лесу или воде. Они не слишком расположены к людям, похищают женщин и детей (тем же, впрочем, грешат и эльфы), но иногда помогают или, по крайней мере, стараются не причинять вреда. Полнее всего карлики представлены в германо-скандинавской мифологии, где носят имя цвергов. Они возникли на заре времен из тела великана Имира, родились из червей, что копошились во внутренностях исполина — так утверждает «Младшая Эдда». Согласно «Старшей Эдде», цверги были созданы из крови и костей великана Блаина (возможно, тот же Имир). Цверги живут в земле, боятся солнечного света, который превращает их в камень — это роднит цвергов с троллями. Выше уже упоминалось, что цверги — темные альвы — изготовили сокровища богов: ожерелье богини Фрейи, волшебный корабль, магическое копье, вепря с золотой щетиной и многое другое. Четве-

ро цвергов, которых «Старшая Эдда» называет по именам, поддерживают небесный свод (здесь можно провести любопытное сопоставление: в греческой мифологии небо поддерживается великаном).

Европейская традиция наделяет карликов рядом характерных признаков: они связаны с горами, кузнечным ремеслом, золотом и прочими металлами. Обычно в облике карликов подчеркиваются черты зрелости и даже старости. По преданиям, зрелости они достигают в три года, а а семь лет у них отрастают седые бороды. Очень может быть, что в XVI — XVII вв. в представлениях некоторых народов Европы произошло отождествление карликов с гномами, связанное, по-видимому, с повсеместным увлечением алхимией, благодаря чему последние и приобрели незаслуженный статус сказочных существ.

В английском и многих других языках гномы и карлики называются по-разному, однако в русском подобного различения, к сожалению, не существует, из-за чего иногда при переводе того или иного художественного произведения возникают досадные недоразумения. На-пример, в эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» действуют именно карлики — на худой конец цверги; однако переводчики вынуждены следовать обиходу, и получается, что писатель, книги которого этнографически совершенно точны, допустил весьма существенную ошибку.

Функции хранителей сокровищ с гномами — или карликами — делят и некоторые другие существа, как то: ирландские клуриканы и лепрехуны, а также драконы. Клуриканы — крохотные старички, главная задача которых — следить за сохранностью вина и пива (они обитают в винных погребах). Если клурикану понравится кто-либо из заглянувших в погреб, он может указать человеку, где зарыт или спрятан клад. Лепрехуны — маленькие башмачники — стерегут запрятанные сокровища, местонахождение которых можно выведать, если поймать лепрехуна и подробно обо всем у него выспросить, не спуская с пленника глаз.

Стерегущие сокровища драконы — сюжет, который встречается в мифологии и фольклоре различных народов. Дракон представляет собой летучего змея, у него голова и туловище пресмыкающегося и крылья птицы. Тот дракон, которого сразил Святой Георгий, был, если можно так выразиться, геральдическим: нетопыриные крылья, жало на кончике хвоста, огненное дыхание. Однако в скандинавской мифологии и фольклоре германских народоа драконы — прежде всего змеи. Они бескрылы, ползают по земле или переступают очень короткими лапами; дыхание у них не огненное, а ядовитое. В кельтской традиции большинство драконоа — тоже змеи, тогда как китайские драконы, как правило, крылаты. Драконы и змеи имеют между собой много общего: и те, и другие покрыты чешуей, населяют пещеры или водоемы, склонны похищать девушек, в особенности принцесс. И змея, и дракона чрезвычайно сложно убить. Для этого необходимо отыскать на теле чудовища — обычно на брюхе — одно-единственное уязвимое место.

К драконам могут быть причислены василиски — диковинные существа с туловищем жабы или ящера, змеиным хвостом и головой петуха, — которые, согласно легендам, вылуплялись из яиц, снесенных петухом и высиженных змеей. Василиски обладали способностью убивать взглядом: стоило василиску посмотреть, скажем, на человека, как тот немедленно превращался в камень. Кроме того, в родстве с драконами, очевидно, состоят гидры — описываемые в средневековых бестиариях водяные чудовища, которые жили в реке Нил и постоянно враждовали с нильскими крокодилами. Гидры забирались крокодилам в глотки и раздирали им внутренности.

Раз мы заговорили о тех созданиях, которые живут в воде, конечно же, нельзя обойти вниманием русалок. Здесь следует упомянуть вот о чем. Русалки как таковые — персонажи славянской мифологии, они обитают в пресной воде. Их западноевропейские «родственницы» — ундины, прекрасные девушки с рыбьими хвостами, которые пением и красотой завлекают путников на дно, чтобы погубить их или сделать своими возлюбленными. Полюбив человека и родив от него ребенка на суше, ундина может обрести бессмертную душу.

Русский язык называет русалками и морских женских духов европейской низшей мифологии, тогда как последних правильнее называть морскими девами. Морские девы обитают на дне моря а чудесный дворцах, ведут человеческий образ жизни, всячески стремятся завлечь к себе смертных, прежде всего моряков, которых зачастую уже не отпускают, но иногда и освобождают, щедро одаривая на прощание. Людям они являются, как правило, в облике прекрасных женщин, однако могут превращаться как в рыб, так и в различных животных.

Нередко с морскими девами соседствуют морские мужи. Им подаластна стихия, они насылают ветры, чтобы заполучить в свои жилища утопленников. На Оркнейских и Шетландских островах, а также в Шотландии и Ирландии бытуют предания о полулюдях-полутюленях. Они подобны людям, однако жиаут под водой, порой — в укромных бухтах, а принимая обличье тюленей, странствуют по свету, ибо не могут долго дышать воздухом. Одно поверье гласит, что они — ангелы, которых изгнвли с неба, но грехи которых недостаточно тяжелы для того, чтобы низвергнуть их в ад. Согласно другой легенде, здесь мы имеем дело с целым народом, обреченным за свои грехи жить под водой, но получившим разрешение, выходя на сушу, обретать человеческий облик.

Среди всего многообразия сказочных существ выделяются своим ростом и силой великаны — персонажи бесчисленных волшебных сказок, которые фигурируют также и в мифологических представлениях различных народов. Великаны разнятся между собой почти во всем, кроме разве что исполинского роста и колоссальной силы. Одни происходят от богоа, как, скажем, скандинавские турсы; другие, подобно менке в финно-угорской мифологии, являются злыми духами; третьи — скандинавские етуны — представляются неким враждебным народом.

В Англии существует предание о божественном великане по имени Бран Благословенный, который был столь велик, что смахивал на ожившую гору и без труда преодолевал вброд морской пролив между Уэльсом и Ирландией. Отсеченная голова Брана приносила благополучие той местности, в которой находилась; по легенде, пока она хранилась в Лондоне, Британия могла не опасаться вражеских вторжений. Такие великаны — то есть те, кто ведет свой род от богов, — в сказках часто состязаются в хитрости и ловкости с дьяволом и обычно выходят победителями.

Менке — злые духи-оборотни, тела которых неуязвимы: слабое место можно обнаружить лишь при помощи магического искусства. Победит же менке только тот, кто превзойдет его в хитрости.

Скандинавские етуны обитают в холодной, каменистой стране далеко на северо-востоке мира. Они враждуют с богами, постоянно стремятся отнять у тех жен и сокровища, нападают и на людей, обитель которых — Мидгард, то бишь «Средний город» («мир») — защищает вооруженный чудесным молотом бог-громовик Тор.

В большинстве своем великаны не слишком умны и не очень кровожадны, однако в Волшебной Стране водятся и великаны-людоеды, настоящие чудовища, зачастую с несколькими головами. Справиться с подобными монстрами, как и в случае с менке, можно исключительно хитростью, да и то необходимо либо самому быть колдуном, либо иметь при себе волшебного помощника, наподобие Серого волка в русских народных сказках.

В художественной литературе великаны, как правило, людоеды; иными словами, письменная традиция подхватила лишь одну черту «великаньего» образа.

К великанам примыкают тролли, громадные и безобразные существа, которые обитают внутри гор, где и хранят свое добро. Тролли наделены чудовищной силой, однако непроходимо тупы. Они ближе к людям, чем етуны, и занимаются тем, что вредят человеку: похищают скот и красивых девушек, крадут младенцев и тому подобное. В позднейших фольклорно-мифологических представлениях троллей иногда отождествляли с гномами. В позднейшей литературной традиции тролли постепенно мельчали, пока не превратились в этаких шаловливых малюток.

Низшая мифология германских и кельтских народов знает немало таких созданий, чье существование напрямую связано, а порой даже зависит от людей. В частности, тут можно упомянуть о бэнши (или, как иногда пишут, баньши). Это персонажи ирландской и шотландской мифологии, сверхъестественные существа в обличье женщин. У них длинные распущенные волосы, налитые кровью глаза, зеленые платья, поверх которых накинуты серые плащи (кстати, зеленый — излюбленный цвет Народа Холмов). Бэнши опекают человеческие семейства, издают душераздирающие вопли, оплакивая смерть кого-либо из

членов рода. Встреча с бэнши предвещает скорый конец. В буквальном переводе слово «бэнши» значит «женщина из сидов».

Кроме бэнши, людей опекают и брауни, которые во многом схожи со славянскими домовыми. Ростом они около 3 футов, одеты обычно в коричневые лохмотья (отсюда и название: «brown» по-английски — «коричневый»). Они появляются по ночам и выполняют ту работу по дому, какую недоделала прислуга. Брауни считают себя обязанными присматривать за теми домами, в которых живут; рассчитывают на награду в виде миски молока или сливок. Способны на различные проказы: если брауни рассердить, он может погубить хозяев дома. Стоит предложить брауни новую одежду или что-либо еще, помимо сливок, как он тут же покидает дом, за которым следил, и уже не возвращается. Разгневанный брауни превращается в боггарта — проказливого духа, который зачастую ведет себя точь-в-точь как полтергейст.

Брауни принадлежат к хобгоблинам, шаловливым, но в общем и целом дружелюбным и сравнительно безобидным существам. В эпоху Английской буржуазной революции пуританский взгляд на мир привел к тому, что хобгоблинов стали отождествлять с исчадиями ада (Джон Беньян называет их «бесами»). В фольклорной же традиции хобгоблинам противопоставляются гоблины — злобные, жестокие создания, весьма уродливые на вид, которые всячески стараются досадить человеку. Попадаются среди них и такие, кто не ограничивается мелким вредительством. Бывают гоблины-вампиры — таков, например, зловещий старик Красная Шапка, который кровью жертв подкрашивает свой головной убор. К гоблинам относятся и шотландские водяные — фуа, и английские хобии — кровожадные твари со склонностью к каннибализму и похищению детей. Впрочем, хобии боятся собак, и не без причины: в одной сказке говорится о том, что всех хобиев однажды проглотил огромный черный пес.

Почти все сказочные существа, которые известны фольклорно-мифологической традиции, появились на свет, что называется, в начале времен. Однако в нашем XX столетии к ним присоединились новые товарищи. Речь идет о гремлинах, «родившихся» во время первой мировой войны. Точное место рождения гремлинов — французский аэродром Ле Бурже, где базировались самолеты королевских ВВС Великобритании. Наружность гремлинов весьма примечательна: ростом они около 20 дюймов, больше всего смахивают на помесь кролика с бультерьером, одеты обыкновенно в зеленые брюки и красные куртки. Их «специализация» — техника. Смысл жизни гремлина в том, чтобы как можно сильнее испортить настроение летчику, водителю, инженеру. До серьезных поломок дело, как правило, не доходит, однако если за гремлинами не уследить, они способны довести человека до белого каления.

Существует исторический анекдот по поводу того, откуда взялось слово «гремлины». Однажды на метеостанции аэродромв Ле Бурже разом вышли из строя все приборы. На вопрос, как такое могло случиться, один техник ответил: «Гремлины постарались». С тех пор все неполадки на аэродромах и в самолетах стали списывать на гремлинов, а позднее на их счет начали относить любые технические неисправности.

Фольклорно-мифологическая традиция — неиссякаемый источник сведений, воспламеняющих творческое воображение. Разумеется, писатели, поэты и драматурги никак не могли пройти мимо столь многочисленных и столь любопытных с литературной точки зрения тем. Из этого источника можно черпать, не опасаясь, что он когда-либо оскудеет. И потому существа, с которыми человек впервые знакомится по сказкам и мифам, вновь и вновь возвращаются к нему в дом со страниц книг.

Правда, авторы художественных произведений в большинстве своем просто-напросто следуют традиции, которая — именно в литературе — со временем начинвет приедаться. В самом деле, кочующие из книги в книгу драконы, эльфы и гномы способны надоесть не хуже голливудских хэппи-эндов. Хочется чего-то нового, чего-то такого, что не было бы настолько откровенно заимствовано из мифа или фольклора. Однако создать существо действительно оригинальное удавалось весьма немногим писателям.

Вспомним сказки Лаймена Ф. Баума, населившего свою страну Оз наидикоаиннейшими созданиями, вроде Тыквоголового Джека, Тик-Тока или Вороков. Впрочем, и Баум вряд ли может претендовать на роль создателя «литературно-мифологической» традиции. Если такой человек, такой писатель и существует, то это, безусловно, Джон Р. Р. Толкин.

О Толкине, его книгах и персонажах книг можно говорить очень долго. Что касается персонажей, здесь как традиционные — эльфы, гномы, — так и свои собственные — энты, орки. Однако они — предмет отдельного разговора. Сейчас же остановимся на тех, кому Толкин, бесспорно, обязан успехом, выпавшим на долю «Властелина Колец» и других произведений. Речь, конечно же, о хоббитах.

«Хоббиты — скромный и очень древний народец, говорится в прологе к пераой части «Властелина Колец», в прошлом более многочисленный, нежели в наши дни. Они любят мир и покой и тянутся к возделанной земле, предпочитая селиться в благоустроенной и процветающей сельской местности. Они никогда не понимали и не восхищались машинами сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или ручного ткацкого станка; не понимают и теперь, хотя ловко обращаются со всякими инструментами... У них зоркие глаза и острый слух, они склонны к полноте и не желают суетиться по пустякам, однако быстры и сноровисты в движениях...

Они — малый народец, ниже ростом, чем даже гномы — впрочем, ненамного, — и не такие коренастые. Если мерить нашими мерками, их рост колеблется между двумя и четырьмя футами. Ныне они редко дорастают до трех футов, но утверждают, что раньше были выше...

Они одеваются в одежду ярких цветов; больше всего их привлекают желтый и зелёный. Однако башмаки хоббиты носят редко — ведь кожа у них на ступнях грубая и жесткая, а стопы покрывают густые вьющиеся волосы, почти такие же, как и на головах... Лица хоббитов, как прввило, скорее добродушные, чем красивые, — широкие и румяные; глаза блестят, губы всегда готовы растянуться в улыбке, в рты так и норовят раскрыться пошире — мол, неплохо бы выпить да подзакусить... Они — радушные хозяева, им нравятся праздники и подврки, которые они охотно дарят и с удовольствием принимают.

Не приходится сомневаться, что пускай хоббиты сторонятся нас, они — наши родственники; они гораздо ближе к нам, чем эльфы и гномы. В старину они говорили нв языках людей, искажая их, как хоббитам удобнее, любили и ненавидели почти то же самое, что любили и ненавидели люди».

Волшебная Страна бесконечно разнообразна. Ее населяет великое множество существ. Хочется надеяться, что знакомство — пускай асего лишь с некоторыми из них — состоялось, и соседи по планете стали хоть немного ближе и понятней людям.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на первое полугодие 1995г. Цена шести номеров журнала "Если" (без стоимости почтовых услуг, которая в каждом регионе различна) — 18 тысяч рублей для подписчиков Москвы, Санкт-Петербурга и областей: Белгородской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Кировской, Костромской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской. **Индекс: 73118.** Для остальных регионов — 27 тыс. рублей, **индекс 71825.** Обратите внимание: если в текущем полугодии мы были вынуждены поднять цену по сравнению с первым полугодием 1994 г. в пять раз, то теперь, для районов 1 и 2 пояса, меньше чем втрое. Так что "Если" остается самым недорогим изданием среди аналогичных журналов и при этом единственным, который находит возможность, наряду с классикой жанра, знакомить своих читателей с лучшими образцами новейшей зарубежной прозы.

Подписные индексы — в каталоге АО «Агентство подписки и розницы» (АПР), стр. 13. В розницу, как и прежде, "Если" будет поступать в минимальном количестве.

ЭЛЛИСОН, Харлан Джей (ELLISON, Harlan Jay)

Родился в 1934 г. в Кливленде, штат Огайо. С 17 лет начал посещать Государственный университет Огайо. Через полтора года был вынужден оставить университет из-за громкого скандала с одним из профессоров, заявившим, что у Эллисона отсутствует талант. Роберт Сильверберг, который был его сверстником и одно время соседом, описывал Эллисона как «небезопасного, бесстрашного, чрезвычайно амбициозного молодого человека, стремившегося доминировать в любом обществе». (Так, известно о его столкновении на Голливудской дискотеке с Фрэнком Синатрой и его телохранителями). Писать Эллисон начал еще до университета, регулярно публикуя заметки в фэн-прессе. Перебравшись в 1955 г. в Нью-Йорк, он опубликовал свой первый фантастический рассказ «Светлячок» (1956 г., журнал «Infinite Science Fiction»). За два года до армии напечатал более 150 рассказов в разных жанрах, начиная от фантастики и кончая эротикой и детективом. В те же годы в течение нескольких месяцев был членом бруклинской молодежной группировки «Баронов». Впечатления этого времени были отражены им в романе «Раскаты» (1958 г.). Эллисон — один из немногих авторов того поколения, которое рискует описывать чрезвычайно насыщенную, сложную, многоплановую жизнь современного американского города. Об этом — его нефантастические книги «Смертоносные улицы» (1958 г.), «Юнцы» (1961 г.), «Рокабили» (1961 г.) и ряд других. Эллисона можно считать провозвестником движения киберпанков, возникшего тремя десятилетиями позже.
Возвратившись из армии в 1959 г., Эллисон выпускает в 1960 г. две книги в жанре НФ («Человек с девятью жизнями» и «Прикосновение Бесконечности»), достаточно стандартные по содержанию, но уже начиная с третьей книги («Страна чудес Харлана Эллисона», 1962 г.) стиль его резко меняется.
Следующее десятилетие — самое плодотворное в жизни писателя. Он не ищет проторенных дорог, так и оставаясь вне всяких литературных лагерей, а несомненный талант приносит ему семь премий «Хьюго», три — «Небьюла» и ряд других. Широко известны его сборники «У меня нет рта, но я должен кричать», «Из страны страха», «Чудовище, взывающее к любви в центре мира», «Мертвая птица: Пантеон современных богов», роман «Феникс без пепла», написанный вместе с Эдвардом Брайантом. Кроме того, он выпускает уникальную антологию «Опасные видения» (1967 г.) и ее продолжение «Снова опасные видения», посвященные «новой волне» в фантастике. Они считаются лучшими в своем роде и по сей день.
В 1994 г. у Эллисона должен выйти роман «Я, робот», написанный в соавторстве с Айзеком Азимовым, умершим два года назад.

БЛЭКВУД, Элджернон (BLACKWOOD, Algernon)

Родился в 1869 г. в Великобритании, в молодости жил в США и Канаде. Считается одним из родоначальников английской фэнтези, оказавшим влияние на творчество Толкина и Льюиса. Его творчество в основном можно отнести к жанру «Dark fantasy» (первый рассказ — «Таинственный дом», 1889 г.); он также отдал дань оккультизму и изучению логики истории (роман «Кентавр», 1911 г.). Его романы несколько тяжеловесны, лучшими в его творчестве считаются рассказы. Они отличаются своеобразным сумрачным лиризмом и классической неторопливостью повествования. Рассказы и повести Блэквуда выходили в сборниках «Пустой дом и другие истории о духах» (1906 г.), «Затерянная долина» (1910 г.), «Сад Пана» (1910 г.), «Страницы таинственного и сверхъестественного» (1949 г.) и многих других. Также он написал оккультный детектив «Джон Сайленс, экстраординарный физик» (1908 г.) и ряд книг о реинкарнации. Скончался в 1951 г.

НИВЕН, Ларри (NIVEN, Larry)

Лоуренс ван Котт Нивен родился в 1938 г. в Лос Анджелесе, штат Калифорния. Учился в Калифорнийском технологическом институте (1956-1958 гг.), затем в Вашбурнском университете (Топека, штат Канзас); в 1962 году получил степень бакалавра по математике. Первая НФ публикация — рассказ «Самое холодное место». Этот рассказ, как и большинство других его произведений, относится к сериалу «Легенды знакомого космоса», в котором описывается человеческая экспансия в космос. Нивен верит в науку и разум; его произведения всегда оптимистичны. К сериалу относятся романы: «Мир-кольцо» (1970 г., премия «Хьюго» и «Небьюла»), «Инженеры Мира-кольца» (1980 г.), «Мир Птаввов» (1966 г.), «Дар с земли» (1968 г.), «Защитник» (1973 г.), «Длинная рука Гила Гамильтона» (1976 г.), «Лоскутная девочка» (1980 г.), «Кольцо дыма» (1987 г.) и ряд сборников рассказов. Из произведений, не вошедших в сериал, в первую очередь следует отметить такие романы, как «Летающие колдуны» (1971 г., в соавторстве с Дэвидом Джеральдом), «Мошка в зенице господней» (1974 г.), «Инферно» (1975 г.), «Молот Люцифера» (1977 г.) и «Поступь (1985 г.). Четыре последних романа написаны вместе с Джерри Пурнелем. Также следует упомянуть о сериале «Парк снов» (три романа, написанных в соавторстве со Стивеном Барнсом). Каждый из перечисленных романов не похож на остальные; действие их разворачивается от дантовского ада до чужих звезд.
Получивший за свое творчество пять премий «Хьюго», одну «Небьюла» и ряд других, Ларри Нивен до сих пор не прекращает поиск новых тем, а его несомненный талант делает каждую очередную книгу подарком для многочисленных поклонников во всех странах мира.

БУЛЫЧЕВ, Кир

Под этим литературным псевдонимом вот уже скоро тридцать лет выступает известный ученый (работает ведущим научным сотрудником Института Востоковедения АН РФ), доктор исторических наук Игорь Всеволодович Можейко.
Родился в 1934 г. Первый фантастический рассказ был опубликован в журнале «Искатель» в 1967 г., а первая книга вышла в 1974 году — сборник повестей и рассказов о приключениях девочки из XXI века, Алисе, успевший приобрести к тому времени немалую известность у детей. Взрослые же читатели познакомились с жителями Великого Гусляра, настолько привыкшими к посещению их города инопланетянами, что стали воспринимать эти контакты вполне буднично. Позже о событиях в городе была написана повесть «Марсианское зелье».
Помимо этих двух циклов, широкую известность заслужили повести «Перевал», «Люди как люди», «Нужна свободная планета» и другие.
Читатели знают не только Кира Булычева, но и Игоря Можейко — в особенности его историческую книгу «Пираты Индийского океана». Свои научно-популярные работы и научные труды он подписывает настоящим именем.
Автор — дважды лауреат Государственной премии (за художественный фильм «Через тернии — к звездам» и мультфильм «Тайна третьей планеты»). Книги К.Булычева изданы в двадцати странах мира.
По мнению критика и писателя Всеволода Ревича, произведения автора отличают «человечность и доброта, которые у Кира Булычева выступают сильнее, чем у других».

КАШНЕР, Элен (KUSHNER, Ellen)

Элен Кашнер — молодая американская писательница, написавшая два сюжетно не связанных друг с другом романа — «Острие шпаги» (1987 г.) и «Томас Рифмач» (1990 г.), принесший ей стремительную известность не только в Америке, но и в Европе.
В 1991 г. этот роман был удостоен Всемирной премии по фэнтези.
«Элен Кашнер пишет как ангел» — отзывался о ней Альгис Будрис. «Никто в наши дни не пишет на английском языке более элегантно и изысканно, — говорил о «Томасе Рифмаче» Орсон Скотт Кард. — Ее книги можно использовать на уроках как образец того, насколько чисто, ясно и прозрачно можно излагать мысли».

Подготовил Андрей ЖЕВЛАКОВ

56/1-9

ЕСМ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Ричард Маккена
СТРАНА МЕЧТЫ

Клиффорд Саймак
ЗЛОВЕЩИЙ КРАТЕР ТИХО

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Норман Спинрад
СХВАТКА

Гарри Гаррисон
ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801